

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ (ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ»

ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Тезисы

16–17 ноября 2018 г.

Санкт-Петербург, ГУАП / Saint Petersburg, SUAI

УДК 37.012
ББК 87.3
Ш51

Ш51 Шестая международная научно-практическая конференция
«Философия и культура информационного общества»: тезисы
докл. – СПб.: ГУАП, 2018. – 280 с.
ISBN 978-5-8088-1311-3

Представлены тезисы докладов Шестой международной научно-практической конференции, которая состоится 16–17 ноября 2018 г.

УДК 37.012
ББК 87.3

Научное издание

ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Тезисы

16–17 ноября 2018 г.

Публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка *А. Н. Колешко*

Сдано в набор 06.11.18. Подписано к печати 08.11.18. Формат 60 × 84 1/16.
Усл. печ. л. 16,3. Тираж 150 экз. Заказ № 482.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67

ISBN 978-5-8088-1311-3

© Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического
приборостроения, 2018

О КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые коллеги!

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения совместно с Институтом философии НАН Беларуси, Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Техническим университетом) приветствует вас на Шестой международной научно-практической конференцией «Философия и культура информационного общества».

Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философских, культурологических, социологических, политологических и психологических аспектов теории постиндустриального (информационного) общества, её оценка с позиций философского материализма. Предполагается затронуть широкий круг проблем:

– 200 лет со дня рождения Карла Маркса: значение его научного наследия для разработки философской концепции общества в информационную эпоху;

– роль историко-философских и историко-культурных традиций в решении проблем современного общества;

– политика и геополитика в информационном обществе;

– компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие;

– изменения в культуре информационного общества;

– современные проблемы развития науки и образования

Желаем всем активного творческого сотрудничества!

Оргкомитет

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент – председатель оргкомитета.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент – заместитель председателя оргкомитета (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП – заместитель председателя оргкомитета.

Быданов Виктор Евгеньевич – заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета), кандидат философских наук, доцент – заместитель председателя оргкомитета (по согласованию).

Максимович Валерий Александрович – главный научный сотрудник, и. о. заместителя директора по научной работе Института философии НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор (по согласованию).

Внутских Александр Юрьевич – заместитель декана по научной работе философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, главный редактор научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология», доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Гусман Леонид Юрьевич – заведующий кафедрой истории и философии ГУАП, доктор исторических наук, доцент.

Исаев Борис Акимович – Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Выжлецов Геннадий Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор Института философии СПбГУ (по согласованию).

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ТЕЗИСОВ
ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»**

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент – главный редактор.

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Орлов С. В.

ТРАДИЦИИ К. МАРКСА И В. И. ВЕРНАДСКОГО В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Орлов Сергей Владимирович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», профессор кафедры истории и философии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: orlov5508@rambler.ru

Аннотация. Владимир Иванович Вернадский и Карл Маркс вели исследования в разных областях науки и жили в разное время. Тем не менее внутреннее единство природного и социального мира приводило их к сходному пониманию глубинных механизмов процесса развития.

Orlov S. V.

TRADITIONS OF K. MARX AND V. I. VERNADSKY IN THE CONCEPT OF DIALECTICS IN THE INFORMATION SOCIETY ERA

Orlov Sergei Vladimirovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, professor, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. Vladimir Ivanovich Vernadsky and Karl Marx conducted research in various fields and lived at different times. Nevertheless, the internal unity of the natural and social world led them to a similar understanding of the key mechanisms of the development process.

В XX веке в российской философии сложилось традиционное понимание марксистской концепции развития – материалистической диалектики. Оно в основном сводилась к набору принципов, трех законов и категорий, которые проявляются в природе, обществе и человеческом мышлении. Все разделы теории развития широко обсуждались и глубоко анализировались отечественными философами, и это даже дало основания американскому исследователю советской научной мысли Лорену Грэхэму заявить: «По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет себе равных среди современных систем мысли» [2, с. 415]. Однако постепенно стало обнаруживаться, что существующая трактовка

диалектики как системы принципов, законов и категорий, прочно вошедшая в учебники философии, не охватывает всей сложности современных задач науки и требует какого-то углубления и уточнения. Реакцией на эту потребность стали формирование теории систем, синергетики, теории диссипативных структур и других аналогичных им общенаучных концепций. Возникла потребность и в поиске адекватного философского осмысления существующей ситуации.

В действительности со времен Гегеля в научной философии начал формироваться еще один вариант трактовки теории развития, по существу углубляющий и развивающий ее схему, традиционно используемую в отечественных учебниках философии. Это рассмотрение развития не просто как повсеместного проявления неких всеобщих законов, а как единого закономерного мирового процесса движения от низшего к высшему, от простого к сложному, роста богатства содержания предметов и явлений. Именно на таком принципе построено изложение идеалистической диалектики у Гегеля – абсолютная идея проходит некоторые ступени развития, ничего не оставляя позади себя, но неся с собой все приобретенное и обогащаясь и сгущаясь внутри себя (по образному выражению великого диалектика) [см.: 3, с. 306–307]. Фридрих Энгельс дал материалистическую интерпретацию этой концепции, рассматривая развитие в целом как процесс движения от низших форм материи к высшим, то есть от физической к химической, биологической и социальной, в которой природа (а не мировой дух) «приходит к осознанию самой себя». Разработанное К. Марксом понятие общественно-экономической формации является распространением данного подхода на социальную философию.

Предложенная Ф. Энгельсом концепция уровней (основных форм материи) довольно подробно исследовалась в российской философии (работы Б. М. Кедрова, С. Т. Мелюхина, В. И. Свидерского, В. А. Штоффа, А. А. Бутакова, К. М. Завадского, М. В. Мостепаненко, А. Д. Вислобокова). Школа научной философии Пермского университета разрабатывала ее более 50 лет [см., например: 4, 5]. Этот подход было предложено называть конкретно-всеобщей концепцией развития – в отличие от традиционной, абстрактно-всеобщей, охватывающей только самые общие черты механизмов развития. В результате была сформулирована еще одна группа законов, выражающая диалектику именно как движение от низшего к высшему, от простого к сложному и позволяющая более глубоко и конкретно анализировать проблему развития в современной науке. Эти законы, имплицитно присутствовавшие уже в учении Гегеля, можно свести к следующим:

1. Возникновение высшего из низшего.

2. Включение низшего в высшее.
3. Сохранение низшего в качестве внешней среды высшего.
4. Подчинение низшего высшему.
5. Возникновение интегральной природы (или сущности, качества) высшего.

Анализ научного творчества В. И. Вернадского позволяет сделать вывод, что он несколько опередил современную ему диалектико-материалистическую философию, широко используя именно конкретно-всеобщую концепцию развития, в то время еще плохо осознанную отечественными философами-профессионалами. Процессы развития в биосфере и в ноосфере для него – это не просто проявления трех законов диалектики, а сложное взаимодействие низших и высших форм материи. В. И. Вернадский пишет, например: «На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. И чем более мы изучаем химические явления биосферы, тем более мы убеждаемся, что на ней нет случаев, где бы они были независимы от жизни...» [1]. Согласно «закону бережливости» В. И. Вернадского, «каждая форма живого вещества “изымает” из окружающей среды необходимые химические элементы и возвращает их в приемлемых для биосферы формах, не искажающих ее “старинные биогеохимические циклы”» [6, с. 60]. Существует, таким образом, некое гармоничное взаимодействие между физическими, химическими и биологическими процессами. Сложность влияния высшей формы материи на низшие проявляется в оригинальном примере Вернадского: тучу саранчи, пишет он, можно рассматривать как дисперсную горную породу, чрезвычайно химически активную и находящуюся в движении. «Такой подход, – отмечает Т. Н. Соснина, – был поистине новаторским, ибо представление о горных породах никак и никем не рассматривалось в связи с живой материей, с репродуктивной ее функцией» [6, с. 57]. Вернадский в полной мере осознал, сколь сложным может быть воздействие живого на физические и химические процессы, а последних – на живые организмы.

Исследования В. И. Вернадского позволяют сформулировать законы взаимодействия низшего и высшего применительно к ноосфере как особой стадии развития материального мира. Они могут быть выражены так:

1. Ноосфера возникает из природы, причем не прямо по законам последней (как химическое из физического или биологическое из химического), а под действием опосредствующего фактора – человеческого труда.

2. Ноосфера включает в себя природные формы материи как свою основу. Эти природные формы материи, их законы и специфика субстрата образуют некие рамки или пределы, за которые не могут выходить в процессе развития высшие, то есть социальные и ноосферные явления.

3. Природа как низшее становится широкой внешней средой, в которой возможно существование высшего, ноосферы. Добавочная сложность ноосферных явлений по сравнению с природными вызвана, как известно, тем, что существует еще один фактор становления ноосферы – человек.

4. Природная среда как низшее подчинена обществу и ноосфере как высшему, более сложному уровню организации, активно преобразуется ими.

5. Наконец, ноосфера, как показывал В. И. Вернадский, обладает некой более сложной, интегральной природой, не сводимой к физическим, химическим, биологическим и социальным процессам в чистом виде. Здесь возникают такие новые и не до конца объясненные явления, как, например, законы техники. Они носят, так сказать, гибридный характер, объединяя в себе не до конца понятным образом законы природы и общества, но обладают и достаточно сильным единством. Все эти сложные отношения, по-видимому, могут быть описаны наиболее точно именно на основе законов взаимодействия низшего и высшего. Эти категории незаменимы при анализе понятий, сформированных современной наукой в процессе осмысления и развития концепции Вернадского – антропосфера, социосфера, техносфера, биотехносфера, семиосфера, био-ноосфера и т. п.

Проведенный беглый анализ позволяет, с нашей точки зрения, заключить, что концепция ноосферы В. И. Вернадского, с одной стороны, опирается на конкретно-всеобщую версию диалектики, предложенную еще Г. В. Ф. Гегелем, К. Марксом и Ф. Энгельсом. С другой стороны, работы Вернадского дают ценный материал для развития концепции материалистической диалектики – развития, приводящего к более глубокому пониманию механизмов функционирования общества, природы и их взаимодействия. Представляется, что это станет одним из важных направлений развития философии эпохи информационного общества.

Список литературы:

1. *Вернадский В. И.* Биосфера. Мысли и наброски. Сборник научных работ В. И. Вернадского. М., изд-во Ноосфера, 2001. – 244 с.

2. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 3. М., «Мысль», 1972. – 371 с.

4. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. – 397 с.

5. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии: монография / В. В. Орлов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – 262 с.

6. Соснина Т. А. В. И. Вернадский – энциклопедист и пророк. Самара, Самарский гос. архитектурно-строительный ун-т. Издательство СНЦ РАН, 2012. – 148 с.

Адуло Т. И.

РЕШЕНА ЛИ ПРОБЛЕМА «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ»?

Адуло Тадеуш Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

E-mail: tadoul@mail.ru

Аннотация. Проблема отчуждения и общечеловеческой эмансипации является одной из основных проблем в философии К. Маркса. В современном обществе, которое можно назвать глобально капиталистическим, проблема отчуждения не решена до сих пор, и не существует теоретической модели устойчивого развития. В политических условиях начала XXI века социальное проектирование должно сопровождаться выверенной и апробированной антропологической экспертизой.

Adulo T. I.

IS THE PROBLEM OF “UNIVERSAL EMANCIPATION” SOLVED?”

Adulo Tadeush Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for Social-Philosophical and Anthropological Research, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

Abstract. The problem of alienation and universal emancipation is one of the main problems in the philosophy of Karl Marx. In modern society, which can be called globally capitalistic, the problem of alienation has not been solved until now, and there is no theoretical model of sustainable development. Under the political conditions of the beginning of the 21st century, social planning should be accompanied by verified and tested anthropological expertise.

Центральная проблема в учении К. Маркса – проблема отчуждения и пути достижения «общечеловеческой эмансипации», хотя само понятие «отчуждение» получило права гражданства лишь в ранних работах К. Маркса. В одной из первых своих крупных работ «Экономи-

10

ческо-философские рукописи 1844 года» он выделил различные характерные для капитализма порабащивающие человека формы отчуждения. Основной формой отчуждения, пронизывающей всю сферу социальности, К. Маркс считал отчуждение работника от результатов своего труда. Этого не видели, или не желали видеть, А. Смит и Д. Рикардо. Главной причиной отчуждения является частная собственность, которая, по оценке К. Маркса, с одной стороны, выступает *продуктом* отчужденного труда, а с другой *средством* его отчуждения.

При этом К. Маркс не ограничивается лишь выявлением и выяснением сущности наличных форм отчуждения, характерных для капиталистического общества, а также причин их существования. Наряду с этим он разрабатывает конкретный механизм их преодоления и приходит к выводу о том, что снять наличные формы отчуждения, построить гуманное общество представляется возможным лишь в результате социалистической революции и ликвидации частной собственности на средства производства, т. е. путем упразднения экономической базы различных форм отчуждения. Главной движущей силой революции выступает пролетариат.

Переводя в практическую плоскость вопрос о преодолении различных форм отчуждения, К. Маркс в своих ранних работах использует понятие «эмансипация». В содержательном плане оно трактуется как освобождение какого-либо субъекта от довлеющих на него сил и обстоятельств. В качестве таких субъектов выступают как отдельный индивид («эмансипация немца»), так и классы («эмансипация буржуазии», «эмансипация пролетариата»), а также общество в целом («эмансипация народа», «общественная эмансипация», «общечеловеческая эмансипация»). К. Маркс органично привязывает проблему эмансипации к конкретным сферам общества (обосновывает идею «политической эмансипации»), к нациям (рассуждает о «немецкой эмансипации»), к континентам («европейская эмансипация»), даже к полу («эмансипация женщины»), разграничивает частичную и всеобщую эмансипации. В диалектической взаимосвязи им представлены теоретическая и практическая эмансипации. В то же время акцентируется внимание на «практической эмансипации». Эмансипация того или иного субъекта не случится сама собой. Для ее реализации потребуются приложить серьезные усилия со стороны субъекта.

Идея социалистической революции и диктатуры пролетариата как формы политического устройства в переходный период от капитализма к социализму постоянно подвергалась жесткой критике со стороны оппонентов марксистской теории. Та же картина наблюдается и сейчас. Аргументация оппонентов К. Маркса обычно сводится

к утверждению об отсутствии, якобы, в нашу эпоху рабочего класса и наемного труда. Но больше всего критикуют К. Маркса за «негуманные» средства, предложенные им для построения гуманного общества.

Зададимся, между тем, вопросом: «Можно ли было в ту историческую эпоху предложить иные, не революционные способы эмансипации рабочих»? Несомненно, К. Маркс и Ф. Энгельс осознали тот факт, что в результате социалистической революции неизбежны человеческие жертвы. Поэтому, считали они, желательнее было бы мирным путем решить вопрос о передаче буржуазией власти рабочему классу. Но при этом они были убеждены в том, что буржуазия добровольно не откажется от своего господствующего положения и своих полномочий.

Нужно обратить внимание на то, что к решению вопроса о насильственном свержении властных институтов классики марксизма подходили ответственно, и в каждом отдельном случае рассматривали его конкретно. Так, в своих последних работах 1895 года Ф. Энгельс категорически возражал против вывода на улицу вооруженных рабочих, особенно в Германии. Учитывая сложившуюся ситуацию, расстановку классовых сил, он пришел к заключению о целесообразности более активного использования появившейся возможности парламентской деятельности. Это, однако, не означает того, что, как утверждают некоторые авторы, классики марксизма в конце своей жизни решительно изменили свою позицию и будто бы отказались от идеи социалистической революции. Приверженность идее социалистической революции подтверждается содержанием писем Ф. Энгельса в последние годы его жизни. В целом, уже в работах раннего периода К. Маркс раскрыл истоки, формы и сущность отчуждения в капиталистическом обществе, а также способы их преодоления.

Современное мировое сообщество некоторые исследователи считают глобальным капитализмом. В этом плане, что можно сказать о выявленных когда-то К. Марксом формах отчуждения в нашу эпоху?

Думается, что главное из них так и осталось атрибутом современного капитализма. Речь идет об отчуждении результатов труда от работника. Полагаем, что эта форма отчуждения не была преодолена и в СССР, что и стало одной из объективных причин его застоя, а впоследствии и его краха. Об этом, правда, философы не писали. Более того, в 1940-е годы они отрицали наличие в СССР даже социальных противоречий. Лишь начиная с середины 1940-х годов, эта тема стала предметом их серьезных исследований. Определенный вклад в ее разработку внесли белорусские философы В. И. Горбач, Ю. А. Ха-

рин и др. Но философы по-прежнему отрицали наличие отчужденных форм социальности в советском обществе, как и наличие антагонистических противоречий, хотя, как известно, не разрешенные своевременно социальные противоречия неизбежно превращаются в антагонизмы со всеми вытекающими последствиями.

Идеи К. Маркса об отчужденных формах социальности и путях их преодоления не потеряли во многом своей актуальности и в нашу историческую эпоху. Главная задача, которую предстоит решить мировому сообществу, – максимально снизить уровень социальной конфронтации, преодолеть жесткое соперничество этносов, наций, государств, регионов, искоренить дух алчности и наживы, порождающих социальную нестабильность и войны. Для этого предлагаются различные социальные модели.

Анализ предложенных социальных проектов, их сопоставление с социальной практикой, позволяет сделать вывод о том, что на данный момент человечество не выработало теоретической модели «устойчивого» общественного развития – той модели, которая учитывала бы интересы всех субъектов исторического процесса и способна была стать выверенной программой практических действий – программой построения общества, отвечающего критериям «социальной гармонии».

Большинство современных политиков и теоретиков критически относятся к предложенной еще в XIX веке К. Марксом теории построения гуманистического общества в виде коммунистической формации по причине того, что для реализации этого проекта приходится применять насилие в виде социалистической революции и диктатуры пролетариата. Хотя, с другой стороны, разразившиеся на мировом пространстве в начале XXI века т. н. «цветные революции», реализуемые с целью устранения «тоталитарных» политических режимов и «утверждения» демократии, оказались столь же кровавыми, как и совершённые в свое время социалистические революции, а, порой, даже превзошли их по жестокости и цинизму проектировщиков. И здесь возникает целый ряд вопросов, главный из которых обретает такую формулировку: «Как добиться того, чтобы проектирование, и в особенности практическая реализация любых социальных проектов, сопровождались выверенной и апробированной антропологической экспертизой?»

Варини Е.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СИЛЫ: ТЕОРИЯ КОСМИЧЕСКОГО МОСТА К ДИАЛЕКТИЧЕСКИ-СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ

Варини Ермес – университет Тренто, Ph. D., научный сотрудник, Италия.
E-mail: ufficio.stampa@unitn.it

Varini H.

RETURN OF POWER: THEORY OF A COSMIC BRIDGE TO THE DIALECTICAL OVERHUMAN

Varini Hermes – University of Trento, Ph. D., researcher, Italy.

Abstract. Propounded in relation to a peculiar mode in the view of an oscillating or cyclic universe, the concept of Return of Power, or of ontic recurrence as further increase in ontic Power signifies the determination of the existing entity according to its own selective recurrence as dialectically exceeding a previous status. Based thus upon the assumption that the actual ontological existence of the entity lies in its own potentiated recurrence (for it is maintained that only what is able to return to itself as potentiated signifies actual ontological existence) and that an ontic eternal return can only occur in terms of further Power, this notion embodies the culminating phase within change as an ultimate overcoming of a previous ontic status or situation respecting the category Power as a primary criterion within a constantly increasing Real (as Power, precisely). An ontic selective ultimate event respecting becoming as a general increment of the Real, this concept exceeds both the ontic dispersion in nothingness of the linear time and the identical ontic repeatability of the Eternal Return of the Same, the latter insofar as asserting the perennial return of man's own status of powerlessness, and as rendering accordingly impossible any actual (dialectical) transition to a well-defined superior ontic phase.

Being able to exist is power.
Spinoza, Ethics.

In setting forth the term and category *Return of Power* [12], I endeavored to define the determination of the existing entity according to its own natural and selective recurrence as dialectically exceeding a previous status. Based thus upon the assumption that the actual (ontological) existence of the entity lies in its own *potentiated recurrence* (for only what is able to return to itself as potentiated signifies actual ontic existence) and that the ontic return can only occur under this peculiar form, this notion establishes a substantive overcoming of a previous ontic status, phase, or situation in the distinct terms of *Power* as primary determination of the constantly increasing Real (*as Power*, precisely).

The continual increase of the latter, and hence of *Power* as contained within it, implies the Return in the very terms of *Power* as its own

culminating point respecting the Real as being *only potentially infinite*,¹ and as accordingly implying an intrinsic *return to itself* as its own self-determination, the opposite *actual infinite*, the relevant *creatio ex nihilo*, and linear view of time involving instead an eventual self-dispersion, and thus self-negation, of the entity in an ultimate nothingness. An ontic selective potentiating process and return, *ontic selective*, in contradistinction to the *identical ontic return* of the Eternal Return of the Same, an increase of Power intrinsic to Return, and a culminating point in becoming as a general increment of the Real (and hence of *Power*), the recurrence in terms of further increase in ontic Power exceeds accordingly both the ontic dispersion in nothingness of the linear succession of events (the latter as denying the ontic return as a final determination of the entity), and the identical ontic repeatability intrinsic to the Eternal Return of the Same, which, when looked upon in relation to Nietzsche's own notion of *Übermensch*,² and as asserting instead the return of man's eternal impotence, makes *de facto* impossible any transition (dialectical) to a necessarily superior *ontic phase*, hence to the actual (ontological) overhuman as antithetical to ontological human impotence in the first place. For, as the actual overcoming of the present status of the world is to be dialectical, and under this form *ontologically comprehensive*, if the entity (i.e. the human-entity) returns the same, no actual transition to the overhuman can possibly occur. In this light, the notion of Return of Power involves a constantly self-overcoming cyclicity (dialectical) that differs from the aforementioned case in defining the selective passage of status of the entity to that of over-entity, hence of the human to that of over-human in a peculiar non-Nietzschean sense, or, as anticipated, in a manner involving a *most radical opposition*³ to man's intrinsic status of ontic powerlessness. As confirmed by empirical evidence, the difference lies intrinsic within becoming, or change, as its own peculiar definition, this leading at length to a *recurrence of the difference*, which, in the fundamental terms of *Power*, and in accord with a Hegelian turn of mind, results in a *potentiated or enhanced difference* as a determination (and ultimate destination) of the entity, and in respect to identity (impotent), reaching its status of *Over-identity* or *Identity of Power* [12]. Becoming signifies accordingly a constant increment of the Real itself, until the ontic return shall occur as an ultimate result of this same increase by exceeding itself in the leading terms of *Power*, thus ensuring, *selectively*

¹ This notion is notably Aristotelian, and consistent with Greek wisdom in general.

² As is known, this concept is introduced in Thus Spoke Zarathustra.

³ As set forth in my own Condition of Power, this opposition can be chiefly seen in terms of Power/Powerlessness.

(for otherwise the recurrence would *still be* in the general terms of ontic impotence), a potentiated and renewed situation of the (human) entity to be the case. The *ontic potentiating process* entails the ontic recurrence consistent with the difference in a peculiar potentiated fashion, and is regarded as being one with the *ontic return*, since they both lead to an antithetical status of the entity, which, in a situation as our own, is a status of intrinsic limitations. The Return of Power entails perforce a selection in respect to the (human) entity as whether or not the latter proves to be endowed with enough ontological ability, and indeed strength, *to return to itself*, which is the same effort under the form of potential adequation *to Power* [12] as required within this recurrence (for it is maintained that only what is able to return exists ontologically, in affirming, over and over, its continual status of existence). As regard what I attempted at defining as dialectic Power-Stasis-Power, to be further examined, within the impotent world of man this notion embodies the culminating phase as exemplified in the very passage from *Stasis to Power*, whereas in a situation of intrinsic (already existing) human Power that from *Power to Power* [12], in both cases establishing an ontic potentiating process and direction towards Power alone, whether under the form of the overcoming of human impotence (dialectical overhuman), as in the former, or in terms of reflective *overabundance* (of Power, precisely), as in the latter, in conformity with the use of this term in the Neoplatonic tradition. Again, whereas Power inheres in the Real (and in Being) as its own determination, it *also ontologically exceeds it* on account of being its own peculiar substantiality (Greek ὑποκείμενον) and Source [12]. As nothing can exceed the ontologically incomparable character of Power, be it terminological or conceptual, the latter can be overcome *only by itself*, this occurring in full compliance with the omnipresent Becoming (as increase of Power) as leading inevitably (since dialectically outlined) to the Return of Power as an unparalleled self-assertion. Under this garb alone, by asserting a self-overcome (human) entity, and thus the same actual overhuman in a non-Nietzschean mode, together with its own final determination, the necessary return of the Real occurs and exceeds itself in a *potentiated Real*. For the latter alone as precisely potentiated, that is, as an *over-Real* in the very terms of Power, is able to overcome the Real (former, as signifying substantial impotence) in a most comprehensive manner. Hence the criterion of Return of Power embodies by definition the very dialectical (and physico-cosmological, to be now suggested) transition *from Powerlessness to Power* as the most crucial and comprehensive process for human nature to accomplish, and the sole able to define a final determination of the existing entity, that is, of the entity endowed with a non-contingent or non-temporary character (for,

again, what actually exists returns, and does so under a potentiated form). It also signifies the crowning phase within what can be perceived, in visual terms, as a *closed spiral of events*, which is the same phenomenology as most dynamically (and very often conflictually) expressed in Becoming as increase of Power, the spiral closing on itself when at length the necessarily selective ontic return does take place [12]. This has been thus far a subject of remark in a logico-dialectical standpoint alone. Yet since the theme at issue proves to be no doubt attributable to cosmological matters, insofar as inevitably dealing with *the physical* (as a physical-entity proper), it is now high time for suggesting further connections in this direction.

Let us accordingly dwell upon the oscillating or cyclic model of the universe, as first propounded by Aleksandr Aleksandrovič Fridman (1888–1925),¹ and upon the relevant concept of gravitational singularity as defined in the Penrose-Hawking singularity theorems [3]. As is known, according to this most dynamic and self-referential view of the cosmos, the force of gravitation eventually succeeds in transforming the expansion, as originated by the Big Bang, into an ultimate contraction as occurring in the Big-Crunch, which latter in turn leading to a new expansion to again collapse on itself in a most distant future, the process being continual, hence affording, physically, an ideal notion we may possess of *Eternity*, with no dispersion of the entity in nothingness to possibly occur (as instead is the case in the rival notions of flat and open universe) [9]. If we are accordingly firm in our statement that change, by its very definition, does not, and cannot, arrest its increase of the Real (and thus of Power, respecting the perennial increment of the whole of its dynamic determinations), the obvious conclusion we reach is that it does not, and cannot, arrest such an increase *under no circumstances*. And in saying “circumstance” I now focus on the aforementioned criterion of *gravitational singularity*. Whereas in the latter, as consistent with the hideous furnace of the Big Crunch, a potentially infinite gravity (and heat) results in an utter breakdown of physical laws, the continual increase of the dynamic determinations of Becoming, and of Being, insofar as an *inseparable metaphysical counterpart* of the former,² cannot but *go further*, and respecting the very category and term *Power* as an ontological constant and primacy in both [12, chapter 1]. Accordingly,

¹ This view first appeared in *Über die Möglichkeit einer Welt mit konstanter negativer Krümmung des Raumes*, Zeitschrift für Physik Vol. 21, pp. 326–332, 1922. English version in A. Friedman, *On the curvature of space*, *General Relativity and Gravitation*, 31 (12): 1991–2000.

² This has been again extensively illustrated in my own *Condition of Power-Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.

let us further consider the eventuality that, within the proximity of the so called Big Crunch, the growth of entropy defining the non-relative verse of the arrow of time may result to be at length so diluted as to account for the passage to the subsequent expanding phase of the universe (as in turn commencing with the Big Bang) in an *almost thermodynamically reversible manner, with an overall substantial enhancement of the physical entity as associated to a lower level of either intrinsic physical disorder or metaphysical chaos, of the thus ensuing matter and energy as one*, and in full accord with the celebrated Einstenian formula:¹

$$E=mc^2$$

This assumption comes chiefly held according to the following statement: “As the black hole formed by the collapse of a rotating star settles down, it absorbs part of the gravitational radiation emitted during the last moments of collapse. This radiation, strongly blue-shifted near the inner horizon, enormously increases the mass of the black hole’s core. External observers cannot detect this mass, but it manifests itself dramatically when the black holes in a collapsing universe merge, a few minutes before the “big crunch.” The mass of a rebounding universe is enormously inflated, and its specific entropy correspondingly reduced. This allows the expansion to begin from a state of relatively low disorder.”² Nothing prevents us from interpreting the utterance “relatively low disorder” as an *ideal setting for an enhancement of the physical entity, hence of the human*, which, in reference to the substantiveness of Power as an ontological constant, would accordingly result as *potentiated in chief reference to a lower level of ontic disorder or chaos precisely*: a physical over-entity, as altogether foreign to the three *points of impotence* as I attempted at defining in relation to the present limitative status of the human.³ In a standpoint now by all means favoring an ontological superiority of the *Metaphysical* over the *Physical*, the Capability of Power⁴ of both Becoming and Being is to exceed such a breakdown, as the very category *Power* (both metaphysical and physical) is accordingly to prevail in any case. As a consequence, the physical Real turns out to be potentiated (with a constant reference to the Latin utterance *Potentia*), and hence the *entity itself*, to which it comes to be inevitably connected.

¹ As for this conception in my own Condition of Power, see: [1].

² See: [8] (Abstract).

³ See the relative concept as contained in the glossary in my own [12].

⁴ This notion indicates the actual amount of ontological Power to be found and expressed in a given circumstance, either human or extra-human. See the relevant utterance as contained in the glossary in my own [12].

Hereupon, the conclusion we reach is the following passage to be developed in relation to the force of change as still an unrestrainable ontological and physical agent, the symbol “→” being employed as broadly indicating a well-defined ontological (and physical) passage of status:

Entity→Over/Beyond Entity (as hitherto known and considered)

The entity may therefore result in being enhanced (as to an intrinsic want of chaos within it, as already suggested), and respecting a previous situation, and owing to this cosmological process to occur as recurrent (for, in causing one another, the Big Bang and the Big Crunch prove to be conceptually one). In the light of this event, which implies the entity to wear an accomplished aspect of *over-entity*, the whole hitherto known world would be, still in the supreme terms of Power, *diminished from whatever thinkable standpoint*. To suggest a few instances, our sun would shine like a supernova, a mere inlet of sea would be an unfathomable ocean, a banality the most comprehensive metaphysical system ever thought out, and the altar under which Alexander the Great in his route to Persia honored, lying alone in the middle of the night, the spirit of the fallen heroes of Troy, of so greater a magnitude as to overshadow the whole of our own historical memory. As all this is still to be regarded in the very terms of want of physical chaos, again in relation to the aforementioned dialectic Power-Stasis-Power as focusing on the ontic passage from *Stasis* to *Power*, (which, in symbolic terms, signifies the same transition from the ontological inconsistency of the *Shadow*, to the realized overhuman nature of the *Body* through the very mediation of the *Lightning*),¹ this determines the same selective stage for the entity to occur as a matter of course in its physic-ontological passage of status. Moreover, since the laws of dialectic imply by definition an intrinsic flow and guaranteed arrival, the contradiction of man’s impotence is to be now overcome respecting the overcoming as intrinsic in contradiction (Hegel) [see: 10; 4], this ensuring the passage from actual human Powerlessness to actual human Power to be now the case. Accordingly, the supreme phase of the dialectical overhuman is to be in any case achieved, sooner or later, and the passage from the *Thesis* (man, Powerlessness) to the *Potentiated Antithesis* (over-man, Power) altogether determined in leading the former to the latter as a well-defined direction, reference and goal (under the peculiar form of Identity of Power, Over-Identity).² And again this attainment proves to be the same culminating stage within change, a very phase which is again ontic-selective, for, if otherwise, no general improvement touching the entity in the leading terms of Power can possibly occur. And again this suggests an ontological

¹ See the notion of Ontological Triad as set forth in the glossary in my own [12].

² See the relevant terms in the glossary in my own [12].

inconsistency of Nietzsche's own statements regarding the advent of his own *Übermensch* in relation to his revived notion of Eternal Return of the Same (a notion previously held, as is known, by Empedocles, Zeno, Plato himself, and, more especially, by Stoic wisdom). For again, an eternally identical recurrence prevents the entity, hence the human, to achieve its superior status of actual ontological Power, as now looked upon in terms of substantial want of ontic disorder. A dialectic based upon the ontological primacy of the term and category Power, and of its necessary self-negation is to accordingly define the dynamic structure of Being as Power, of Becoming as increase in Power as its own agent, and of the human as defined in relation to the two antithetical phases of Power and Powerlessness, with the former alone as substantive, on account of its being altogether akin to the very character expressed within the unfathomable dynamic vastness and energy of Being as Power precisely (to with the notion of potential infinite is herein associated). Be it applied to the human or to the extra-human (as Being and Becoming), it determines at length the crucial advent of the actual Overman *as a human being superior in whatever respect since by very definition antithetical to the whole of the limitations of the current human status*.

In order to reach the level of abstraction the theme at issue now requires, let us focus our attention upon the intangible force of the Metaphysical in the first place, and maintain an underlying subtle connection with the Physical, as previously illustrated, in the second. As already implied, since dialectic always entails an *alterity* under the form of *opposition*, we may endeavor to suggest the very character of change as being consistent with three key moments. These stand for the same stages in the unrestrainable phenomenology of the Real as being now consistent with the following simple scheme:

$$A \rightarrow B \rightarrow (\text{Return to})A$$

The first stage (A) coincides with the third (again A), which is the *identity*, the same identical (Greek τὸ αὐτὸ, Latin *idem*, German *das Selbe*, as related to the English *self*) to be achieved by means of the crucial point of conversion, or return, via the mediation of the second (B), which latter, in order to afford dynamism to the process, to be perceived under the form of *alterity* and *opposition*. Accordingly, the aforementioned triadic relation may be further posited thus:

$$\text{Identity} \rightarrow \text{Alterity} \rightarrow (\text{Return to})\text{Identity}$$

The phenomenology, which, very often, if not essentially, either individually or at a general level, prove to be a dramatic and conflictual one, of Becoming as an increment of Power (as a determination of the Real) implies therefore a middle time (B) as opposite to the previous (A) and to the next (again A),

which are one, and the sole substantive and prevailing (as one are beginning and end in a self-referential progression, and, in a cyclical cosmic perspective, the same Big Bang and Big Crunch in causing one another). Within this self-referential and all-encompassing flux now in question, the presence of an *alterity* or *opposition* proves to be essential respecting the intrinsic change that feeds it as a necessary antithesis. This would further proceed according to a reconciliation of opposites as leading to harmony in a Heraclitean sense,¹ and to a self-recurring unity as referred to *Permanence* (μονή), *Procession* (πρόδος) and *Return* (ἐπιστροφή), as exemplified in the quintessential Neoplatonic turn of mind of Proclus.² Hereupon the continual increase of Power as intrinsic to Becoming would focus upon the following stages:

Power→Stasis→(Return to)Power

Whereas Power embodies the two prevailing stages of identity, which sum up our relation within *unity*, or more precisely, within a self-recurring unity as a determination of the physical Real in conformity with a particular view of the cyclical universe, a necessary median phase still inheres under the form of alterity or opposition. This latter lies essential in establishing the dialectical dynamism required in change in general. Insofar as consistent with *difference*, and as antithetical in character to the ontological supremacy of the dialectical overhuman as personified Power,³ we may term it as a phase of *Stasis*, the same we see exemplified in the countless limitations of the present human status. Accordingly, although the achievement of Power from within human Powerlessness proves to be extremely distant in terms of Space and Time, yet, dialectically, it signifies a certainty, and a most selective one in relation to the suggestions set forth hitherto.⁴ To sum up, besides asserting a perennial transience with no beginning nor end (in the Heraclitean form of Πάντα ῥεῖ), the notion of Return of Power embodies the ultimate phase in the continual increase of the Real as resulting in an equally continual increase of *Power*, the latter always as a primary determination of the former. Owing to the Real being *only potentially infinite* (in the Aristotelian sense), and to the primacy of the term and category Power to inhere within it as its own substantiality (Greek ὑποκείμενον), and in stark opposition to whatever ontic dispersion and self-negation (as instead it occurs in the *actual infinite*), change is to lead at length to a selective ontic recurrence in the peculiar

¹ For a comprehensive introduction to Heraclitus, [see: 5].

² Such a Neoplatonic structure can be found in Proclus [7, Book III].

³ This concept is widely illustrated in my own [12].

⁴ In a state of affairs of already intrinsic human Power, the Return of Power occurs according to an ontic overabundance of Power. See the notion Triad of Power in my own [12].

terms of Power. Therewith the necessarily selective passage of status of the entity takes place, resulting in man's own selective transition (insofar as a human-entity) to an exceeding dialectical phase as altogether antithetical to the very notion we may possess of ontic impotence. In opposing the linear temporal progression of Biblical and Augustinian origin, and the relative *Creatio ex nihilo* (as both consistent with an ultimate ontic dispersion and self-negation in *nothingness*), it also substantially differs from the eternal ontic repeatability as intrinsic to the Eternal Return of the Same, and as otherwise admitting no actual (dialectical) passage to the overhuman. All this lies consistent with an ontic potentiating process to be selectively accomplished, at an ontic/human level, within the crucial phase of Return of Power precisely, and hence, with the assumption that the ontic recurrence, if is to exist at all, *can only occur in the terms of further Power*, and in full accord with a cosmological ontic self-referentiality within both Power and Unity.

Whereas the limited context of man, together with the whole of its aspects, save the overhuman myths,¹ proves to be ontologically insubstantial when regarded in the very terms of Power, the temporary, and indeed spatio-temporally infinitesimal character of the latter shall be overcome, sooner or later, by the one to be dialectically embodied by its own counterpart *of Power*, the process naturally inhering within the very course of things, both ontologically and cosmologically, as thus far attempted at suggesting. The ultimate advent of the actual overhuman (actual in contraposition to the ontic-limitative notion of *Übermensch* as a mere superior man), is rendered necessary, also, in the light of the very nature of Being as requiring this very presence under the form of personified Power with which to share a commonality of nature (for the extra-human entails the human, and the converse). As the very Real, including, with this very term, the whole of its determinations reaches thus its own naturally consequential status of over-Real, an exceeding human essence² holds now its dominion, an unparalleled position the present human cannot embody, being chained as it is, like the rebel Prometheus in the Caucasus, to the irremovable rock of its existential limitations.

References:

1. A. Einstein, *The Principle of Relativity: a Collection of Original Memoirs on the Special and General Theory of Relativity*, Dover Publications, 1952.

¹ The overhuman myths as chiefly consistent with polytheism, have been suggested as an unconscious reminiscence of the dialectical overhuman within our limited world. See: [11].

² See the notion of essence in its own overcoming in my own [12].

2. A. Friedman, *Über die Möglichkeit einer Welt mit konstanter negativer Krümmung des Raumes*, Zeitschrift für Physik Vol. 21, 1922.

3. S. W. Hawking, R. Penrose, *The Singularities of Gravitational Collapse and Cosmology*, Proceedings of the Royal Society of London. Series A, Mathematical and Physical Sciences, Vol. 314, Issue 1519, 1970.

4. G. W. F. Hegel, *Science of Logic*, tr. W. H. Johnston and L. G. Struthers, 1929.

5. Heraclitus, *Fragments: The Collected Wisdom of Heraclitus*. Viking Press, 2001.

6. F. W. Nietzsche, *Thus Spoke Zarathustra*, Penguin, 1961.

7. Proclus, *The Platonic Theology*, Selene Books, 1986.

8. A. E. Sikkema, W. Israel, *Black-hole mergers and mass inflation in a bouncing universe*, Nature 349, 1991.

9. J. Steinhardt, N. Turok, *A Cyclic Model of the Universe*, Science, 296, 2001.

10. K. Rosenkranz, *Georg Wilhelm Friedrich Hegels Leben*, Wissenschaftliche Gesellschaft, Darmstadt 1998.

11. H. Varini, *Beyond Nietzsche: The Overhuman as a Dialectical Reality and its Evidence in the Myth* // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. – 2018. – № 2. – С. 12 – 24. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikiu.ru/?p=3219> (дата обращения 01.09.2018).

12. H. Varini, *Condition of Power-Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.

Гончаров Н. В.

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

Гончаров Николай Владимирович – кандидат философских наук, преподаватель, кафедра философии науки и социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия.

E-mail: nik567485@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются и анализируются различные варианты понимания понятия «человеческий капитал». Делается вывод о тесной связи трудовой деятельности и знаний, умений и навыков человека, в результате чего становится видно, что человеческий капитал способен определять способ производства и структуру общественной формации, совершенствуя социально-экономическую систему.

Goncharov N. V.

DEFINITION PROBLEM OF THE CONCEPT OF “HUMAN CAPITAL”

Goncharov Nikolay Vladimirovich – Ph. D. (Philosophy), Lecturer, Department of Philosophy of Science and Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Orenburg State University”, Orenburg, Russia.

Abstract. The paper reviews and analyzes various options for understanding the concept of "human capital". The conclusion is made about the close relationship between work and knowledge, skills and abilities of a person. As a result, it becomes clear that human capital is able to determine the mode of production and structure of the social formation, improving the socio-economic system.

*«Самый ценный капитал тот,
который инвестируют в людей»
Альфред Маршал, «Принципы экономики».*

Детерминация социального бытия экономико-хозяйственной деятельностью актуализирует интеллектуальный дискурс относительно структуры, содержания и специфики центрального понятия экономического бытия – капитала. Понятие «капитал» имеет множество определений и интерпретаций, что во много обусловлено особенностью этого социально-экономического явления.

Как известно, определяющим свойством капитала как интегративного понятия, объединяющего различные виды капиталов (например, основного, оборотного, постоянного, переменного, рабочего) является способность создавать прибавочную стоимость. Причем функционировать закон прибавочной стоимости как основной закон капитализма может только при условии отсутствия равенства (не в смысле конкурентности), поскольку, как писал Ф. Галиани, там, где равенство – нет выгоды [6].

С учетом развития и усложнения социальной и экономической системы, экспансией различных экономических трендов, сегодня востребованными являются разработки, как на фундаментальном, так и на прикладном уровне концепций человеческого капитала. Термин «человеческий капитал» впервые был введен в научный оборот Т. Шульцом, который в широком смысле можно интерпретировать как совокупность знаний, умений, навыков, приобретенных человеком, необходимых для удовлетворения потребностей.

Определяющими факторами человеческого капитала являются образование и здравоохранение, которые обеспечивают наиболее эффективную реализацию экономико-хозяйственного потенциала человека и общества. Заслуга Шульца, главным образом состоит не столько в создании концепции человеческого капитала, сколько в научном доказательстве его общественно-экономической значимости. По этому поводу Н. Давлашеридзе пишет: «Можно сказать, что одна из главных работ Шульца «Теория человеческого капитала», инициировала в 1980-х годах активную деятельность по мотивации инвестиций в профессиональное и техническое образование со стороны

Международных финансовых системных институтов Бреттон Вудса, таких как МВФ и Всемирный банк» [1]. По мнению самого Шульца, многие загадки и парадоксы нашей динамично развивающейся экономики могут быть решены после того, как только будут приниматься во внимание инвестиции в человеческий капитал [8].

Продолжая разрабатывать концепцию человеческого капитала Шульца на уровне микроэкономики, Г. Беккер декларирует деятельность человека как своего рода предпринимательскую, «существенным его достижением было умение в любой чисто потребительской, на первый взгляд деятельности, выявить производственные и инвестиционные аспекты» [4, с. 70]. Таким образом, инвестирование человека в собственное развитие является важнейшей тенденцией современной экономики. В качестве подтверждения данного тезиса, Г. Беккер пишет: «Экономика человеческого капитала в частности привела к кардинальным изменениям стимулов женщин, заставляя их в последнее десятилетие инвестировать в получение высшего образования» [5]. Здесь стоит отметить, что во многом благодаря интенсивному научно-техническому прогрессу, а также глобальной информатизации подавляющего большинства экономических отраслей, инвестиции в образовательную деятельность позволяют в дальнейшем эффективно монетизировать затраченные на нее время и деньги.

Основным отличием человеческого капитала от физического, по мнению Р.И. Капелюшникова, является его неотделимость от носителя, т. е. личности [2]. Несмотря на это отличие этих типов капитала исходным понятием для них будет труд, благодаря которому происходит овеществление человеческих интеллектуальных и физических способностей, приобретающих общественно-полезный характер, выражающийся в потребительной стоимости. Как писал К. Маркс: «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своем качестве одинакового, или абстрактного человеческого, труд образует стоимость товара. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости» [3, с. 55].

Исходя из этого, можно говорить о тесной взаимосвязи эффективности трудовой деятельности и знаний, умений, навыков индивида (человеческого капитала). Таким образом, человеческий капитал способен определять способ производства и структуру общественной формации, совершенствуя социально-экономическую систему.

Библиографический список:

1. Давлашеридзе, Н. Лауреат Нобелевской премии по экономике Теодор Шульц о роли человеческого капитала в преодолении проблем бедности / Н. Давлашеридзе / Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/316854614_LAUREAT_NOBELEVSKOJ_PREMIJ_PO_EKONOMIKE_TEODOR_SULC_O_ROLI_CELOVECESKOGO_KAPITALA_V_PREODOLENIJ_PROBLEM_BEDNOSTI

2. Капелюшников, Р.И. Теория человеческого капитала. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию / Р.И. Капелюшников / Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.seinst.ru/page289/>

3. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т.: пер. с нем. / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1983. – Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. – 1973. – 905 с.

4. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / В.Т.Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скоблякова; под ред. д.э.н., профессора В.Т. Смирнова. – Москва: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005. – 513 с.

5. Becker, G. HumanCapital / G. Becker / Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.econlib.org/library/Enc/HumanCapital.html>

6. Galiani, F. Dellamoneta / F. Galiani / Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://archive.org/details/dellamoneta00galiuoft/page/244>

7. Marshall, A. Principles of Economics: an introductory volume / A. Marshall / Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/reference/subject/economics/marshall/>

8. Shultz, T. Investment in Human Capital / T. Shultz // The American Economic Review, Vol. 51, No. 1. (Mar., 1961), pp. 1-1

Инкижекова М. С.

ЦИФРОВОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ – ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Инкижекова Мария Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра общей психологии и гуманитарных дисциплин ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», Екатеринбург, Россия.

E-mail: masha_ink@mail.ru

Аннотация. Современные технологии позволяют потребителям активно проявлять себя и взаимодействовать с другими пользователями информационных систем. А массовое распространение мобильных информационных устройств привело к появлению нового феномену информационного общества – цифровому потребителю, способному влиять на развитие экономики, культуры, технологии.

Inkizhekova M. S.

DIGITAL CONSUMER – PHENOMENON OF INFORMATION SOCIETY

Inkizhekova Maria Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of General Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia.

Abstract. Modern technologies allow consumers to manifest themselves actively and interact with other users of information systems. The mass distribution of mobile information devices has led to the emergence of a new phenomenon of information society, i.e. a digital consumer, able to influence the development of economy, culture and technology.

Компьютерно-сетевые технологии, проникая в жизненное пространство и оказывая влияние на перцептивную систему современного человека, создают своеобразного цифрового потребителя, который, с одной стороны, привык к разнообразию предложений, представленных в виде бесконечно подвижного и постоянно имеющегося в on-line доступе контента, с другой стороны, легко манипулируемого и подверженного влиянию масс-медиа, приучающих его выбирать и оплачивать продукт во многом опираясь на репутацию бренда и воздействие рекламы.

Учитывая такие особенности пользователей, цифровой бренд-менеджмент активно использует и внедряет технологии «достоверности» предоставляемой информации, способствующие эмоциональной вовлеченности потребителей. Так, например, технически конструируемая интерактивная среда на основе трехмерного графического представления и создание эффектов оперирования объектами при помощи компьютерных средств позволяют достичь эффекта присутствия, когда операции с объектами становятся вполне идентичны с реальными, но при этом носят виртуальный игровой характер.

«Погруженность» в виртуальное пространство ведет к формированию в сознании стереотипов и клише, «размыванию» ценностных ориентаций. Возникает ситуация о которой писал Ж. Бодрийяр, когда «точность и совершенство технического воспроизводства объекта, его знаковая репрезентация конструируют иной объект – симулякр, в котором реальности больше, чем в собственно “реальном”, который избыточен в своей детальности» [3, с. 122].

Симулякры слишком близки и видимы, слишком доступны и правдивы. Они поглощают и упраздняют объективную реальность, изменяя субъекта сетевых интеракций. Так, например, под воздействием цифровых технологий бренд-менеджмента формируется потре-

битель, который одновременно и автономен, и диффузен; и управляет, и управляем.

Как такое происходит и почему? Ответ на данный вопрос можно найти в тенденциях развития технологий цифрового бренд-менеджмента, перед которым сегодня стоит задача научиться выстраивать осмысленную и персонифицированную связь прежде всего с отдельно взятым лояльным потребителем. Задача эта не простая. В условиях, когда «сетевая среда не предоставляет так уж много возможностей отличаться – любая медиатехнология в интернете копируется, любой контент воспроизводится в течение секунд, любой эксклюзив перестает быть таковым в тот момент, как обнаруживается поисковым запросом» [2, с. 231] необходимо использовать дифференцирующие потребителей технологии и создавать соответствующие им цифровые бренды.

Персонализация контента становится трендом развития медиаотрасли, индустрии рекламы и on-line услуг. Крупнейшие мировые интернет-компании активно вкладывают колоссальные ресурсы в создание систем интеллектуального трекинга и распознавания пользователей, что приводит к возможности настройки выдачи контента в зависимости от сферы интересов того или иного потребителя. Цель изысканий и разработок в области персонализации информации, то есть использования знаний о пользователе, – в поставке потребителю максимально точно ориентированных на него рекламных предложений или сообщений в новостной или френдленте.

Значимо также и то, что современные интернет-технологии позволяют потребителю, в обратном порядке, быть не безучастным, а «проявлять» себя в виде лайков, лайфхаков, репостов, перепостов, ретвитов, хэштегов, комментариев и т.п. Более того, современный пользователь, находясь в интерактивном взаимодействии, способствует своей реакцией свободной диффузии информации в сетевом пространстве интернета. Так получается, что лояльный член аудитории в сетевой среде становится распространителем ценного сообщения, готового к немедленному употреблению другими пользователями. Снабженная личным комментарием или оценкой, такое послание далее становится «оружием двойного назначения» – контакты и друзья лояльного потребителя в социальных сетях сталкиваются с двойным искушением – они могут захотеть прочитать сам оригинальный источник информации, то есть то что прочитал их знакомый, а также они могут захотеть сформировать свое мнение как об источнике информации, так и создать комментарий к тем оценкам, которые высказал их знакомый. В результате число вовлеченных

растет, и сетевая аудитория обеспечивает распространение информации за пределы сетевой группы в более широкое пространство мультимедийной среды интернета.

Измерительные инструменты такие как *Tweetdeck.rwiter.com*, *Websta.me*, *Iconosquare.com*, *mediametrics*, *Liveinternet.ru*, *top.mail.ru*, *Socialbackers*, *Яндекс.Метрика*, *Google Analytics* позволяют в режиме реального времени успешно проводить мониторинг аудитории, вовлеченной в процесс сетевых коммуникаций и определять рейтинг популярности той или иной информации; получать вполне конкретные статистические данные по приросту или откату аудитории на том или ином сайте. Данная работа чрезвычайно важна для цифрового брендинга, так как позволяет получить данные по запросам, отражающих типичные предпочтения пользователей, а также в целом анализировать реакции и поведение интернет-юзеров, в том числе с учетом их пола, возраста, места нахождения в географическом пространстве. Такие данные становятся капиталом, который можно купить или продать.

Работая над цифровизацией и продвижением бренда, команда специалистов учитывает, что:

– модель поведения потребителя определяется ситуациями «зайти и выйти» посредством ряда кликов на тизеры. Связано это с тем, что современный потребитель цифровых медиа достаточно требователен к информации, размещенной на веб-странице и, как правило, быстро (даже можно сказать – стремительно) принимает решение о нужности или не нужности той или иной информации, на основе чего у него формируется желание остаться на веб-странице или уйти с нее. Такие решения пользователь принимает больше интуитивно, чем рационально;

– в сети интернет происходит постоянное увеличение общего объема распространяемой информации. Так получается, что пользователи находятся в условиях информационного переизбытка. Не случайно психологи констатируют возрастающее количество ситуаций информационной перегрузки, требующей цифровой детоксикации (*digital detox*);

– происходит миниатюризация девайсов с которых потребляются медиатексты. Следовательно, пользователь находящейся «в “кислотной” среде, полной раздражающих и отвлекающих факторов» [4, с. 9], отученный уже от вдумчивого чтения и глубокого осмысления информации, особенно представленной в виде длинных аналитических материалов, требует «сжатую», лаконично изложенную информацию, компактно размещенную на вьюпорте (viewport), т. е. видимой

части окна браузера мобильного экрана, и имеющую мультимедийную презентацию, удобную для быстрого визуального восприятия. Иными словами, информация должна быть размещена так, чтобы взгляд пользователя одновременно легко перемещался по экрану и быстро охватывал весь материал. Как отмечают современные исследователи, «сайт, содержащий нужную информацию, но неудобный для просмотра с экрана мобильного телефона, с точки зрения поисковой системы может проигрывать сайту, содержащему неполные, но хорошо адаптированные к текущему устройству пользователя данные» [1, с. 95].

Учитывая представленные особенности цифрового потребителя и интерактивных коммуникаций в пространстве интернета можно прийти к заключению, что создание беспроводных сетей передачи данных; изобретение и массовое использование портативных устройств автономного доступа, привели к новому феномену информационного общества – цифровому потребителю, который сейчас и в будущем будет влиять на развитие экономики, культуры, технологических сетевых интеракций.

Библиографический список:

1. *Амзин, А.* Особенности медиапотребления // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амазин, А. Галустян, В. Гатов, М. Кастельс, Д. Кульчицкая, Н. Лосева, М. Паркс, С. Паранько, О. Силантьева, Б. ван дер Хаак; под науч. ред. С. Далмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург, Москва: Гуманитарный университет, Кабинетный ученый, 2016. – 304 с. – С.86–100.

2. *Гатов, В.* Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А.Амазин, А. Галустян, В. Гатов, М. Кастельс, Д. Кульчицкая, Н. Лосева, М. Паркс, С. Паранько, О. Силантьева, Б. ван дер Хаак; под науч. ред. С. Далмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург, Москва: Гуманитарный университет, Кабинетный ученый, 2016. – 304 с. – С. 206–267.

3. *Грицанов А.А., Галкин Д.В., Карпенко И.Д.* Виртуальная реальность // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис, Книжный дом, 2001. – 1040 с.

4. *Паранько, С.* Инструментарий и навыки журналиста // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А.Амазин, А. Галустян, В. Гатов, М. Кастельс, Д. Кульчицкая, Н. Лосева, М. Паркс, С. Паранько, О. Силантьева, Б. ван дер Хаак; под науч. ред. С. Далмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург, Москва: Гуманитарный университет, Кабинетный ученый, 2016. – 304 с. – С. 6–30.

Инкижекова М. С., Матвеев А. С.

О КОНТЕКСТЕ В КОНТЕКСТАХ

Инкижекова Мария Сергеевна – доктор философских наук, профессор, кафедра общей психологии и гуманитарных дисциплин Уральский юридический институт Министерства внутренних дел России, Россия.
E-mail: masha_ink@mail.ru

Матвеев Андрей Сергеевич – курсант, факультет подготовки сотрудников полиции, специальность «Экономическая безопасность», Уральский юридический институт Министерства внутренних дел России, Россия.

Аннотация. Несмотря на существование различных теорий контекста, контекстуальный подход является продуктивным в современной аналитической деятельности и позволяет рассмотреть интегративное взаимодействие социального и культурного, физического (предметного) и идеального, объективного и субъективного, реального и воображаемого. Изучение объекта с учетом контекстуальных уровней позволяет объяснить характер влияния мир-системных обстоятельств на жизнедеятельность субъекта, тем самым выйти на понимание внутренних мотивов и внешних проявлений поведения исследуемого.

Inkizhekova M. S., Matveev A. S.

ABOUT CONTEXT IN CONTEXTS

Inkizhekova Maria Sergeevna – Doctor of Philosophy, Professor, Department of General Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia.

Matveyev Andrey Sergeevich – cadet, faculty of police training, specialty “Economic security”, FGKOU VO “Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia.

Abstract. Despite the existence of various theories of context, the contextual approach is productive in modern analytic activity and allows us to consider the integrative interaction of the social and cultural, physical (material) and ideal, objective and subjective, real and imaginary. St Taking into account contextual levels, studying the object makes it possible to explain the influence of the world-systemic circumstances on the vital activity of the subject, thereby reaching an understanding of the internal motives and external manifestations of the behavior of the subject.

Понятие «контекст» прочно вошло в исследовательские практики социального и гуманитарного познания. При этом следует отметить, что значение термина и аспекты его употребления в эпистемологии, лингвистике, социальной антропологии, психологии, когнитивистике и других науках достаточно различаются. Иными словами, сегодня можно говорить о разных типах контекстуализма, которые соотносятся и взаимодействуют друг с другом.

Исследовательские подходы, включающие концепт «контекст», как правило, носят инструментальный характер. Иными словами, из-

учая контекст события, явления или действия субъекта, становится возможным достичь понимания того, «что», «как», «почему» происходило с объектом познания в конкретных условиях. При этом важно учитывать и исторический, и культурный, и социальный, и ситуационный контексты. Все они могут стать той «платформой», отталкиваясь от которой становится возможным познание субъекта и его множественные включенности в социальное, культурное, языковое, бытийное.

Следует отметить, что не всегда в социогуманитарных науках исследователи обращаются к контекстуальному анализу. Такое имеет место быть, так как исследователь вправе самостоятельно решать, стоит ли изучать объект вне учета контекста. Однако без контекстуального подхода результаты исследования будут конечно другими, нежели тогда, когда ученый использовал бы его.

Использование или игнорирование контекста в исследовании – рациональная позиция исследователя, относящаяся к его методологическим принципам. Большинство ученых все же отмечают необходимость контекстуального анализа, поскольку «изолирование того, что познается, от жизненных обстоятельств часто воздвигает непреодолимое препятствие на пути познания» [3, с. 156].

Ценность контекстуального подхода в том, что он позволяет рассмотреть интегративное взаимодействие социального и культурного, физического (предметного) и идеального, объективного и субъективного, реального и воображаемого, – всего того, что находится «за» объектом познания. При этом границы и уровни контекста во многом зависят от исследовательских целей и задач.

Действительно, в контексте можно различить иерархию уровней. Об этом, в частности, писал американский психолог Ури Бронфенбреннер, выделяя микро-, мезо-, экзо- и макро- уровни контекста, которые могут быть изображены в виде концентрических колец [5].

Изучение объекта с учетом контекстуальных уровней значимо тем, что позволяет объяснить характер влияния мир-системных обстоятельств на жизнедеятельность субъекта, тем самым выйти на понимание внутренних мотивов и внешних проявлений поведения исследуемого. Иными словами, категория «контекст» одинаково становится применима и к описанию, что называется, «близкого» окружения субъекта, и более масштабных, не наблюдаемых непосредственно социальных феноменов, которые представляются мега-контекстом.

Следует отметить, что отношение к контексту в науке меняется. Если в классической парадигме утверждалось, что социальное окру-

жение (общество, социальная среда) однонаправленно влияет на индивида через нормы и ценности, то в пост-классической парадигме, контекст связывается с механизмами его (субъекта) восприятия контекста. При этом в понятие контекст вкладывается значение всего рутинного и повседневного, всего того, что происходит «здесь и сейчас», прямо на «поле жизненных действий», то есть исключая дистанцию и «взгляд со стороны».

Так, американский социолог Ирвинг Гофман утверждает, что субъект в различных ситуациях «здесь-и-сейчас» невольно задается вопросом: «что происходит?» Ответ складывается на основе одной или нескольких систем фреймов, т. е. знаний и опыта о типических ситуациях и связанных с этими ситуациями социальными ожиданиями. Действия субъекта становятся спектаклем, а контекст – сценой, на которой разыгрывается действие.

Получается так, что субъект где-то целенаправленно, а где-то неосознанно при восприятии того или иного явления или потока событий заключает их в смысловые «рамки» (фреймы – англ.), упорядочивающие данные феномены внешнего мира в его сознании. Социальные взаимодействия, таким образом, влияют на процессы выстраивания субъективной идентичности, которые становятся конструктами, воздействующими на социальную реальность. Абсурдность ситуации в том, что фреймы, «обрамляя» ситуацию, «расставляют акценты» и определяют направленность дальнейших действий субъекта в рамках данной ситуации [2]. Или как афористично заметили российские ученые А.Д. Плисецкая и К.В. Филимонов: «Фреймы “определяют проблемы”, “выявляют причины”, “дают моральную оценку” и “предлагают решения”» [Цит. по: 6, с. 161].

Введение в оборот термина «фрейм» позволил ученым показать, что «человек постоянно живет в двух разных мирах: микрокосме (то есть малых, или по Кули, «первичных» группах типа семьи, различных общинах и т. д.) и макрокосме (цивилизации, мировой системе, рыночном порядке...)» [4, с. 16]. Иными словами, «рамочный» анализ помогает ученым обнаружить управляющие повседневной жизнью субъекта невидимые структуры – смысловые рамки – «фреймы».

Теория фреймов по существу отстаивает позицию о конструируемом субъектом контексте; о процессах «фреймирования» реальности, позволяющих выстраивать субъекту свое адекватное ситуации поведение в обществе; о практиках, которые оказываются «не просто действием вне контекста, но действием, не отличным от контекста» [1, с. 28].

Как видно из представленного выше анализа, сегодня существуют разные теории контекста. И хотя с развитием исследователь-

ских практик меняется аспект рассмотрения данного концепта, контекст как феномен научного познания по-прежнему остается в фокусе внимания ученых. При этом наряду с современными, остаются актуальными и классические научные подходы к контексту.

Список литературы:

1. *Вахштайн В. С.* Социология повседневности и теория фреймов. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с.
2. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступит. статья Г. С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
3. *Коул М.* Культурно-историческая психология: Наука будущего. – М.: Когито-Центр, Изд-во ИП РАН, 1997. – 312 с.
4. *Ковалев А.* Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
5. *Козлов Н. И.* Теория экологических систем Ури Бронфенбреннера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/teoriya-ekologicheskikh-sistem-uri-bronfenbrennera>
6. *Плисецкая А.Д., Филимонов К.В.* Фрейминг и рефрейминг в речевых стратегиях американских политических лидеров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление. – 2015. – № 4. – С. 160–174.

Караваяев Э. Ф., Никитин В. Е.

ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ

Караваяев Эдуард Федорович – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор философских наук, профессор, профессор кафедры логики, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: EK1549@ek1549.spb.edu

Никитин Владислав Евгеньевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: vladislav.nik@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы освоения человеком информации и появления информационного моделирования. Описаны особенности и ограничения информационных процессов.

Karavaev E. F., Nikitin V. E.

THE NATURE OF INFORMATION MODELING AND ITS ACTUALITY

Karavaev Eduard Fedorovich – Saint Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Logic, Institute of Philosophy of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Nikitin Vladislav Evgenievich – Saint Petersburg State University, PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Abstract. The article deals with the main stages of a person's mastering information and the emergence of information modeling. The features and limitations of information processes are described.

Более 60 лет тому назад один из создателей кибернетики, У.Р.Эшби охарактеризовал компьютеры как «*усилители наших мыслительных способностей*». Но ещё в XIII в. Раймунд Луллий построил механическое устройство, которому были доступны силлогистические умозаключения. Мы уясняем природу этих «усилителей», если сосредотачиваемся на том, что происходит с *информацией*.

Компьютер – это машина. Так что весьма целесообразно обратиться к мыслям К.Маркса о природе машины, высказанные 200 лет тому назад:

«Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это – продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это – *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания*».

Сущность компьютера представлена в «машине Тьюринга» (1936 г.), – в специальном логико-математическом аппарате, который является одновременно и предметом исследования, и методом обращения с символическими конструкциями (знаковыми моделями). К.Э.Шеннон показал, что мы можем ограничиться алфавитом *всего из двух символов*: «0» и «1». Имеются средства для *композиции* машин Тьюринга: умножение, возведение в степень, итерация. Они позволяют из одних машин (более простых) строить другие. Существуют *универсальные машины Тьюринга*: они позволяют моделировать работу *любой* машины Тьюринга.

В начале 1940-х гг. идея машины Тьюринга была материализована. В этом участвовал и сам Тьюринг, а также другие математики, физики, представители технических и технологических дисциплин, инженеры. Особо следует упомянуть Дж. фон Неймана, которому, в первую очередь, компьютеры обязаны своей «архитектурой»: ему принадлежит остроумная идея хранить команды, т. е. правила преобразования символов, в том же запоминающем устройстве, где хранятся и сами символы, подлежащие преобразованиям.

Информационное моделирование, которое мы здесь рассматриваем (его иногда называют «симулированием»), относится к тому типу моделирования, когда и модель, и среда являются искусственными: это – прохождение компьютерной программы. Для его философского осмысления можно обратиться к хайдеггеровскому понятию «*по-став*» (нем. «Ge-Stell») и его информационному аспекту, на что сам М. Хайдеггер, фактически, и указал в интервью журналу «Der Spiegel» (1966 г.).

Шеннон заложил основы *теории информации* (1948 г.). Им дан способ измерения информации. Всякие последующие разработки будут включать в себя то, что он сделал, в качестве *необходимой* части. А.Н. Колмогоровым и американскими учёными Р. Соломоновым и Г. Чейтиным в конце 1960-х г. была разработана *алгоритмическая теория информации*.

К концу XX в. были выяснены *физические ограничения, налагаемые на информационные процессы* (работы Р.Ландауэра, опиравшегося на идеи П.У. Бриджмена, и Дж. Д. Бекенштейна). «*Предел Бекенштейна*» ограничивает информацию, которая может храниться в сферическом объёме пространства с определённым радиусом на объекте с заданной энергией покоя.

Информационное моделирование позволяет реализовать вполне определившийся интерес современной методологии социально-гуманитарных наук более адекватно и полно учитывать роль «всепроникающей», – повсюду и всегда присутствующей, – случайности. Особенно важны в этом отношении результаты, полученные совместно работавшими на протяжении двух с лишним десятилетий (1972–1995 гг.) Д. Канеманом и А. Тверски, и результаты, полученные Н.Н. Талебом и опубликованные в первом десятилетии текущего столетия. В их работах убедительно показано, как мы, «одурачивая самих себя», подменяем нашими средствами репрезентации случайности (так сказать, «рандомизации в широком смысле слова») самую объективную случайность.

Уточнить «каналы», по которым случайность влияет на наше мышление, позволяет обращение к понятию «многообразие», кото-

рое Б.Риман ввёл ещё в 1854 г. Его унаследовал Э. Гуссерль в понятии «жизненный мир». Оно же лежит в основе концепции «многомерного интеллекта» Г. Гарднера (1983 г.). Принципы «димензиональной онтологии» В.Э. Франкла (1965г.) позволяют проследить отображение одного многообразия в другом. Эти топологические средства, опять-таки, продуктивно сочетаются с информационным моделированием. Это же относится и к важнейшему метрическому средству в оценке роли случайности – гипотетико-дедуктивному методу в соединении с методом диагноза по Т. Байесу.

Карнаух В. К.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Карнаух Владимир Кузьмич – доктор философских наук, профессор Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: karnauh_vk@mail.ru

Аннотация. Представители современного общества всё чаще сталкиваются с проблемой нехватки времени, связанной с повышающимся темпом жизни и капиталистическими ценностями, касающимися количества денег и имущества. В работе анализируется противоречивость данного феномена, когда высокий темп жизни может также являться жизнеутверждающим фактором и одним из привлекательных идеалов современности.

Karnaukh V. K.

INFORMATION SOCIETY: EFFICIENCY OF THE USE OF TIME

Karnaukh Vladimir Kuzmich – Doctor of Philosophy, Professor of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and State Service, St. Petersburg, Russia.

Abstract. Representatives of modern society are often faced with the problem of lack of time associated with the increasing pace of life and capitalist values regarding the amount of money and property. This paper analyzes the inconsistency of this phenomenon, when a high pace of life can also be a life-asserting factor and one of the attractive ideals of modernity.

Время выступает основополагающей формой человеческого бытия. Оно дает возможность определить темп социальных изменений, исследовать эффективность его использования.

В настоящее время люди все чаще вынуждены спешить. Нередко они испытывают чувство цейтнота, тревоги и даже загнанности.

Время как бы сжимается, причем свободного времени становится все меньше.

Возможность выбирать как вы распределяете свое время, как вы его контролируете лежит в основе положительного понимания свободы. В прошлом праздность и обильный досуг считались отличительными чертами аристократии. Сегодня высокая занятость, лихорадочный темп существования, при котором работа и отдых переплетаются друг с другом, все чаще выступают показателями высокого статуса личности.

Однако в условиях общества потребления работники все чаще превращаются в «добровольных рабов», готовых работать по своей инициативе все большее количество часов. Система культуры потребления стимулирует увеличение продолжительности рабочего времени. Человек попадает в «беличье колесо», в замкнутый цикл работы и покупки вещей, чтобы конкурировать в образе жизни со своим окружением.

Однако сократить часы рабочего времени оказалось не просто. В капиталистическом обществе самооценка человека и представление о собственной свободе определяется деньгами и имуществом. Субъективное ощущение нехватки времени зависит также от интенсивности переживания времени.

Важным направлением изучения давления времени выступает исследование ритмов организации жизни. При этом важно учитывать, что торопливость, спешка не всегда связаны с абсолютной нехваткой времени. Это обусловлено тем, что коллективные социальные практики, основанные на институционально устойчивых временных ритмах, нередко оказываются подорваны. В настоящее время стандартная рабочая неделя, в которой работа была синхронизирована для значительной части населения, больше не является нормой.

Повышению эффективности использования времени способствует внедрение гибкого рабочего графика, семидневной круглосуточной рабочей недели, работы по контракту.

Большой контроль над своим временем получают группы, занимающие более высокое социальное положение. В отличие от них низшие слои общества страдают от фрагментарности времени и вынуждены работать ненормированный рабочий день. Общение между этими группами затруднено, координация их действий становится все более проблематичной. У людей остается все меньше шансов встретить друзей и знакомых, если они работают в разное время суток. Планирование встреч с другими людьми становится нелегкой задачей.

К началу XX века у человека развивается чувство точности действий во времени. В новой культуре точный хронометраж, эффективность и пунктуальность становятся нормами человеческой жизни, а свободное время начинает рассматриваться как важный показатель качества жизни.

Когда мы говорим, что у кого-то больше времени, чем у другого, мы подразумеваем, что у него меньше ограничений и больше возможностей выбора в том, как он сможет провести свое время. Автономия по отношению ко времени свидетельствует о наличии контроля над имеющимся временем.

Постоянное увеличение темпа человеческой жизни приводит к росту давления и напряжения, испытываемых человеком, что может представлять угрозу для его физического и психического здоровья.

Надежды на то, что экономический прогресс приведет к увеличению досуга, обернулись дефицитом времени и недостаточностью досуга. Острым также становится вопрос о том, сколько времени проводят родители вместе со своими детьми. Сегодня матери, которые не только занимаются воспитанием своих детей, но и работают, проводят меньше времени с ними.

Объективным показателем эффективности использования времени выступает количество задач, которые приходится решать человеку за определенный промежуток времени. При этом акцент делается не столько на последовательности, сколько на одновременности разных видов деятельности, на многозадачности.

В дискуссиях давление времени рассматривается в основном как негативное явление, связанное прежде всего с балансом работы и семейной жизни. Тем не менее высокая скорость городской жизни стала доминирующим идеалом современности. Социальное ускорение, отличающееся многовариантностью, стало светской версией счастливой человеческой жизни. Ускорение вместе с высоким уровнем жизни делают жизнь человека не только напряженной, но и жизнеутверждающей. В группах людей высокого статуса престиж имеют те, кто работает долгие часы и загружен на работе. Столь занятые люди отличаются также самым ненасытным потреблением досуга. Однако высокий темп изменений привлекателен не для всех аспектов человеческой жизни. Удлинение рабочего времени может привести к стрессу.

Кислый А. Е.

МАРКСИЗМ, ПОСТМАРКСИЗМ И АРХЕОЛОГИЯ

Кислый Александр Евгеньевич – доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия.

E-mail: kisly.a@mail.ru

Аннотация. В выступлении рассмотрены объективная и субъективная причины возникновения марксизма. Делается вывод, что современная узость марксизма может быть преодолена в результате возникновения системного учения в соответствии с требованиями времени и пониманием диалектической цельности исторических трансформаций.

Kisly A. E.

MARXISM, POSTMARXISM AND ARCHEOLOGY

Kislyi Alexander Evgenevich – Doctor of Letters, Head of the Department, Institute of Archeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia.

Abstract. The presentation examines the objective and subjective reasons for the emergence of Marxism. It concludes that the modern narrowness of Marxism can be overcome as a result of the emergence of a systemic teaching in accordance with the requirements of the time and the understanding of the dialectical integrity of historical transformations.

1. Несколько десятилетий тому было актуально к юбилеям классиков марксизма-ленинизма писать научные работы соответствующей тематики «...Изм и социология», «...Изм и археология», т.п. Нынче такой потребности нет. Хотя, к примеру, в современном динамично развивающемся научном дискурсе даже археологией «проговорен» ряд фундаментальных положений, оставшихся все же на уровне дискурсивном. Они в понимании сути т.н. «неолитической революции», прибавочного продукта, патриархата и гендерных отношений, периодизации исторического процесса и др. Кроме причин отторжения всяческих идеологий есть тому две причины менее заметные. Когда-то известнейший демограф Альфред Сови сказал, что демографы и экономисты находятся на разных планетах. Подобно сегодня археологи-историки и социологи (философы) находятся в разных галактиках. Первые уверены, что всё возможное для системной теории социологии из их наук взяли классики в XIX веке, а вторые просто далеки от археологии как науки, вернее, от теоретической археологии. И первых, и вторых понимание марксизма как «вечнозеленого дерева» не очень привлекает.

2. Безусловно, уделяется внимание экономической теории Маркса (чаще всего в период кризисов), его учению о классах, диалектике

истории и футуристическим предвидениям и т. д. Но в целом марксизм становится хорошей, основательной историей науки, все чаще с упором на исторически обусловленный романтизм. По нашему мнению, самое ценное в учении марксизма – уникальная системология истории. Нет иной научной многофакторно разработанной концепции или модели истории, которая была столь цельной как марксизм. Однако, концепция не отработана окончательно и вряд ли могла быть таковой по своей имманентной сущности. Это отлично понимали В.И. Ульянов, И.В. Джугашвили, Ю.В. Андропов, Пол Баран и мн.др. идеологи или исследователи, кто мог писать не только в духе абсолютной ценности трудов «классиков».

В данной работе остановимся лишь на небольшой части тех археологических данных, что являются системными в теме марксистских построений. Первый и важный вопрос, почему на уровне достаточно активных, даже революционных подвижек XIX в. возникает марксизм? Тому две причины (помимо закономерных его «истоков») – субъективная и объективная.

3. Конец XVIII – начало XIX – это время не только нарастающей капиталистической конкуренции, эксплуатации природных ресурсов и человека, но и появления первых исторических успехов капиталистической экономики, приведшей к созданию современных наук, политических партий, к определенному улучшению положения городского населения в целом, к утверждению духа романтизма – самооценности личности, стремлению к возвышенному. Демографы, сравнивая города Европы и России этого времени, заметили (М.С. Бедный, А.Е. Кислый), что европейские города были более комфортными, в составе населения преобладали уже женщины, самые ранние ужасы капитализма постепенно становятся историей и открывается возможность осмысления этой истории и социального сопереживания. Для К. Маркса осмысление истории рабочего класса и субъективное сопереживание постепенно становится практически бессознательным или мало осозанным переносом, психологическим трансфером (*transference*) представлений об угнетении, избранности, призвании своего этноса на рабочий класс того времени. Практицизм и романтизм еврейских общин становится не только у Маркса, у многих, революционным романтизмом и практикой борьбы. *Transference* Маркса внешне снят и все же остается в виде следов в его текстах, как к примеру, образ товара-«оборвыша» со скверным запахом, «в сущности» денег «в духе и истине» или... «евреев внутреннего обрезания» (К. Маркс. Капитал. Т. 1. Гл. 4).

Но есть ли скверный запах и последующее «внутреннее обрезание», лишь «достоянием» переходного этапа к капитализму? Иными

словами, есть ли у рабочего класса историческое право «быть избранным», тем более во все времена? Сравним, строго используя принципы системности.

Кроме этапа антропогенеза, т. е. становления человеческого общества, и неизбежного этапа его исчезновения (в будущем) есть два события, которые всё большим числом исследователей воспринимаются как переломные, системообразующие для истории. Это переход к воспроизводящему хозяйству, исчезновение возможности простого присвоения ресурсов природы и переход к использованию ресурсов науки, исчезновение возможности «ненаучного» использования аграрного, ремесленного и др. производств. Исчезает потребность расширенного воспроизведения человека.

На ранних этапах перехода к производящему хозяйству общая продолжительность жизни населения не растет, а падает. Это общая закономерность ойкумены, обнаруженная благодаря археологам. В этот период усиливается генеративная («родовая») нагрузка на женщин и социальная на мужчин. Растет значение мужского труда, маскулинизация общества, весомая часть мужчин (половозрастной класс) оказываются более эксплуатируемой. Мужчины на этом историческом этапе становятся наиболее важным звеном общественного производства. Заканчивается историческое гендерное равенство предыдущей эпохи – модельно-исторического матриархата, вместо этого освоение новых земель, ресурсов и технологий, война и соревнование не на жизнь, а на смерть становятся уделом мужчин при исходе из рая присваивающей экономики. Археологи верно определяют, что периоды неолита-эпохи бронзы становятся временем исторического появления войны как глобализации противостояния человеческих коллективов. Аналогичны по своей сути процессы эпохи промышленной революции и эпохи НТР. Ученые, как передовой класс, оказываются наиболее важным звеном производства ВВП любой развитой страны, общественного производства в целом, нового этапа борьбы и глобализации. Но одновременно и тем классом, который получает сравнимо со своим вкладом наименьший доход от своей деятельности. Просто ученые не умеют защищать свои доходы в большей мере нежели свои идеи.

4. На каждом из начальных периодов исторически значимых трансформаций выделяется слой (класс) общества, несущий главную «нагрузку» перемен, решающего повышения производительности труда. Объективно этот класс будет наиболее «эксплуатируемым». Такова «логика» истории. При этом внешне «блага» такого класса могут выглядеть значимыми. Соответственно, общественные классы,

природа эксплуатации есть более широкие понятия, чем употребленные в марксизме XIX века. Это понимал после смерти К. Маркса его сподвижник Ф. Энгельс, когда объяснял сущность классов в истории. Сегодня такой подход, с учетом также иных материалов требует безусловного развития социологической теории. Если мы хотим сохранить таксономическое значение классов в истории, продолжить исследования классов не как частности исторического процесса, не узкой исторически преходящей модели, а также хотим углубить понимание диалектики истории, то определение их должно быть таким. Общественные классы – исторически трансформируемые сообщества, приобретающие главное положение в общественном производстве прежде всего по отношению к используемой ресурсной базе и в отношении становления более высокой производительности труда. Значение эксплуатации здесь не исчезает, оно становится общеисторическим, важным, отношения же собственности лишь в материальном их выражении – далеко не определяющие.

Сегодня можно «снять» классический упрек к К. Марксу, что он был излишне экономичен. На самом деле, он был недостаточно экономичен, что вполне понятно. С преодолением известной и осознаваемой сегодня узости марксизма все больше будет появляться потребность совершенствования наиболее системного учения в соответствии с требованиями времени. На каких основах будет сформирована такая теория (модель) зависит от культуры исследователей, понимания диалектической цельности исторических трансформаций, начиная с зарождения культуры в наиболее широком ее понимании.

Колычев П. М.

РЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА ИНФОРМАЦИИ

Колычев Петр Михайлович – доктор философских наук, доцент, кафедра рекламы и современных коммуникаций, федеральное государственное автономное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

Email: piter55spb@gmail.com

Аннотация. Исследование касается вопроса разработки эффективного взаимодействия человека и компьютера. Такое соединение возможно только на более широкой платформе, которой является философия, где имеют места такие темы как онтология идеального (информация) и онтология числа. Обе эти темы присутствуют в релятивной онтологии. Уникальность данного ре-

шения состоит в том, что чисто абстрактные онтологические исследования дают конкретные результаты в области ИТ, имеющие потенциал патентования и разработки конкретного алгоритма решения онтологических задач в программировании.

Kolychev P. M.

RELATIVE ONTOLOGY OF INFORMATION MEANING

Kolychev Petr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Advertising and Modern Communications, Federal State Autonomous Budget Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation”, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The study addresses the issue of developing an effective human-computer interaction. Such a connection is possible only on a wider platform, which is philosophy, where there are such topics as the ontology of the ideal (information) and the ontology of the number. Both of these topics are present in relational ontology. The uniqueness of this approach is in the fact that purely abstract ontological research gives concrete results in the field of IT, which have the potential of patenting and the development of a specific algorithm for solving ontological problems in programming.

Гуманитарный фактор в ИТ присутствует как на этапе их создания, так и на этапе их использования. Для разработчиков ИТ – это проблема учета антропологического фактора разрабатываемого продукта, а для пользователя ИТ – это проблема того, как вписать ИТ в свою жизнь. В конечном итоге – это фундаментальная научная задача повышения эффективности взаимодействия человека и компьютера (или компьютера и человека).

Взаимодействие человека и компьютера содержит в себе следующие два этапа: 1 – разработчик ИТ (человек) → компьютер, 2 – компьютер → пользователь ИТ (человек). При этом, как правило, разработчик и пользователь ИТ – это два разных человека. Более того, если разработчик использует технический язык, то пользователь преимущественно использует повседневный язык. Поэтому, как правило, разработчик и пользователи ИТ весьма плохо понимают друг друга. Актуальность исследования обусловлена принципиальным различием компьютерного (технического) и повседневного языков, что значительно затрудняет коммуникацию между разработчиком и пользователем ИТ. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость повышения эффективности такой коммуникации за счет преодоления принципиального различия между компьютерным (техническим) и повседневным языками.

Новая научная идея базируется на понимании того, как в человеческом сознании информация обретает смысл. До сих пор успех ста-

тистической модели мышления был связан, с одной стороны, с возможностью представления этой модели в строго математической форме, и, с другой стороны, невозможностью представить в строго математической форме любые другие модели сознания. Роль математической формы во взаимодействии человека и компьютера обусловлена тем, что компьютер, в конечном итоге может оперировать (понимать) только числами. Поэтому любая другая модель человеческого сознания может быть реализована в ИТ только в том случае, если эта модель допускает, не в принципе, а фактически, свое математическое воплощение. Новая научная идея делает первый шаг в этом направлении: разрабатывается такое понимание смысла (значение, десигнат) информации, которое можно выразить строго математическим образом, например, строго математически выразить схожесть (или несхожесть) смыслов двух текстов. Поскольку это понимание непосредственно базируется на основе онтологических положений, то такое понимание является именно философским, а не каким-либо конкретно научным, как может показаться на первый взгляд из его непосредственной связи с математикой. Эту связь с математикой обеспечивает такая онтологическая концепция, как релятивная онтология, где само решение проблемы бытия имеет математическую форму. Математическую форму представленности (то есть число) смысла (значения, десигната) информации легко ввести в компьютер, который после этого начнет понимать смысл вводимой в него информации, именно смысл, а не только имя информации, и именно такой смысл, который, принципиально отличаясь от Тьюринговской статистической модели мышления, является не имитацией мышления, а именно мышлением. Это позволит сблизить функционирование компьютера и человеческого сознания, что, в свою очередь, повысит эффективность взаимодействия человека и компьютера. Например, чтобы успешно двигаться в разработке искусственного интеллекта, необходимо понять, что такое естественный интеллект, то есть человеческий интеллект, в основе которого лежит процесс оперирования смыслами информации.

Решение заявленной проблемы основывается на положении в релятивной онтологии: быть – значит различаться [1, 12–22]. В соответствии с этим можно построить следующее определение информации, синонимом которой в информационных науках является термин «значение атрибута»: информация есть определенность (утверждение 1). Всякая определенность имеет свой денотат, который в онтологии обозначен термином «сущее» (утверждение 2). Любая определенность сущего всегда есть результат его различения от другого

сущего по некоторому общему для них свойству. Если свойства разные, то различия, а значит и определенность, невозможны. Свойство, общее для обоих сущих, по которому реализуется их различие, называется атрибутом, а информация по этому атрибуту или данные, называются значениями атрибута (утверждение 3). Любая информация сущего есть результат его различения по некоторому атрибуту от другого сущего (утверждением 4) [2].

Любое значение атрибута можно представить как результат вычитания (утверждение 5). В математике есть понятие разности, которое по смыслу совпадает с понятием различие. Разность – результат операции вычитания, а в нашем случае есть результат различения, то есть значение атрибута (информация) можно представить как результат вычитания (Колычев П.М. *Онтология и математика* [3], [4], [5]. Любая совокупность различных друг от друга значений атрибута (информация) может быть упорядочена по мере их возрастания (утверждение 7). Смысл информации сущего по заданному атрибуту есть место, которое он занимает в упорядоченном ряду значений атрибута всех остальных сущих (утверждение 8). По своему характеру это утверждение есть определение термина «смысл». То, что смысл информации всегда задается для конкретного сущего, следует из утверждения 2. То, что смысл информации всегда задается для конкретного атрибута, следует из утверждения 3. В утверждении 7 видно, что смысл информации всегда относителен, то есть он зависит от конкретной совокупности сущих. В разных совокупностях сущих одно и то же сущее может иметь различный смысл [6].

Атрибутивное число есть результат онтологического вычитания (утверждение 9). По своему характеру это утверждение есть определение термина «атрибутивное число». В релятивной онтологии любое атрибутивное число выражает бытие. Правила оперирования такими числами во многом зависят от свойств самого атрибута [7]

Информация есть атрибутивное число (утверждение 10). Ноль есть отсутствие различения, а значит, есть отсутствие информации (утверждение 11). Смысл понятия нуля есть не различение эталонного сущего от самого себя, или его тождество самому себе. Введение чисел как результат упорядочивания информации (значение атрибута) означает, что атрибутивное число выражает ее смысл [8].

Преимущество продемонстрированного здесь понимания информации как результата различения состоит в том, что данное определение легко формализуется через онтологическую процедуру вычитания. Это приводит к разработке формализованной процедуры представления смысла любой информации. Этот подход целесоо-

бразно обозначить как онтоинформатика. Теперь компьютер способен не только работать с информацией как с символом, но и как со смыслом [9]. Онтоинформатика позволяет формализовать, в частности, текстовую информацию, постольку возможна компьютерная процедура проведения количественного сравнения по смыслу двух текстов [10]. На основании наших онтологических исследований, мы убеждены, что это единственный путь развития информационных наук в будущем.

Библиографический список:

1. *Колычев П.М.* Релятивная онтология. СПб. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 227 с.
2. *Колычев П.М.* Понятие информации (онтологический аспект) // Труды гуманитарного факультета СПб ГУ ИТМО: Сборник научных статей / В 2 т., Т. 1. – СПб ГУ ИТМО, 2009. – 306 с. С. 21–36.
3. Манифест Алена Бадью и релятивная онтология // Парадигма: Очерки философии и теории культуры. СПб.:Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. Вып. 8. С. 121 – 132.
4. *Колычев П.М.* Умозаключение как вычитание. // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы X Общероссийской научной конференции. 26–28 июня 2008 г. – СПб.:Издательство С.-Петербургского ун-та, 2008.
5. *Колычев П.М.* Умозаключения с релятивными суждениями как операции вычитания чисел: на примере родственных связей // Современная логика: проблемы теории и истории: Материалы XI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24 – 26 июня 2010 г. – СПб., 2010. – 481 с. С. 445 – 447.
6. *Колычев П.М.* Релятивная теория информации. – СПб.: СПб ГУ ИТМО, 2008. – 96 с.
7. *Колычев П.М.* Соотношение как основание для операции счёта и понятия числа // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции 15–16 июня 2007. – М.: Изд. Савин С.А., 2007. – 472 с. С. 256 – 258.
8. *Колычев П.М.* Релятивная онтология – релятивные суждения – понятия множества, числа и счёта – информационные базы данных // Философия, математика, лингвистика: аспекты взаимодействия. СПб., 2009.
9. *Колычев П.М.* Различие как основа упорядочивания данных // Сборник научных статей. – СПб.:НИУ ИТМО, 2012. – 200 с. – (Труды научно-образовательного центра «Экономико-гуманитарные технологии в научно-технической области». Т. 3.). – Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2012. – Т. 3. – Информатика. – С. 189–198.
10. *Колычев П.М.* Теория информации. СПб.: Издательство ООО Студия «НП-Принт», 2013. – 176 с., с. 152–174.

Кудашов В. И.

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Россия.
Email: vkudashov@mail.ru

Аннотация. Развитие образования в информационном обществе требует отказа от воспроизведения устаревших моделей мышления и деятельности, перехода к созданию разнообразных мотивирующих интерактивных образовательных пространств.

Kudashov V. I.

FEATURES OF PHILOSOPHICAL EDUCATION IN INFORMATION SOCIETY

Kudashov Vyacheslav Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Siberian Federal University”, Krasnoyarsk, Russia.

Abstract. The development of education in information society requires the abandonment of the reproduction of outdated models of thinking and activity, the transition to the creation of a variety of motivating interactive educational spaces.

Система образования, построенная в индустриальной адаптационной парадигме, перестала соответствовать требованиям времени, которые включают опережающее развитие конвергирующих информационных и когнитивных технологий. Приходится отказываться от представлений об образовании как процессе подготовки нового поколения к жизни в стабильном обществе и менять институты, мешающие образованию быть гибким и постоянно развивающимся – устаревшие системы оценивания, жестко заданные стандарты учебной деятельности или ограничения в развитии систем управления и финансирования. Но в первую очередь образованию в информационном обществе необходимо перестать воспроизводить устаревшие модели мышления и деятельности.

Эту критическую роль всегда брала на себя философия как особая теоретическая форма культурной рефлексии и специфическая образовательная практика. Представление о теоретической замкнутости философского мышления во многом представляет собой исторически устаревшее мнение, поскольку в современной «постметафизической» философии классическое соотношение теоретического и практиче-

ского переопределяется. Сфера практического не только раздвигается далеко за границы традиционных областей этики и политики, охватывая неявное знание, личностное самосознание, межличностное со-бытие, социальные практики, языковую коммуникацию, но и понимается как первичная относительно теоретической философии.

Направления философии последних десятилетий разнообразны и разнородны, поэтому внутренняя согласованность широкого тематического поля современного философского образования остается открытым вопросом. Тем не менее, можно указать на некоторые характерные черты, отличающие его от традиционного образования: 1) это не регионализация отраслей философского знания, а систематическая философия, включающая онтологию и эпистемологию информационного общества; 2) в отличие от ориентированных на широкого потребителя профанированных версий, она требует коррекции понимания информационных технологий на основе философских концептуализаций.

Современная «философия вообще» существует только в учебниках для начинающих, а в своих развитых формах она всегда многообразна и специфична, поэтому каждый претендент на самостоятельное философствование, определяет собственное понимание философской рефлексии. Особенно важно при этом учитывать специфику исторически сложившегося в России философского образования, теснейшим образом связанного не только с позитивистски ориентированным научным сообществом, но и с представителями иных сфер культуры, прежде всего, искусства и религии. Многие характеристики этого образования могут быть непротиворечивым образом представлены в различных постметафизических проектах: преодоление классически понимаемого объективизма, ситуационный анализ рациональности, учет культурно-исторического фона исследований, признание единства тематического и перформативного аспектов знания.

Поэтому важно учитывать нередуцируемое к одной уникальной основе разнообразие образовательных практик, воплощающих авторские формы современной философии. Огромную роль при этом играет личный научный опыт каждого преподавателя философии, который имеет свою неповторимую и сложно опосредованную природу. Наш так называемый «непосредственный опыт» всегда уже опосредован не нейтральным по отношению к данному опыту инструментариумом, который можно рефлексивно использовать применительно к рационально понимаемому субъекту образовательной деятельности. Активное развитие информационно-коммуникационных технологий, когнитивных наук, биофармацевтики обеспечивает

невероятную мобильность и возможность обработки «больших данных», автоматизацию ряда когнитивных процессов в системах искусственного интеллекта, а также новые способы персонального и коллективного обучения и развития на основе этих инструментов.

Это создает новые условия для появления открытого философского образования на основе актуального содержания, сотрудничества учащихся и преподавателей, создания мотивирующих интерактивных образовательных пространств. Такое образование предполагает не очередное конструирование абстрактной теории информационного общества, а вовлеченный рефлексивный анализ конкретных ситуаций и случаев информатизации, раскрывающий их динамическую артикуляцию и тем самым их изменяющий.

Лященко М. Н.

АНАЛИЗ ОДИНОЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ К. МАРКСА

Лященко Максим Николаевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии науки и социологии, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия.

E-mail: megamax82@rambler.ru

Аннотация. Согласно К. Марксу, деградация совместного бытия приводит к господству над индивидом предметного мира, а одиночество, как его следствие, является, в сущности, выключением его из мира, созданного им же самим. Поскольку К. Маркс понимал человека как социально-историческое существо, связанное с другими индивидами, одиночество – это, прежде всего, социально-историческое явление, возникающего по причине отчуждения в межчеловеческом взаимодействии.

Lyashchenko M. N.

ANALYSIS OF A PERSON'S LONELINESS IN THE DOCTRINE OF K. MARX

Lyashchenko Maxim Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy of Science and Sociology, Federal State Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Orenburg, Russia.

Email: megamax82 @ rambler. Ru

Abstract. According to Karl Marx, the degradation of coexistence results in objective world domination over humans, and loneliness, as its consequence, is, in effect, their exclusion from the world created by themselves. Since K. Marx understood humans as a socio-historical beings connected with other individuals, loneliness is, first of all, a socio-historical phenomenon, arising due to alienation in interpersonal interaction.

Несомненно, что философское наследие К. Маркса оставило неизгладимый след в развитии мыслительной культуры человечества, составив один из существенных и внушительных ее пластов, который наполнен идеями, не утратившими своей актуальности и сегодня. Глубокие по смыслу идеи марксово учения не только представляют большую ценность в изучении общества и человека, но и служат твердой опорой при постижении экзистенциальных основ человеческого бытия.

Следуя антропологическому принципу философии Л. Фейербаха, К. Маркс понимал ее революционное значение для научно-философского знания, но также, в полной мере, он осознавал ее недостатки, преодоление которых стало одной из главных задач его научно-творческой деятельности. Ограниченность философии Л. Фейербаха он видел в чувственной ограниченности человека *как природного существа* и сугубо *созерцательном характере* общения между индивидами, которые рассматриваются без учета реальной предметной деятельности. В ней К. Маркс находил основу универсальности, бесконечности (конкретности) и историчности человека, которая обеспечивает связь последнего с другими индивидами, и его с природой. Подобная пролагаемая концептуальная линия позволила К. Марксу наметить новые горизонты понимания сущности человека и его роли в окружающей действительности. С этого момента человек стал пониматься как активный творец истории.

Рассматривая человека как творца истории (историческую личность), Маркс указывал, что его сущность раскрывается в труде, позволяющей ему духовно и практически осваивать и преобразовывать природу совместно с другими индивидами. Только в деятельности и через нее индивид утверждает себя и других посредством создания предметного мира. Природные объекты осваиваются человеком с учетом соотношения их природы и особенностей и его собственных целей и потребностей. В этом плане, природа из «чуждого» превращаются «свое», включаясь в мир культуры, мир человека. В этом К. Маркс был прав, человек не принимает саму как таковую природу, только в «человеческом» виде и посредством созданной «второй природы» (мира человека) она становится для него близкой и понятной (осмысленной).

Освоение внешнего мира, его преобразование, делает последний предметом человеческой деятельности, но, одновременно, человек осмысливает и себя как целостное существо, связанное через предметный мир с другими индивидами и природой как таковой. «Существо, не имеющее никакого предмета вне себя, не есть предметное существо. Существо, не являющееся само предметом для третьего существа, не имеет своим предметом никакого существа, то есть не ведет себя

предметным образом, его бытие не есть нечто предметно» [2; с. 631]. Поэтому и *природа (первичный уровень связи) и надстраивающийся над ней культурный мир (высший уровень связи)* выступают опосредующими звеньями, связывающими человека с другими индивидами. В сущности, в процессе совместной предметной деятельности индивиды не только творят друг друга, воссоздавая друг в друге индивидуальные образы, но и выстраивают иерархизированную систему *сообщений между собой*, прерывание которых или отсутствия смысловой «нагрузки» в которых оставляет одного из субъектов-участников общения без ответа. Следствием этого обстоятельства является процесс отчуждения изготовленного предмета от его создателя, предмет становится «чуждым существом». «Представьте себе такое существо, которое и само не есть предмет и не имеет предмета. Подобное существо было бы... единственным существом, вне его не существовало бы никакого существа, оно существовало бы одиноко...» [2, с. 632]. В такой ситуации происходит замена «своего» на «чужое», «чуждое», выключая индивида из общности (то есть из живой действительности). Происходит деформация и/или деградация социальных связей между индивидами, а естественная гармония общего бытия распадается.

Таким образом, К. Маркс пришел к правильному выводу, что деградация совместного бытия приводит к господству над индивидом предметного мира, а одиночество, как его следствие, является, в сущности, выключением его из мира, созданного им же самим (*человеческого мира*). Только посредством процесса «очеловечения» человек относится к природе как *субъективированному объекту* (М.С. Каган) [1], как *нечто близкому и «родному» себе*. Обязательным признаком одиночества человека выступает отчужденность его либо от природы, культуры, общества, или близких людей, или всех разом (полное и глубокое одиночество). Последнее обусловлено *набирающими оборотами процесса отчуждения*, фиксирующим *возрастание подчиненности человека самодвижению предметного богатства*, где человек выступает сам в роли объекта, или *другому индивиду*.

Сегодня, возрастание предметного богатства в современном мире, привело к формированию общества потребления, и трансформировала человека в потребителя, ознаменовав его смерть как духовно-нравственного существа. К. Маркс отмечал, что подобные тенденции уже пробивали себе дорогу в его время, а дальнейшее их возрастания приведет человека к скотскому одичанию и грубому упрощению потребностей [2, с. 600]. Таким образом, одиночество, по мнению немецкого философа, представляет собой крайнюю *форму отчуждения, разрушающей его человеческий облик*.

Но, К. Маркс понимал, что одиночество как феномен экзистенциального бытия человека порожден, прежде всего, внешними причинами – господством предметно-вещественного мира и той силой, в которую он превращается, заставляющей индивидов *выступать средствами* друг для друга. Тем самым теряет смысл и ценность сама предметная деятельность для человека; человек отчуждается от труда, его содержания и результатов, изживая в самом себе родовую и историческую сущность. Диалектика внешнего и внутреннего выводила К. Маркса на правильное понимание одиночества как феномена глубокой внутренней жизни человека, наличие которого является *не фатальным роком для человека* (как это в экзистенциализме), *а делом рук его самого*. Именно система общественных отношений и противоречия в ней – основание одиночества человека, которое на место человека размерной действительности, где человек для человека выступает высшей ценностью, приходят отношения, в которых человек для человека – средство, а сам человек оценивается с точки зрения пользы и эффективности (например, в современном обществе). Только поэтому, в настоящее время, одиночество приняло всеобщие черты, став показателем глубокой бездны между человеком и человеком, между человеком и природой, между ним и Богом.

Отчужденный индивид, по мнению К. Маркса, не принадлежит себе, ему только и остается, что реализовывать чужую волю, служа средством в достижении целей другого индивида. «Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит другой человек. То, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и к самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку, а также к труду другого человека» [2, с. 567]. Так, различные формы социальности – труд, частная собственность, государство, способствуют понижению уровня общности между индивидами и возрастанию отчужденности человека, которая может быть всеохватывающим и тотальным, затрагивающим сущность человека. Совсем не случайно, что данная логика изложения, в конце концов, вывела К. Маркса на мысль, что одинокий человек – это «*необщественный*» человек, лишенный человечности чувств, а также духовных и практических чувств, объединяющих индивидов [2; с.593]. Одинокий человек никогда не сможет вести подлинно социальную жизнь, жизнь с близки Другим (со своим Другим). Поэтому одиночество – это конкретный тип бытия человека, обусловленный реальным общественно-историческим развитием.

Спасение от отчуждения и одиночества, он связывал, с переходом от капитализма к коммунизму, в которой найдет реализацию прин-

цип гуманизма и человек будет жить и действовать ради другого человека. Только так, считал К. Маркс, можно побороть социально-духовные недуги общества.

Подводя итоги, необходимо сказать, что учение К. Маркса строилась на понимании человека, не как природного существа (Л. Фейербах), а как *социально-исторического*, связанного с другими индивидами и, главным образом, обретающего свою целостность на конкретном этапе общественно-историческом развитии. Данная концептуальная предпосылка стала основой для К. Маркса в объяснении явлений внутренней жизни человека, и, в частности, одиночества, которое возникает как результат взаимодействия с другими индивидами. Таким образом, одиночество – это, прежде всего, социально-историческое явление, возникающего по причине отчуждения в межлическом взаимодействии. Само одиночество было оценено К. Марксом крайне негативно, как «необщественная» форма существования человека. Отчуждение человека от человека приводит к установке воспринимать окружающих людей как «средство» в силу этого и природа может потерять ценность и смысл для человека и восприниматься как объект эксплуатации.

Библиографический список:

1. *Каган М. С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
2. *Маркс К.* Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1956. – 632 с.

Оконская Н. К.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Оконская Наталия Камильевна – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия.

E-mail: nataokonskaya@gambler.ru

Аннотация. Автор выдвигает идею о том, что доработка концепции личностной субъективности, воссоединенная с концепцией материалистического понимания истории, приведет к восстановлению прогностической мощи гуманитарного блока наук под эгидой социальной философии.

Okonskaya N. K.

THE PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY: A MATERIALIST APPROACH

Okonskaya Natalia Kamilyevna – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Perm National Research Polytechnic University”, Perm, Russia.

Abstract. The author puts forward the idea that the development of the concept of personal subjectivity, reunited with the concept of a materialistic understanding of history. This will result in the restoration of the prognosis of the humanities under the auspices of social philosophy.

В условиях ускоренного развития информационной эпохи противоречия проявляют себя многочисленными новыми следствиями, побуждая к обновлению теоретической базы для их исследования. Как сочетаются неопровержимость возросшей активности субъекта-носителя общественных отношений и идеальная составляющая субъекта информационного общества: достаточно ли материальна рабочая сила сегодня? Насколько материальна виртуальная среда? Подтверждается ли закон превращения абстрактно-всеобщего труда в конкретно-всеобщий труд (в результате прогрессивного развития производительных сил), или данный закон требует изгнания из экономических и социальных сетевых глобальных систем информационного общества?

Чем определяется устойчивое развитие человеческого общества сегодня, в условиях глобальной техноопасности? Идеализм в понимании истории, проблема ведущей роли личности и инертности народных масс выступают методологией разрешения глобальных проблем современности, оптимизируемых через призму этики ответственно-сти ученых, инженеров, предпринимателей.

Стыдливое замалчивание перспектив превращения капиталистических антагонистических отношений в иные дополняется операизмом как настоящей революцией против марксизма. Операисты и их предшественники критикуют как постиндустриальный, так и информационный подходы. Возможно ли противостояние операизму и постопераизму на базе формационного подхода, составляющего к настоящему моменту систему знаний в единстве с цивилизационным подходом, или данные философские теории не выдерживает практической проверки и являются устаревшими?

Специфика развития личности в информационную эпоху не может быть охарактеризована односторонне либо как неизбежно прогрессивная, либо как ожидаемо регрессивная. Интерес представляет исследование процесса самосохранения личностного потенциала и

его экспоненциальный рост, в связи с эффектом коммуникативной вовлеченности или диалектическим возвышением личности информационного толка над сущностью представителя постиндустриального общества. Если прогресс оказывается недоступен, то регресс, замещающий естественноисторический прогресс, также следует довести до понимания и объяснения причин регресса (больших социальных групп или отдельных представителей социума).

Материалистическое понимание истории требует постоянного обновления системы содержательных элементов теории для более устойчивого противостояния позитивистским, постмодернистским установкам. Акцент системного исследования экономических, политических, духовных процессов сегодня смещен в сторону описания на основе когерентных, прагматических «истин» по правилам социальных игр, что характерно для методологии эмпиризма в социологии, экономике.

Главным моментом, разрушающим формулу сущности материалистического понимания истории, становится объединение, смешивание материального и идеального в общественном производстве по количественному принципу. Если количество материальности наглядно выше количества идеальности, преобладают имплицитные выводы о материальности рассматриваемого объекта. И наоборот. Однако и концепция уровней, и историческая логика становления общества детерминирует в качестве понятийного каркаса социальной философии не только закон определения общественного сознания общественным бытием, но и следующую конкретизацию этого закона: те социальные процессы, которые не нуждаются в осознании, чтобы быть – материальны по сути. Так любой *труд* – материален, будучи сущностью человека, сутью социальности как высшей формы бытия. *Умственный труд*, высший по сложности, следствием своего развития имеет идеальные процессы и предметы, однако сам источник духовности и технического перевооружения не становится идеальным.

Технологии подчинены принципу познания, осознания целей и расчетам эффективности, вплоть до полной автоматизации логистики. И несмотря на кажущуюся абсурдность, эта зависимость от осознания – главный принцип отнесения *вещественных систем труда* к идеальным компонентам общественной жизни. Противостояние технооптимизма и технопессимизма производно от логики развития, вложенной в технологии экономической элитой, лоббирующей производство в отдельных государствах, т. е. идеально.

Человек, не нуждаясь в осознании, чтобы быть, телесно и социально подчиненный объективным законам общественной жизни,

при всей его интеллектуальной мощи, основанной на психических способностях, умственном труде, – есть главный элемент производительных сил, основная система общественного бытия. Отчуждение от человека его сущностных сил, совершаемое в процессе общественного труда, подчеркивает его двоякую объективность. Человек как совокупность общественных отношений воплощает высшую форму бытия. Лишение человека воли, энергии саморазвития, которые сопровождают отчуждение, делают его более материальным, чем продукты труда. Отчужденные люди искажают природу всеобщего труда на абстрактную всеобщность, актуализируя свою биологическую сущность. В то время как вещи, служащие балластом для природы, имеют потенциал возврата в природные процессы, не нарушая своего естества.

Если труд прогнозируется как полностью управляемый и подконтрольный сложным расчетам, то его саморазвивающаяся область будет деструктивно подавляться, подобно экономическим отношениям при социализме. При оценке сути труда по его результату (духовный идеальный продукт или материальный субстрат) будет утрачен контроль над сущностью человека, самой сложной из всех форм бытия.

Современное образование готовит экономистов к написанию алгоритмов, программ системного управления. Экономика в целом выпадает из поля зрения разработчиков, поскольку эмпирически охвачена быть не может. Кризисы можно описать, перечисляя отдельные провалы и ошибки команды, лидеров и исполнителей. Причины кризисов не исследуются. При таком волюнтаристском стиле мышления базис (отношения собственности по поводу средств производства) не только остается вне сферы теоретиков, но и активно подавляется надстройкой. Конструктивизм, аналитическая философия, позитивистская линия философствования, постмодернизм в целом вовлекают образование в идеалистическую интерпретацию общественной жизни.

Скрытый негативный момент описания и контроля субъект-объектных технологий в сторону их алгоритмизации в том, что угнетенным оказывается такой вид производственных отношений собственности, как собственность на свою рабочую силу. Чем больше способностей у отдельно взятого человека оказываются реализованными, тем более творческими выступают люди, освобожденные от вещной и личной зависимости.

Главное творческое начало, интеллектуальная собственность как реализация всех потенциальных способностей человека, закрыта для саморазвития, если общественное признание человека система-

тизировано вокруг его экономической эффективности, определяемой технологической, технической заданностью скорости производства, обмена, распределения и потребления продуктов труда. «Новее, быстрее, выше, сильнее» как мотив признания и оплаты труда – абстрактный лозунг, аналогичный идее «поворота рек вспять», или технизации труда вопреки его гуманизации.

Прибытков А. А.

ИДЕИ КАРЛА МАРКСА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Прибытков Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», Воронеж, Россия.

E-mail: modus16@rambler.ru

Аннотация. Несмотря на современную критику идей К. Маркса и развитие мира вопреки описанным им законам, «призраки Маркса» до сих пор имеют резонанс в кругах «левых» интеллектуалов Европы и Америки.

Pribitkov A. A.

KARL MARX'S IDEAS: HISTORY AND MODERNITY

Pribitkov Alexey Alexandrovich – Ph. D. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Email: modus16@rambler.ru

Abstract. Despite the modern criticism of Karl Marx's ideas and the development of the world contrary to the laws described by him, the "ghosts of Marx" still have resonance in the circles of the "left" intellectuals of Europe and America.

В мае 2018 года исполнилось 200 лет со дня рождения Карла Маркса – человека, оставившего глубокий след в истории обществоведения и, пожалуй, не меньший след – в политической истории XIX и XX столетий. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы. Эти направления стали основой коммунистического и социалистического движения и идеологии, получив название «марксизм». Автор таких работ, как «Манифест коммунистической партии» (впервые опубликован в 1848 году), «Капитал» (впервые опубликована в 1867 году). Некоторые его работы написаны в соавторстве с единомышленником Фридрихом Энгельсом.

В советской России на протяжении семи с лишним десятилетий стараниями большевистских идеологов Маркс оставался идиологом, а его учение – своего рода священным писанием, не подлежащим не то что критике, но даже малейшему сомнению. «Учение Маркса все-сильно, потому что оно верно», – утверждение, сделанное Лениным еще в 1913 году, многие десятилетия было непререкаемой истиной. Однако, сегодня, по мнению некоторых исследователей, каждому самостоятельно мыслящему человеку очевидно, что это учение и не верно, и уж тем более не всеильно. Достаточно взглянуть на мир, который развивается отнюдь не по законам, сформулированным автором «Капитала», а вопреки им [1]. Тем не менее, как заявлял один из самых влиятельных философов конца XX века Жак Деррида, не читать, не перечитывать и не обсуждать Маркса будет ошибкой. В начале 1990-х годов, когда в Европе рухнула Берлинская стена, а страны бывшего Восточного блока вступили в период постсоветской динамики, выступая с докладом в МГУ Ж. Деррида ярко «защищал» Маркса, что показалось российским интеллектуалам – в период ниспровержения всех советских ценностей – почти провокацией. Сквозной темой его работы «Призраки Маркса» (1993) [2], как свидетельствует само название, является обращение к посмертным судьбам Маркса и созданного им учения, и в связи с Марксом – к проблемам посмертного бытования вообще, к теме жизни и смерти, к тому, что сопровождает смерть в представлениях живущих – к призракам, фантомам, духам. «Призраки Маркса», рассматриваемые через призму (предполагаемого) увлечения марксизмом молодого Деррида, вызвали весьма внушительный резонанс в кругах левых интеллектуалов Запада, в особенности в США.

В заключении следует отметить, что и последователи К. Маркса во всем мире, и его идейные противники признают, что Маркс действительно был талантливым ученым, ярким публицистом, блестящим журналистом, организатором политического движения, которое дожило до наших дней. Он хотел не просто исследовать мир, а изменить его.

Библиографический список:

1. *Шишков Ю.* Маркс без ореола: Читая классика марксизма сегодня. [Электронный ресурс] – <https://www.nkj.ru/archive/articles/10793/>
2. *Деррида Ж.* Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал. – М.: Logos-altera, 2006. – 256 с.

Протопопов И. А.

ПРИНЦИП ОТРИЦАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЛЕНИНА: К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕГЕЛЕВСКОГО ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Протопопов Иван Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

Email: stiff72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена интерпретации гегелевского принципа отрицания в марксистской традиции у В.И. Ленина. В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленин рассматривает основанный на принципе негативности гегелевский диалектический метод как относящийся к бытию всех вещей, которое объективно мыслится в форме понятия.

Protopopov I. A.

PRINCIPLE OF NEGATION IN LENIN'S PHILOSOPHY: THE ISSUE OF THE MATERIALIST INTERPRETATION OF THE HEGELIAN DIALECTICAL METHOD

Protopopov Ivan Alekseevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, PhD (philosophy), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article deals with the interpretation of the Hegelian principle of negation in the Marxist tradition in V.I. Lenin's works. In contrast to K. Marx and F. Engels, Lenin considers the Hegelian dialectic method based on the principle of negativity as relating to the being of all things, which is objectively thought of in the form of a concept.

В. И. Ленин, следуя общему направлению материалистического преобразования диалектики Гегеля, заданному К. Марксом и Ф. Энгельсом, не считал, однако, что диалектика у Гегеля, представленная в его «Науке логики» относится только к процессу мышления, понимаемому в виде самостоятельного субъекта и основания действительности. Если позицию Маркса по этому вопросу можно свести к тому, что Гегель нашел лишь абстрактное, спекулятивное выражение диалектики и представил её только как мыслимый процесс развития всего сущего в форме логического понятия[3; с. 155–160], то согласно Ленину, категории гегелевской Логике являются формами субъективного абстрактного мышления, но выражают определения объективного бытия всего сущего, которое мыслится в его собственной

сущности в форме понятия[1; с.194]. Наиболее адекватную позицию по этому вопросу в марксистской традиции занимал в своё время Г. Маркузе, который считал, что в гегелевской философии категории воспроизводят движение самого бытия, поскольку его Логика «имеет дело с формами или видами бытия так, как они постигаются мыслью» [4; с. 100], а гегелевское «понятие обозначает общую форму любого бытия и в то же время истинное бытие, которое адекватным образом представляет эту форму, а именно – свободный субъект» [4; с. 215].

В связи с этим, мы рассмотрим, как именно трактовалось и переосмысливалось у Ленина гегелевское понятие отрицания в качестве основополагающего для формирования теории материалистической диалектики принципа. Противоположность между идеалистической и материалистической диалектикой, согласно классическому положению Маркса, состояла в том, что первая является только диалектикой мышления, которое придает своим понятиям статус высшего бытия, тогда как вторая является истинной диалектикой реальной действительности, познаваемой нашим разумом [2; с. 21]. При том, что Маркс считал, что гегелевское отрицание понимается у Гегеля в виде истинного акта самоосуществления всякого бытия [3; с. 155], он был уверен, что принцип отрицания применяется Гегелем только к абстрактному мышлению развития определений всего сущего в понятии, которое выступает мнимым основанием всякого бытия. Ф. Энгельс придерживался такого подхода, что гегелевский принцип отрицания, выступающий движущим началом всякого развития, раскрывает положительный смысл закона о единства и борьбы противоположностей.

В этом смысле данный принцип, являющийся основным законом всей гегелевской системы, должен выступить и основным принципом материалистической диалектики [6; с. 264]. Однако Энгельс, в то же время, пытался свести сущность диалектического отрицания к понятию абстрактного общего закона, конкретный смысл которого раскрывается только исходя из особого эмпирического порядка тех процессов, в которых он проявляется. Материализм, претендующий у него на положение высшей стадии развития философии вообще, поскольку ищет подтверждения своим общим формальным принципам в конкретных фактах определенных эмпирических наук в этом случае вообще перестает быть ею, равно как превращаясь в мировоззрение, он теряет статус высшей единой науки, на который претендовала гегелевская спекулятивная диалектика [5; с. 138]. Подлинное разрешение проблемы материалистической интерпретации гегелевской диалектики в марксизме принадлежит В. И. Ленину, который, как нам представляется, определил основные пути построения це-

лостной философской системы, основанной на материалистическом диалектическом методе, а не на критике отдельных принципов гегелевской диалектики.

Комментируя гегелевское положение о соотносящемся с собой отрицании или негативности, образующей в своём диалектическом движении абсолютную субъективность понятия, в которой полагаются в единстве мышление и бытие в его объективности, Ленин замечает, что здесь важен принцип самодвижения, выступающий источником всякой материальной и духовной деятельности [1; с. 210–211]. В этом смысле, «богаче всего» оказывается «самое конкретное и самое субъективное» в гегелевском смысле абсолютной субъективности диалектического метода [1; с. 212]. Согласно Ленину, диалектика вообще, в этом отношении, состоит в отрицании первого положения, в смене его вторым отрицательным в котором, уже содержится первое [1; с. 208]. Затем через отрицание этого второго отрицательного, диалектика приходит к разрешению противоречия между положительным и отрицательным, полагаемое через единство этих онтологических противоположностей в бытии всего сущего в форме соотносящегося с собой отрицательного единства материи как абсолютного субъекта всякого бытия и мышления.

Идея как диалектическое единство бытия и мышления в гегелевской Логике, признаётся уже не мнимой мысленной сущностью как это было у Маркса, но понимается Лениным как материя, выступающая сущностью объективного реального бытия всего сущего и субъективности идеального мышления, которое в лице человека познаёт и через практику преобразует это бытие. В этом отношении ленинское определение материи из «Материализма и эмпириокритицизма» как категории, обозначающей объективную реальность, данную нам в ощущении, которая отражается в нашем сознании, нужно понимать, исходя не из принципа общей противоположности между мышлением и бытием, но ориентируясь на понятие самостоятельного по отношению к каждому индивидуальному сознанию объективного бытия, которое как раз и постигается в логическом мышлении. В отличие от распространенного вообще в марксистской традиции подхода, идея означает у Гегеля не просто общее понятие, в котором мыслится отличное от него материальное бытие всего сущего, но тождество мышления и бытия, определяемое в виде умопостигаемой действительности или абсолютного субъекта, на основании которого чувственно воспринимаемые вещи существуют и мыслятся нами.

Категории гегелевской Логики – это не наши представления или понятия, относящиеся к субъективному человеческому разуму, но

всеобщие формы бытия всех вещей и определения объективного мышления, в котором бытие раскрывается в самом себе и для себя самого. В случае, если мы интерпретируем этот субъект не в качестве отличного от всего сущего и трансцендентного ему идеального божественного бытия, как это происходило у самого Гегеля, но в качестве абсолютного реального или материального бытия, которое имманентно осуществляясь в природе и истории, выступает их субстанциальным основанием, мы приходим к материалистическому пониманию гегелевской «Науки логики» и её диалектического метода. Если К. Маркс считал, что его диалектический метод в своей основе отличается от идеалистического гегелевского и выступает его прямой противоположностью [2, с. 21], то Ленин, напротив, понимает гегелевский диалектический метод как в самой своей сути материалистический [1, с. 210–215], так как он выражает основные законы развития бытия вообще, которое объективно реализуется в существовании всех вещей, и субъективно воплощается в идеальной форме мышления, в котором человек познаёт сущность этих вещей [1; с. 84].

В этом смысле законы диалектики у Гегеля являются законами мышления, только в той мере, в какой они выступают также и законами постигаемого разумом бытия, которое не зависит от чувственного восприятия, но раскрывается через единство с мышлением в форме понятия. Таким образом, гегелевская идея, понимаемая Лениным как материя интерпретируется в его диалектике как действительность [1, с. 427]. или абсолютное реальное бытие, которое, через соотносящееся с собой отрицание, осуществляется в самом себе и для себя, раскрывая и познавая себя во всех формах своего реального и идеального существования. При этом борьбу противоположностей, понимаемую как сущность противоречия, В. И. Ленин революционным образом истолковывает как абсолютную отрицательность в бытии всех вещей, в отличие от единства этих противоположностей, которое признаётся лишь относительным.

Библиографический список:

1. Ленин В.И. Философские тетради. Конспект книги Гегеля «Науки логики» // В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 29.
2. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. / Капитал. Т. 1. – М., 1960.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 42. – М., 1974.
4. Маркузе Г. Разум и революция – СПб., 2000.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг – М., 1977.
6. Энгельс Ф. Диалектика природы – М.: Госполитиздат, 1936.

Салохин Н. П.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВКЛАД К. МАРКСА В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Салохин Николай Павлович – кандидат философских наук, профессор кафедры «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный технический университет», Омск, Россия.
Email: salokna@yandex.ru

Аннотация. Процесс становления гражданского общества трансформирующейся России приобретает затяжной характер. К. Маркс причиной социальных деформаций называл разнонаправленность усилий основных субъектов развития. Асимметричность порождается воспроизводством отчуждения в основополагающих сферах жизни. Утверждение гармонии социального возможно лишь в процессе снятия противоречий должного и сущего.

Salokhin N. P

SELF-GOVERNMENT ACTUALITY: K. MARX CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SELF-ORGANISATION THEORY

Salokhin Nikolay Pavlovich – Ph. D. (Philosophy), Professor, Department of State, Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Abstract. The paper deals with the transformed social process in Russia. The author analyzes K. Marx's ideas of building a civil self-regulated and self-organized community changing both paradigms and management culture. People and the community reject authority and tend to have equal social subject directing progress, demonstrating gnoseological expansion. Thus, intellectual and moral basis is the main target of free citizens in the world.

Диалектико-материалистическая парадигма, теория прибавочной стоимости в экономике, теория классовой борьбы в системе политических коммуникаций, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом, сущностно изменили технологии управления государством, обществом и экономикой. К. Маркс доказал, что общество, государство, производство, наука, культура, искусство, а не Бог, является более высокой стадией развития отдельного человека. Чтобы познать и улучшить мир, необходимо познать и улучшить общество и человека.

Движущие силы социального прогресса формируются в процессе взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Производительные силы общества – динамичная нелинейная система, воплощающая неустойчивость и неравновесность индиви-

дуальных и коллективных инициатив. Производственные отношения имеют линейный характер, устойчивы и малоподвижны, что предопределяет их постоянное отставание от потребностей производительных сил. В результате указанного отставания, особенно в условиях машинного производства, противоречие системы труда – наёмных работников и их потребностей и системы капитала приобретает перманентный характер, что ставит перед практикой управления задачу поиска эффективных методов разрешения этого противоречия во всей его глобальности.

Вся теоретическая и практическая деятельность К.Маркса была посвящена изучению вопроса противоречий в обществе, вызванных отношениями собственности, и поиску гармоничных методов их разрешения. К.Маркс понимал, что механическое устранение (законодательная отмена) частной собственности само по себе не приведёт к созданию идеального общества, что такая попытка может привести к возникновению ещё более «грубого» общества, чем современный ему капитализм. Человечество нуждается в гармоничном обществе. Всеобщая гармония достигается в преодолении отчуждения и обретении человеком качества единицы общества. Наиболее полно эти идеи были изложены в его фундаментальной работе «Капитал»[1].

Анализируя процессы коммуникации в отношениях владельцев средств производства и наёмных работников, К. Маркс раскрыл сущность эксплуатации, выраженной в присвоении владельцем собственности – субъектом управления большей части прибавочного продукта. Наёмный производитель в это же время довольствовался небольшой его частью, позволяющей воспроизводство его собственной рабочей силы и содержание членов его семьи.

Диалектико–материалистическая методология познания явилась выдающимся вкладом К. Маркса в развитие теории управления. Несмотря на то, что теория сформулирована в ср XIX в, она, как раскрывающая унитарно-стадиальное понимание коммуникаций на всех уровнях бытия человека и общества, бесспорно, эффективна и в современности[2]. Путь ко всеобщей гармонии формируется в непротиворечивом сочетании возможностей государства и гражданина, личности и общества, человека и природы. Преодоление многочисленных опосредований системы управления утверждает непосредственно общественные коммуникации самоорганизации и самоуправления.

Для практики управления бесспорным является признание в объективном мире законов и закономерностей, определяющих сущность и содержание деятельности. Всё объективное – всегда общее. Общее

таким образом существует не только в сознании, но и в объективных коммуникациях производства и распределения. Производственные отношения объективны, т. е. материальны, соответственно, материальной является и вся система, образованная ими, в т.ч. и система управления. Это означает, что управление, как и производство, развивается в соответствии объективным законам.

К. Маркс доказал, что управление в конкретной общественно-экономической формации включает в себя два основания: во-первых, оно происходит в конкретном обществе, и, во-вторых, оно – инструмент этого общества с оригинальной только ему присущей системой коммуникаций. Управление в обществе выражено в двух разных рядах понятий. Первый ряд, это, во-первых, понятие социо-исторического организма как единицы общества; во-вторых, понятие системы особенного общества с особенными коммуникациями и, в-третьих, понятие об управлении обществом как таковым. Другой ряд: во-первых, понятие о социоисторических организмах как отдельных единицах конкретных обществ (сообществ); во-вторых, – понятие о конкретных коммуникациях как типах социоисторического взаимодействия, выделенных по признаку социально-экономической структуры, и, в-третьих, - понятие общественно-экономической формации как социально-экономического типа социоисторических организмов [3]. В процессе самоорганизации единица общества преодолевает узость управленческих коммуникаций и формирует непосредственно общественные коммуникации самоуправления.

В теории управления реальный социально-экономический процесс выступает в идеальном виде, в форме логического процесса. Теория общественно-экономических формаций раскрывает процессы развития управления в обществе в абстрактной и теоретически последовательной форме. Здесь воспроизводится объективная необходимость развития социоисторических организмов, т. е. единиц человеческого общества в целом.

Социально-философская и экономическая теория управления К. Маркса демонстрируют всеобщность пути народов, вне зависимости от исторических условий, к экономической формации, обеспечивающей расцвет производительных сил и гармонию развития личности. Современная наука управления делает вывод, что развитие человечества не может быть однолинейно: оно многолинейно. Признание многолинейности развития повышает качество управления, ибо это демонстрирует, во-первых, участие в процессе управления развитием многих социально-экономических и социально-полити-

ческих единиц, действующих в соответствии с собственными гносеологическими схемами, и, во-вторых, отход от принудительного навязывания онтологии властного субъекта в пользу отношений равномогности и равноответственности всех социальных субъектов. Коммуникации самоорганизации и самоуправления обеспечивают приоритеты равномогности и равноответственности системы социального.

Управление разных формаций имеет в основе качественно отличные системы социально-экономических отношений, что детерминирует совершенно особенные системы производства и коммуникации. Разные формации хотя и развиваются по-разному, но в соответствии общим фундаментальным законам. Закономерным итогом социального развития нам видится устройство общества на основаниях самоупорядочения, самоорганизации и самоуправления. Задача раскрытия их универсальной сущности в функционировании и развитии каждой из общественно-экономических формаций, в том числе и создания универсальной теории управления каждой из них в основном решена К. Марксом.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. – Т.23.
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке/ пер. с фр. А. Л. Дунаев, науч. ред. пер. А. Ю. Володин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
3. Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. – М.: Институт Философии Академии наук СССР, 1960.

Семёнов С. Н.

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» – АНТИТВОРЧЕСКАЯ СРЕДА?

Семенов Сергей Николаевич – кандидат философских наук, директор Центра профессионального творчества Консорциума «Нефтегазовый центр» (ООО МИП Уфимского государственного нефтяного технического университета), Уфа, Россия.

E-mail: semenov777@mail.ru

Аннотация. Рост возможностей развития творческого мышления в условиях современного «информационного общества» парадоксально сочетается с деградацией творческого потенциала в силу определенных тенденций, особенно – роста потребительских ориентаций во всех сферах. Диалектическая концепция творчества позволяет глубже понять сложившуюся ситуацию.

Semenov S. N.

“INFORMATION SOCIETY” – ANTI-CREATION ENVIRONMENT?

Semenov Sergey Nikolaevich – Ph. D. (Philosophy), Director of the Center for professional creativity of the Consortium “Oil and Gas Center” (MIP LLC, Ufa State Oil Technical University), Ufa

Abstract. The growth of opportunities for the development of creative thinking in the conditions of the modern “information society” is paradoxically combined with the degradation of creative potential due to certain trends, especially the growth of consumer orientations in all spheres. The dialectic concept of creativity permits a deeper understanding of the situation.

Один из ключевых вопросов современности – почему современное глобальное информационное общество с его культом новизны, креативности, инноваций все более выявляет себя как принципиально антитворческая среда? Почему беспрецедентный рост возможностей и условий для творчества ведет к возрастанию поверхностности, внушаемости, стереотипности мышления членов этого общества, в т.ч. и т.н. «креативного класса»? Очевидно, что реальные огромные возможности формирования и реализации творческих способностей либо не используются, либо используются «как то не так». Полнота и доступность ценнейшей информации, накопленной человечеством за несколько тысячелетий – почему-то только усиливают невежество, примитивность и односторонность мысли, воинствующую бездуховность. А создатели образовательных «форсайтов» в разрекламированном «Сколково» на «полном серьезе» предлагают повышать творческий потенциал через принятие наркотических веществ и внедрение в мозг специально выведенных вирусов. Умение ставить и решать проблемы заменяется умением «пользователя» искать готовую «информацию», а принципиальным идеалом образования объявляется формирование не творца (эта идея ставиться в вину советской педагогике!?), а «квалифицированного потребителя». После этого вполне уместны идеи вообще заменить во всех сферах человеческое мышление искусственным интеллектом (ИИ). Причем последняя идея начала быстро реализовываться в самой опасной сфере – принятие военных решений не человеком, а ИИ, чьи критерии могут оказаться весьма неожиданными. [См.:1;2] Какие черты современного общества порождают антитворческие тенденции? Назовем основные:

Нетрадиционность, отрицание опыта прошлого – порождает «беснование вместо творчества» (по Н. А. Бердяеву).

Массовость – ведет не к духовному подъему массы, а к опусканию «элиты» на «массовый» уровень («элитарность» связана часто скорее с сублимацией низменных а, не высокодуховных, качеств).

Информационность – перенасыщенность и хаотичность порождают поверхностность и верхоглядство.

Креативность (как «лозунг») – ведет к симуляции творчества в целом ряде направлений.

Виртуальная реальность – оказывается жизнью «во сне Черного короля» (по Л. Кэроллу) и зависимостью от чужого сознания.

Искусственный интеллект – создается не «в помощь» человеческому (диалогово – справочный режим), а «вместо» человеческого, причем работы по наделению ИИ такой способностью, как творчество пока порождают лишь «квазитворчество».

Потребительство, как ключевой аспект современного общества – ведет к «буму» псевдоноваций, понижению качества потребностей, при неограниченном повышении их количества; а также – к отчуждению человека даже от его бытовой предметной среды (по Э. Фромму).

В целом – «неладно что-то в Датском королевстве», или по Н.Винеру, человечество получает то к чему стремилось, но иногда – в весьма нежелательной форме («Корпорация Господь и Голем»).

Существенные вопросы возникают с самой методологией подхода к искусственному интеллекту, которая начинает «оборачиваться» и на подход к человеческому мышлению. Дело в том, что «аналитическая философия» сама, в достижениях своих создателей являясь продуктом научного творчества и раскрывая важные аспекты действительности – в то же время органически неспособна к осмыслению творчества. А именно она выступает методологией работ по ИИ. По известным на сегодня данным, ИИ может либо работать по заданному программистом алгоритму; либо осуществлять перебор и обработку больших массивов информации (BigDate), в т.ч. находя интересные сочетания и группировки, либо вносить случайный элемент в процесс поиска. Это – некоторые «слабые» аспекты творческого мышления. В своем «сильном» варианте оно действует в целостном «поле» сверхсознания, как целостной системы информации (знаний), эстетико – символических образов и ценностных регуляторов, с очень сложной и неоднородной сетью связей между элементами этой, весьма подвижной, духовной целостности и с диалектически – противоречивым способом действия. Это, кстати, дает ему необходимую гибкость, способность в экстренных ситуациях принимать парадоксальные, неожиданные, но адекватные качественным переменам решения.

Без этих качеств ИИ может быть опасен именно своей способностью «довести до логического конца» определенную линию действий.

Полагаем, что именно диалектическая концепция творчества может стать ключом к философии XXI века, способной по-новому взгля-

нуть на эти (и иные) современные проблемы и, быть может, предложить выход из них.

Библиографический список:

1. Семенов С.Н. «Инновационное общество» против творчества// Государство и общество: философия, экономика, культура: доклады и выступления/ Под общ. ред. А.В. Бузталины, А.И. Колганова. – М.:ЛЕНАНД, 2005, С.480 – 481.

2. Семенов С.Н. Творчество и глобальное информационное общество: несовместимость? // Онтология и понимание: проблемы взаимоотношений: Материалы конференции. ч.2. – Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А.Шолохова в г. Уфе, 2005, С.112 – 113.

ЭСТЕЗИС И ЛОГОС В ГОРИЗОНТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Лосев К. В.

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ: КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕИЗБЫТКА ИЛИ КРИЗИС «РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ»?

Лосев Константин Викторович – ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский университет авиационного приборостроения», декан Гуманитарного факультета, доктор экономических наук, доцент.
E-mail: k.losev@mail.ru

Аннотация. В докладе представлен взгляд на современное общество как на существующее в потоке неосмысленной информации. Соответственно, «романтическая» просвещенческая позиция, предполагающая внутреннюю наполненность информации разумностью, становится в этих условиях не способной ответить на вызовы современности. Предлагается новая мировоззренческая позиция, согласно которой человек должен определить свое место в «борьбе за смысл» и осознать личную ответственность за осмысление информационного хаоса.

Losev K. V.

THE PROBLEM OF THE PRESENT: THE INFORMATION ABUNDANCE CRISIS OR THE “ROMANTIC PERSONALITY” CRISIS?

Losev Konstantin Viktorovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Dean of the Faculty of Humanities, Ph. D. (Economics), associate professor.

Abstract. The paper presents a view on modern society as existing in the flow of unconscious information. Accordingly, the “romantic” enlightened position, which presupposes the inner filling of information with reasonableness, becomes under these conditions unable to respond to the challenges of our time. A new worldview position is proposed, according to which humans should determine their place in the “struggle for sense” and accept personal responsibility for understanding the information chaos.

В современном мире как никогда остро стоит вопрос о смысле информации. Казалось бы, интуитивно понятная связь информации со смыслом, предполагает наполненность информации разумностью, информация в целом часто именуется «смысловой информацией».

Однако, как показал опыт создания и распространения в обществе современных информационных технологий, слишком часто информация оказывается лишенной этой, казалось бы, присущей

ей смысловой наполненности. Проблема современности – это «пустой», «спамовый», более того, болезнетворный, наркотический информационный переизбыток. Этот удивительный феномен функционирования и размножения в обществе бессмысленной информации представляет собой довольно сложную философскую и научную проблему, поскольку классическая гуманитарная парадигма и ее научные формы, например, позитивизм и его нео-варианты, структурализм или советский диалектический материализм, и в целом любые «прогрессистские» научные теории не предполагают наличия деструктивных для личности элементов в информационном приращении. Напротив, они следуют просвещенческой традиции – традиции, согласно которой, даже негативные культурные факторы должны преодолеваться «приращением» знания, информированностью, если употреблять современный термин. Философские тезисы «знание – сила» Фрэнсиса Бэкона, «свобода, это осознанная необходимость» Гегеля показывают просвещенческое преклонение перед информацией, веру в то, что «умножающееся знание» само по себе способно преодолевать и окультуривать стихию неразумной природы и даже, как в некоторых системах, типа фрейдизма – выводить на свет разума и устранять негативное влияние природных бессознательных и подсознательных деструктивных начал в человеке (Я) и обществе (Сверх-Я). В целом, просвещенческая парадигма предполагает распространение «осмысленности» на весь человеческий мир, включая его экономические, политические и культурные феномены.

Показательно, что на этом романтическом отношении к знанию и науке сегодня построена система общественного образования, глобальные технологические, экономические и финансовые системы, и мы можем наблюдать глобальный кризис именно в этих общественных «формациях». Хорошим примером кризиса информации в исторической науке может служить «терминология эпох», созданная Просвещением. Самодовольный термин «Новое время» вскоре потребовал для осмысления более «новых» исторических процессов «Новейшего времени», «модерн» перешел в «пост-модерн», разнообразные термины-«кентавры» типа «пост-пост-модерн», «нео-модерн» и так далее, показывают уже вошедшее в привычку невнимание к смыслу как означаемого, так и означающего. Может ли наука основываться на таком абсурдном уже в момент своего появления языке? Если она не может осмысленно назвать самое себя, как она может претендовать на объяснение чего-то еще?

На первый взгляд, можно предположить, что истоком этого кризиса является простой переизбыток информации, неспособность че-

ловека на каком-то этапе осмыслить и рационализировать слишком большое количество информации, внезапно ставшей ему доступной. Интернет, мобильные средства связи и передачи информации, как считается, просто перегружают разум индивида. Не случайно, популярными стали идеи критиков «мультипликации» культурных феноменов Маршала Маклюэна [1], Вальтера Беньямина [2] или Хосе Ортеги-и Гассета [3], обративших внимание на влияние массовой репродукции того, что являет собой работу уникального и сложного процесса индивидуального творчества и научного познания.

Тем не менее, сегодня можно констатировать, что никакие «алармистские» заявления философов и культурологов просвещенческой традиции не являются достаточными для преодоления указанных ими негативных явлений в культуре, общественной жизни, в экологической среде современности в целом. Сегодня стоит задача не осознать кризис, связанный с переизбытком информации и ее обесмысливанием. Этого осознания определенно недостаточно в мире, в котором смысл перестает быть функцией информации. Сегодня речь должна идти об определении самого смыслового поля в информационном потоке, лишенном этой наполненности. Признание того, что информация и смысл – не синонимы, а смысл – не обязательная приставка к информации – может стать для современности показателем стремления к возложению на себя ответственности за сохранение и приращение смысла в хаосе общедоступной информации.

Образование, культура, наука – никогда не станут легкодоступным достоянием, они должны оставаться, как и оставались всегда, общественным идеалом, требующим от личности природной способности, упорства в учении и активного сопротивления бессмыслице окружающего информационного потока. Ни в советский период, ни в иные исторические эпохи осмысление информации не было однообразно массовым, оно никогда не являлось действительной целью властных органов. Народ и власть ни сами по себе, ни в отношении к друг к другу никогда не выходили за границы хаотического распределения бессмыслицы. Как писал тот же Гегель, история учит только тому, что она никогда ничему не научила: ни народы, ни государей. Преодолеть эту бессмыслицу «в принципе», раз и навсегда, не способен не бог, ни царь и не гений просвещения и науки. Только привычка к «борьбе за смысл» в осознании ответственности своей жизни за осмысление информационного хаоса, может преодолеть пессимизм теорий «упадка культуры», «заката цивилизации» и общего псевдоромантического настроения «бытия к смерти». И эту привычку каждый, для кого проблемы современности видятся актуальными и тре-

бующими действенного ответа, должен вырабатывать индивидуально, то есть, полагаясь на свой разум и на свое понимание смысла окружающей информации в мире массы рядовых потребителей образовательных, культурных и иных социальных услуг.

Список литературы:

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворения человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр, 2003. – 432 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996. – 239 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 309–349.

Беляев И. А.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ИДЕАЛОВ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и культурологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия.

E-mail: igorbelyaev@list.ru

Аннотация. В исследовании раскрываются особенности изменений, происходящих в настоящее время с твёрдыми ядрами и защитными поясами локальных доминирующих культур, анализируются две тенденции культурогенеза, состоящие в повышении степени субкультурной дифференциации этих культур и экспансии контркультур по отношению к ним, рассматриваются особенности эволюционно-инволюционной и бифуркационной фаз процесса десакрализации базовых идеалов культуры информационного общества.

Belyaev I. A.

DESACRALIZATION OF BASIC IDEALS OF CULTURE IN INFORMATION SOCIETY

Belyaev Igor Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Culturology, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Email: igorbelyaev@list.ru

Abstract. The study reveals the features of changes that are currently taking place in solid cores and protective belts of local dominant cultures. It analyzes two trends in cultural genesis, which consist in increasing the degree of subcultural differentiation of these cultures and the expansion of countercultures in relation to them. The features of the evolutionary-involutionary and bifurcation phases of the

desacralization process of the basic ideals of culture in information society are considered.

Содержание сакральных текстов, составляющих, согласно Д. В. Пивоварову, *твёрдое ядро культуры*, в наши дни, в эпоху глобальной информатизации подвергается коррозии. Информационный поток, всё более интенсивно «омывающий» культурные реалии, неизбежно «размывает» их. В складывающейся ситуации твёрдые ядра многих локальных культур постепенно, но при этом неизбежно лишаются способности эффективно выступать в роли их естественных центров, «альфы и омеги» всех производных идеалов, образующих собой *их защитные пояса*.

Следствием такого положения дел являются *две тенденции культурогенеза*, определяющие векторы и масштабы изменения соотношения между зрелой культурой конкретной этносоциальной общности, доминирующей здесь и сейчас, составляющими её субкультурами и противостоящими ей контркультурами. Во-первых, повышается степень субкультурной дифференциации содержательного наполнения многих локальных доминирующих культур. Во-вторых, увеличивается число контркультур с одновременным возрастанием их потенциала экспансии применительно к тем локальным доминирующим культурам, на «фоне» которых они существуют.

В складывающейся ситуации базовые сакральные идеалы, сосредоточенные в твёрдом ядре доминирующей культуры, неуклонно утрачивают жизнеспособность. Системообразующее влияние каждого из них на этносоциальную общность как носителя данной культуры уменьшается. Связь между отдельными идеалами такого рода становится менее тесной. При этом повседневно-жизненной реальией оказывается *процесс десакрализации базовых идеалов*, в рамках которого развёртываются две попеременно сменяющие друг друга *фазы: эволюционно-инволюционная и бифуркационная*.

Десакрализация базовых идеалов культуры как двухфазный процесс не является атрибутом исключительно информационного общества; эти идеалы подвергались десакрализации во все времена. Однако наступление информационной эпохи обеспечило стабильность протекания данного процесса и повышение частоты чередования его фаз.

Информатизация каждого из значимых аспектов жизни общества во многих случаях едва ли не полностью лишила бытующие базовые идеалы локальных доминирующих культур гомеостатически-иммунного потенциала. Сегодня не исключена возможность

того, что в будущем они впадут в аутоиммунное состояние, в рамках которого некоторые из нихстанут оказывать друг на друга негативное воздействие, взаиморазрушающее по своей сути, способствуя тем самым уничтожению той культуры, твёрдое ядро которого они составляют.

Лепетухин Н. В.

ФЕНОМЕН В.С. ВЫСОЦКОГО В ЭПОХУ «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Лепетухин Николай Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного политехнического университета, Иваново, Россия.

E-mail: Lepetukhin5@mail.ru

Аннотация. Феномен популярности В. С. Высоцкого связывается с особенностью его языка. Предлагается двухслойная модель языка: «официальный» и «неформальный». Переход к распространению неформального языка и высмеивание официального является способом ухода общества от «натиска» официального пропагандистского языка, от чувства лжи и обмана.

Lepetukhin N. V.

V.S. VYSOTSKY'S PHENOMENON IN THE EPOCH OF "INFORMATION SOCIETY"

Lepetukhin Nikolay Vladimirovich – Ph. D. (History), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia.

Abstract. The phenomenon of V. S. Vysotsky's popularity is associated with the peculiarity of his language. A two-layer language model is proposed: "official" and "informal." The transition to the spread of the informal language and the ridicule of the official language is a way for society to reject the "onslaught" of the official propaganda language, the sense of lies and deception.

Феномен В. С. Высоцкого в советской поэтической культуре интересен своим драматизмом. Драма талантливого человека, человека с надрывным даром отражения советской жизни, со всем её пафосом и пустотой, оригинальностью и пошлостью, проявилась в судьбе Высоцкого. Он чутко уловил принцип построения советской культуры: движение от собственной живой духовности к её имитации, движение от себя к знаку того, что ожидают от тебя партия и народ. Это была культура антимиров в фундаментальном, неметафорическом

смысле, культура антимиров антижизни, где формализованный закон культуры порождал людей-эмблем «нового мира».

Драма Высоцкого была в том, что он был одновременно и своим, и чужим в советской песенной и театральной культуре. Форма типичного советского гражданина скоробилась под неистовой силой свободного духа и скромного ума, стремящегося познать сокровенные законы многосторонней человеческой деятельности. Действие интеллектуального импульса Высоцкого ограничивалось сферой быта советского народонаселения с его поверхностными мнениями и модами на политику, религию, спорт, историю. Жизнь его живого ума была подчинена бурным страстям, свойственным актёрам и певцам, вообще людям творческого склада.

Почему В.С. Высоцкий был чрезвычайно популярен у советских людей? Почему он ещё при жизни стал культовой фигурой в полном смысле слова, и сегодня интерес к нему возрождается? На мой взгляд, всё дело – в языке. Советский русский язык брежневской эпохи 70-х – первой половины 80-х годов представлял из себя сложную многоуровневую систему взаимодействующих языковых и речевых слоёв. При поверхностном наблюдении становятся очевидно заметны два слоя применения языка: «официальный», или пропагандистско-агитационный, главной функцией которого была демонстрация, и «народный», или повседневный, главной функцией которого стала, естественно, коммуникация.

«Официальный» язык был, одновременно, средством борьбы с врагами государства разного рода и своеобразным наркотиком, обильно сдабриваемым населению. Поэтому вызывал, как минимум, неудовольствие у сомневающихся в идеалах коммунизма граждан. Основная же масса советских людей была подвержена тотальной пропаганде, эффективность которой, очевидно, была обратно пропорциональна её интенсивности. Обратной стороной манипулирования и обмана тем, что в советской литературе называлось «общественным сознанием» стало разъедание веры в коммунистическую мифологию и нарастание интереса ко всему противоположному (от завуалированной бардовской сатиры до товаров и идей «капиталистического лагеря»).

Наиболее действенная сатира на советские мыслительные и языковые штампы исходила от В.С. Высоцкого. В своих песнях, которыми заслушивалась страна, «таганский бард» моделировал мышление и действия «наивного», рядового советского обывателя, воспринимающего и проходящего буквально все пропагандистские ходы. Карнавальность, весёлость, граничащая с идиотизмом, сентиментальная

и модная приклатнённость «простых» героев песен Высоцкого при-
шла по душе совсем разным слоям советского общества, что го-
ворит о повсеместной усталости от пропаганды, проникшей во все,
даже интимные уголки сознания людей. Наверное, ни один из авто-
ров не нанёс такого сильного и долгого удара по советской риторике
как Высоцкий.

У людей во все времена, при любых политических режимах и эко-
номических условиях присутствует нечто вроде метафизического
чутья на ложь и обман, из чьих бы уст они не выходили. Даже если
разумность присутствует в сознании в эмбриональном состоянии, а
умом правят эмоции и расчётливость, человек, на мой взгляд, в состо-
янии смеха над собой и собственного же горя способен увидеть себя
как жертву манипулирования. И если он не видит в себе силы для
критического осмысления, допустим, государственной пропаганды,
то в его мышлении проявляются некоторые компенсаторные языко-
вые возможности, противопоставляющие себя официальным. Чаще
всего, на мой взгляд, это проявляется в актуализации нецензурной
лексики, которая всё предельно упрощает. Когда человек ощущает
себя погружённым в мир прибыльного обмана и лицемерных ил-
люзий появляются немногочисленные слова-маяки, позволяющие
ориентироваться в языковом тумане политического бреда лидеров
самых разных масштабов. Нецензурная речь (мат) спасает людей от
своеобразной шизофрении, когда им приходится видеть одно, продумывать
увиденное, используя собственные умственные способности,
а проговаривать увиденное и осмысленное с помощью официальных
языковых оборотов, допустим, постсоветской риторики. Повсемест-
ное распространение неформальной речи сегодня видится мне вер-
ным знаком критической усталости от примитивнейшей политиче-
ской мифологии.

Другим способом ухода от натиска «официального» языка стало
плутание в постмодернистском лабиринте с компасом флешмоб-
ного иррационализма. Отказ от авторов и авторитетов в пользу при-
зрачно мобильных и полувиртуальных кумиров стало, как думается,
модным псевдосопротивлением никуда не ушедшей тоталитарной
риторике.

Малик Ю. С.

ЭСТЕТИЗАЦИЯ МИФА И ЛОГОСА

Малик Юрий Сергеевич – магистрант, Воронежский государственный университет, факультет философии и психологии, Зональная научная библиотека ВГУ; библиотекарь, Воронеж, Россия.
E-mail: malik304qwe@gambler.ru

Аннотация. В работе рассматривается вопрос об отношении Мифа и Логоса и делается вывод, что именно эстетика способна объединить эти категории как две части единого целого.

Malik Yu. S.

AESTHETIZATION OF MYTH AND LOGOS

Malik Yuri Sergeevich – Master Student, Voronezh State University, Faculty of Philosophy and Psychology, Zonal Scientific Library of Voronezh State University; librarian, Voronezh, Russia.

Abstract. The paper addresses the issue of the relationship between Myth and Logos and concludes that it is aesthetics that can unite these categories as two parts of a whole.

На горизонте современности, когда междисциплинарный подход находит множество сторонников, извечный вопрос об отношении Мифа и Логоса не теряет своей актуальности. Общепринято известно, что переход от стадии мифического сознания к стадии логического ознаменовал развитие философии и, как следствие, последующих наук. Однако возвращение к аспектам Мифа, его возрождение в социальном контексте наблюдается в современном гуманитарном дискурсе.

В чем может заключаться «живучесть» мифического, если принимать во внимание установку «от Мифа к Логосу»? Как соотносится мифическое и логическое? Если принять во внимание, что мифология есть «особая форма искусства, устремленная за пределы истории ко вневременному ядру человеческого бытия, помогающая вырваться из хаотичного потока случайных событий и уловить отблеск самой сути реальности» [1, с. 16], становится очевидным, что мифическое всегда существует в человеческом сознании, поскольку не подчиняется законам привычной действительности. Столкновение с мифическим происходит посредством мистической сопричастности, которая дает возможность многим Мифам, порожденным культурами далекого прошлого, вновь взывать к человеческим переживаниям настоящего. По этому поводу, отечественный философ А. Ф. Лосев замечает, что «миф начисто и всецело реален и объективен; <...> правда в мифиче-

ской предметности можно констатировать наличие разных степеней реальности...» [3, с. 56–57]. Как в таком случае соотносить мифическое и логическое, если второе, по сути, является антитезой первого? Вероятнее всего, условный переход «От Мифа к Логосу» заключается в том, что Миф наследует устной традиции, в то время как Логос – торжество традиции письменной, выраженной в последующей рационализации мира во всей своей полноте. Между тем, нельзя не отметить, что Миф, при всей своей внешней структурированности, содержит в себе множество наслоений в силу усложнения сакрального аппарата и растущей традиции синкретизма. Логос, напротив, в попытке «приземлить» мир посредством рационализации, на первый взгляд, выступает как некий гарант устойчивости, стабильности и единства для каждого. Однако, как отмечает отечественный востоковед Т. П. Григорьева, «... Логос в понимании людей со временем утратил свою универсальность, связь с истинно-сущим, ноуменальным миром. Рационалисты уподобили его функции, отвлеченному понятию. Ум отошел от Логоса...» [2, с. 377]. Стремление все рационализировать, в конечном счете, замыкает его в себе – логическое предстает в виде совершенной формы Уробороса, не пригодной для жизни.

Таким образом, анализируя развитие мифического и логического в истории культуры, можно отметить, что данные категории проистекают из сферы эстетического и с ней непосредственно взаимодействуют. Именно эстетика способна объединить и синтезировать данные категории, словно различные как две части целого. В таком случае, одним из ключевых примеров, способных произвести слияние мифа/логоса – является эстетика Ф. Ницше, отраженная в его анализе взаимоотношений Аполлонического и Дионисийского начал. Возвращаясь к античной эстетике, Ницше словно проецирует проблематику мифического на Дионисийское, а Аполлонического на логическое, отмечая что они должны быть уравновешены, избегая первенства. По такой же аналогии должны функционировать отношения мифа-логоса. В попытке приоткрыть завесу тайны, и Миф и Логос, отдельно друг от друга, обречены на провал. Однако эстетизация данных категорий способна переработать и синтезировать их аспекты, воссоздав новый культурный феномен. «Осуществленный идеал лишается своего чуда и тайны, становясь всего только отправной точкой для другого, отличного от него идеала» [4, с. 153].

Библиографический список:

1. *Армстронг К.* Краткая история мифа / Карен Армстронг. – М.: Открытый Мир, 2005. – 160 с.

2. Григорьева Т. Дао и логос: (Встреча культур) / Татьяна Григорьева. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 672 с.

3. Лосев А. Диалектика мифа / Алексей Лосев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 320 с.

4. Уайльд О. Истина о масках: эссе / Оскар Уайльд. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 288 с.

Носов Н. В.

ЭСТЕТИКА ЧТЕНИЯ И «ОСМЫСЛЕНИЕ» МИРА

Носов Николай Владимирович – фонд «Укрепление христианских традиций», научный сотрудник, выпускник философского факультета СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: pronin1972@mail.ru

Аннотация: В докладе описываются процедуры чтения, являющиеся конститутивной основой философской эстетики. Предлагается новое понимание миметической процедуры, которая в случае чтения позволяет вчитать вещи мира в свое внутреннее «я». При этом, визуализация языка, происходящая в процессе чтения, становится структурирующим моментом эстетического восприятия. В результате происходит овладение своим собственным языком, который наделяется творческим усилием письма и достоверностью видения, что позволяет начать борьбу за право сказать истину, которую еще не знаем.

Nosov N. V.

AESTHETICS OF READING AND “COMPREHENSION” OF THE WORLD

Nosov Nikolay Vladimirovich – «Strengthening of Christian Traditions» fund, researcher, graduate of Department of Philosophy of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The report describes the reading procedures, which are the constitutional basis of philosophical aesthetics. A new understanding of the mimetic procedure is proposed, which in the case of reading allows you link outer objects with your inner ego. At the same time, the visualization of the language, which takes place in the process of reading, becomes a structuring moment of aesthetic perception. The result is a mastering your own language, which is in close relation with the creative effort of writing and the credibility of the vision that allows you to start a struggle for the right to tell the truth, which is not known yet.

В XX веке философская эстетика совершила несколько попыток связать свою проблематику с иными научными и интеллектуальными дисциплинами. Не претендуя на систематичность изложения, упомянем многочисленные попытки основать эстетическое «архе» на психологических феноменах (Ж.-П.Сартр (воображаемое), М. Мерло-

Понти (телесность), психоаналитические школы (феномены культуры), персонализм Э. Мунье, – перечень можно продолжить; масштабную лингво-структуралистскую интервенцию в эстетическое пространство, внедрившую в царство прекрасного мета-мега-математические модели точных наук под видом «семиотических структур» отражаемой эстетической реальности (эта интервенция удивительным образом одинаково широко проводилась как на Западе, так и в «занавешенном» СССР); социологические и политологические обоснования проблем художественного восприятия и творчества в советском марксизме, в позднем экзистенциализме и позитивизме, во франкфуртской социологической школе.

Последняя треть века и тысячелетия были ознаменованы возникновением «усталой смерти» рефлексии Ж. Деррида, соединившего автоматические процедуры чтения и письма, бывшие в ходу у сюрреалистов начала века, с замаскированным протаскиванием в философское и эстетическое размышление всех вообще возможных уклонений в любые иные области мысли, – не исключая политику и мистику самого дешевого пошиба. Не случайно, философ В.В. Бибихин в письме О. Седаковой 11 июля 1994 года сказал о Ж. Деррида: «то, что делает Деррида, похоже, в очень цивилизованной форме, на приеме Жириновского» [1]. Деконструкция как вторичная ре-эманация творческого усилия, – это не только профанация истины мысли, но и явное отторжение себя от возможности восстановить разорванные связи возвращением к действительным истокам философствования. Бедственное положение философствования, основывающего собственную мысль на трансформации мысли предшественника заключается в том, что оказываются убитыми обе мысли. Деконструкция похожа на вирус, и подобно вирусу, она распространяется паразитически, лишая своих адептов способности к самостоятельному творчеству. Самое неприятное, на наш взгляд, следствие этой эпидемии – забывание самого изначального творческого акта философа – способности самостоятельно читать. У Жака Деррида интерес к чтению устраняется полностью, замещая его интересом к некоей единственной разлагающей процедуре, которую полагают высшей инстанцией понимания для прочтения и прочитываемого. Чтение как уникальный и множественно воздействующий процесс освоения себя в истине мира отвергается в принципе.

Чтение, на наш взгляд, является тем исходным событием сознательной мысли, из которого должна исходить эстетическая рефлексия. Одна из первых и наиболее существенных для нашей проблематики тем – отношение письма и чтения. Существует мнение, что

в чтении читающий воспроизводит процедуры авторского письма. Нет ничего более далекого от истины. Перспектива здесь иная. Читающий не совершает повторный мимесис. Вполне возможно, хотя и не всегда, что автор совершает психологическое или иное «подражание». Это составляет одну из обязательных техник письма, его принудительную дисциплину.

Но ничего подобного не происходит в свободном чтении. Читающий отнюдь не повторяет авторские процедуры письма. Справедливо как раз обратное. Пишущий пишет именно так, как он привык читать и пишет он для себя как читателя. В Гомбрович заметил: «важно оторваться от возможных читателей в пользу единственного читателя – самого себя» [2]. Но читающий себя автор всего лишь развивает свое собственное умение, он не связан с автором пишущим никакими формальными связями. Общее у них только содержание того, что один вывел из текста в свое собственное «я», а второй произвел из своего «я» в текст.

Особенность чтения состоит в том, что не встречая в своем процессе ничего, что могло бы стать восприемником этого переполняющего восприятия, оно оказывается направленным на себя самое. Это постоянная кульминация восприятия, что в должном выражении проявляется как усиленное внимание к читаемому, интерес. Без собеседника, без принудительного процесса, который бы по заданному ритму вовлекал читающего в физическую или интеллектуальную деятельность, чтение пока еще остаётся всегда и везде самоуглублением, ищущим спасения в потоке восприятия. И только в глубине своего «я» происходит творческое созидание ковчега познания. Поиск самотождественности, вызванный чтением происходит на всех уровнях – уровне восприятия – саморегуляция воспринимающей способности, на уровне эмоциональности – чувственная дисциплина, на уровне сознания – познание и самопознание. Так в чтении мы создаём объемное и завершенное «я», творим сущностное начало своей личности.

Следующий шаг на пути нахождения эстетикой своего начала, это определение формы прочитанного, то есть анализ тех образных элементов, которыми результируется прочтение. Эти элементы есть формы визуальности, ввиду чего чтение оказывается не просто смотрением в текст, но и видением, реальным внутренним нахождением в себе образов мира, данного изначально лишь мысленно и словесно. Визуализация языка, происходящая в чтении, становится структурирующим моментом всякого эстетического восприятия. Там, где миметическая процедура уподобления внешнего внутреннему со-

вершается успешно, восприятие оказывается способным стать текстом, то есть его можно теперь вводить в сознание, понимать. Именно это и означает, что чтение есть структуросозидающий элемент. И то, что видение и понимание действуют в этом процессе совместно, обуславливает уже не формальное, а содержательное единство восприятия. Это движение присоединяет к восприятию познание. Именно так восприятие из простого чувственного принятия становится эстетическим мышлением, возникающим по поводу тех образов, визуализация которых во внутреннем мире происходит лишь на основании того, что воспринимающий обладает навыком познающего чтения. Чтение, таким образом, конститутивно сразу в двух направлениях: как предоснование письма и как схема визуализации языка. Структурность, приобретаемая в этом процессе языком формирует то, что называется философским стилем, отражающемся в особом действии – философском письме, осуществляющем разделение лишь при условии исходного единства и которое можно с полным правом обозначить как «чтение мира». И если письмо, как принудительное действие, и является ограничивающим мир, то заложенная в нем возможность перепрочтения снова восстанавливает свободу, которая теперь расширяет свое влияние на весь объективный универсум, включающий вещи мира, человека как способного вчитать эти вещи мира в свое внутреннее «я».

Культура чтения в нашем понимании состоит в том, чтобы всегда знать о том, что вовсе не индивидуальное познание приводит к истине, но сама истина, заключенная в индивидууме, начинает свою речь, когда мы овладеваем своим собственным языком, наделяя его творческим усилием письма и достоверностью видения, когда читаем самих себя, в одинокой борьбе за право сказать истину, которую еще не знаем.

Список литературы:

1. Владимир Вениаминович Биbihин – Ольга Александровна Седакова. Письма 1992–2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/13476>. (дата доступа 10.10.2018).
2. Гомбрович Витольд. Дневники. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/gombrovich_vitold/dnevnik.html (дата доступа 10.10.2018).

Соскин В. А.

ИСТИНА И ЯЗЫК. ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО

Соскин Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, переводчик языковой пары немецкий-русский язык, частный предприниматель: экскурсовод по Германии, Германия.
E-mail: vsoskin@rambler.ru

Аннотация. Радение за истину не может избегать постановки вопроса о языковых формах своего и её выражения. Мыслительные процессы, осуществляющиеся одним сознанием и воплощающиеся в разных языках, делают сознание «голографическим». Цель доклада – рассмотреть многообразные языковые подсказки и не менее многообразные языковые aberrации, образуемые в разноуровневых современных философских встречах русского и немецкого философских языков и на «перекрёстках» этих встреч пытаться выверять универсальность истины. И философское освоение языком мира, и философское самоосвоение языка: язык о мире – язык, называющий вещи мира (самый главный человеческий вещный язык – язык повседневности, быта) и язык о языке – язык, переводящий себя с других языков (для нашего сознания такими «руководящими» языками являются наши языковые «папа» и «мама» – древнегреческий и библейский иврит). Как русский и немецкий видят, прежде всего, одни и те же и не одни и те же вещи мира и как русский и немецкий одинаково и неодинаково переводят, прежде всего, с древнееврейского и древнегреческого языков, умножая своеобразие языкового мира – здесь по-прежнему возможны немалые открытия и находки. Отстоять в наши дни универсальность истины под испытующим натиском языка значит, прежде всего, продуктивно соединить философию языка, философию языкового анализа, с мыслительной «континентальной традицией».

Вступая в дивные философские чертоги духа – это «континентальная традиция» – сознанию должно проходить ритуальные процедуры священнического очищения – это «лингвофилософия». И часто она «чистилище».

Soskin V. I.

THE TRUTH AND LANGUAGE. A PHOLOSOPHICAL DIALOG BETWEEN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Soskin Vladislav Anatolevich – Ph. D. (Philosophy), interpreter, self employed, tour guide in Germany. Germany.

Abstract. The purpose of the report is to examine the diverse language prompts and equally diverse linguistic aberrations formed in the multi-level modern philosophical meetings of the Russian and German philosophical languages and try to verify the universality of truth at the intersections of these meetings.

Радение за истину не может избегать постановки вопроса о языковых формах своего и её выражения.

Мыслительные процессы, осуществляющиеся одним сознанием и воплощающиеся в разных языках, двуязычное сознание, делают его

«вариологическим» (нем. *schillernd*). Даже сосредотачиваясь лишь на лексической составляющей языка, оставляя в стороне «грамматологию», все другие его стороны, рассматривая многообразные языковые подсказки и не менее многообразные языковые aberrации, образуемые во разноуровневых философских встречах русского и немецкого философских языков, открываются возможности на «перекрёстках» этих встреч существенно по-новому выверяюще вопрошать универсальность истины. И на ниве философского освоения языком мира, где язык о мире – язык, в первую очередь называющий вещи мира; самый главный человеческий вещный язык – язык повседневности, быта, и на ниве философского самоосвоения языка, где язык говорит о языке, в первую очередь переводит на себя с других языков; для нашего сознания такими «руководящими» языками являются наши языковые «папа» и «мама» – библейский иврит и древнегреческий. Как русский и немецкий видят, прежде всего, одни и те же и не одни и те же вещи мира и как русский и немецкий одинаково и неодинаково переводят, прежде всего, с древнегреческого и древнееврейского языков, умножая своеобразие языкового мира – здесь по-прежнему возможны немалые философские открытия и находки.

Философский немецкий язык подсказывает русскому, что, помимо концептов вечности как «бесконечной временной длительности» и как «вневременности», вечность – это «всевременность», ибо немецкое слово «*Allgegenwärtigkeit*» (*Gottes*) темпорально, а русский язык, говоря о «вездесущности» как одном из первейших атрибутов Божества, опространствливает этот в немецком временной эпитет, таким образом значимость вечностей, приходящих пытливому германскому языковому сознанию, ориентированному на мистический опыт, начинается со всевременности [1].

Осуществив перевод первых слов первой строки Ветхого Завета – Торы *אֶתְחִלָּה* и первых слов первой строки Евангелия от Иоанна *Ἐν ἀρχῇ ἦν* одинаково, как «В начале...», (...Бог(и) создал небо и землю и ...было Слово), также, как и, например, английский – сравните «*In the beginning*» *God created the heaven and the earth* и «*In the beginning*» *was the Word* – русский язык скрадывает существенное отличие, открывающееся здесь в немецком переводе, а именно, в первом случае, «*Im Anfang*» – Бог создаёт «в начале» всё сущее, тогда как Божественное слово было «*Am Anfang*», «у начала», что открывает ресурс последующих различных многогранных интерпретаций.

Переводя на русский язык сократо-платоновский панегирик Эросу *Συμπόσιον* как «пир» и «во время чумы» тоже «пир», русский язык также «ошибается», проглядывая различие между «*Gelage*»

(während der Pest) и оставляемым немецким обычно без перевода названия платоновским диалогом, тем самым ту революцию в сознании европейского человека, которую принесло осмысление чумы 1348–50 годов, приведшей к его переориентации «с мира иного» на «мир сей». Последний в твоей жизни чумной пир – это и не сократовский пир-дискуссия, и не пир, на котором твои собеседники тютчевские «Всеблагие»; за немецким Gelage почти разглядывается учение о «Lebensschwere» – жизненной тяжести...

Может ли что-то и русский язык «подсказать» немецкому? – Необходимо отметить, что русский сравнительно с немецким философски малоисследован: и оригинальная (нем. *genuin, originär*) собственно философия на русском языке сравнительно позднее явление, и профессиональная философия в России, философия как институция, существует лишь с середины XIX века, поэтому немцам труднее воспринимать русских всерьёз. Отсутствовавший Ренессанс, не вполне реализованный проект Реформации, первый раз наполовину, а второй раз нигилистически, осуществлённый проект Просвещения оставили русский язык существенно более «богословским», чем немецкий, неонаученным (нем. *unverwissenschaftlich*): «спасибо» – Бог спасёт, «свобода» – «с волей Бога да» и мн. другое. Если немецкое слово *Verzweiflung* означает доведённое до предела сомнение-*Zweifel*, русское отчаяние – это отсутствующее, или отвергнутое, чаяние, т. е. это, прежде всего, безнадежность, оставившая нас благосклонность Божества (вспомним об обширной в российской философии теме богооставленности). В языковом раскрытии-осмыслении отчаяния-*Verzweiflung* русский и немецкий, впрочем, скорее дополняют друг друга, в частности, обеспечивает приращение понимания раскрытая Кафкой та таинственно жутко-зловещая стадия отчаяния, которая образует уже новое его качество и тем самым новое понятие «Kafkaesk». Русский культурный космос содержит учение о «правде» как истине должного, отличной от истины сущего, иногда называемой «естиной». Комплиментарность русского и немецкого подкреплена также наличием общих, пусть, конечно, в очень разной мере испытанных, латинских влияний. Насколько и русский философский язык латинизирован свидетельствует, в частности, понятийная наполненность слов «действительность» (от *Deus* – Бог), призванного, кажется, выражать, прежде всего, духовно-ментальный план и сферу действия, и противостоящего ему понятия «реальности» (от *realis* – вещественный).

Несмотря на плодотворную работу философов-филологов, среди которых хочется назвать Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, переводчиков и

собственно философов, самым обогащающим по-прежнему, похоже, всё ещё остаётся антропо-экзистенциальный опыт «великой русской литературы XIX века»: у Достоевского бобок, глумление, подполье... одним словом, достоевщина, порывистость души «очарованного странника» Лескова, гончаровская обломовщина., однако насколько всё это специфично-русское надлежит каждый раз разбираться, ведь, скажем, солженицыно-шаламовский «доходяга» едва ли чем-то отличаются от Muselmann»... В любом случае немецкий может дополнить данный впечатляюще раскрытый русской литературой и заслуживающий философских обобщений опыт, предложив своё, например, понятие «Grenzgänger», или понятие «Hungerkünstler» упомянутого Ф. Кафки [2], русский неадекватный перевод которого «голодарь» не схватывает содержащегося в нём «художника». В немецком языке «erfahrener» Mensch – человек много ездивший, в русском «о-пытный» человек тот, кого много пытали, поэтому неудивительно, что у немцев национальным свидетельством опыта стали «Italienische Reise» («Итальянское путешествие») И.В. Гёте, а у русских Ф.М. Достоевский, которого сам «Бог мучил», и у которого два десятка глаголов для обозначения разнохарактерных издевательств: набираться опыта. Немцы разведывают дальние страны и собирают многочисленные коллекции в своих музейонах; русский опыт – попытка, отсюда такой интенсивности поиск «подлинности» – средневековым пыточным инструментом линником порем и раздираем как естество-испытатели всё сущее, человека, и перво-наперво себя самого в акте самопознания «до костей» [3]... Этимология русского «время» от того, что вертится, вращается – «веремья» [4; 5] – побуждает думать о связи возникновения представлений о времени с изобретением колеса и о том, что первым концептом времени было время циклическое...

Плодотворный диалог немецкого и русского языков – это и творческое продолжение традиции взаимопроникновения обогащающих друг друга имевших в прошлом – греко-еврейский синтез Филона Александрийского, пали-греческий синтез Милиндапаньхи... – и ныне имеющих место встреч разных языков... равно как и также творческие «искры» от болезненных фронтальных непримиримых языковых столкновений, непереводаемостей. Немцы говорят о лессинговской остроте владения словом («Lessingsche Schärfe»): внутриязыковая пронизывающая «работа пинцетом» способна добиться существенного, пусть всегда и частичного, высвобождения из-под нагромождений самособойразумеещностей и их «волшебной тяги». Поднимается и «персональный» вопрос: какую роль в обретении своеобразия философского словаря каждого самостоятельного мысли-

теля сыграло и играет освоение им иностранных философских языков?

Философ подобен мастеру изготовления шербета: можно такой, чтобы «зубы сломать», а можно, чтобы «вкусно было», но, вообще, «шербет» есть необязательно – насколько правомерен этот «эстетический», вернее, эстетский, взгляд на философию? Может быть более оправдан «медицинский» подход, согласно которому философия – «по предмету» – это искусство аутентичного существования, а «по методу» – вид психотерапевтического врачевания? – Философия насущна, и в этом модусе обязательна, для всех, а быть философом – необязательно, более того, философ как искатель истины – избранник, служитель её культа, в этом модусе философия – вполне специфическая составляющая культуры. Отстоять в наши дни универсальность истины под испытующим натиском языка значит, прежде всего, продуктивно соединить философию языка, философию языкового анализа, с мыслительной «континентальной традицией». Вступая в дивные философские чертоги духа – в субойкумене греко-римско-авраамического культурного ареала ныне это «континентальная традиция» – сознанию должно проходить ритуальные процедуры священнического очищения – это «лингвофилософия». И часто она «чистилище».

Список литературы

1. *Achtner W.* Erlebte Ewigkeit – Ewigkeitserfahrungen im interreligiösen Kontext. // Gießener Hochschulgespräche und Hochschulpredigten der ESG. XXIX / SS 2016 – WS 2016/17 Life Change. Gießen. – 2017. – S. 87–107.
2. *Kafka F.* Ein Hungerkünstler // Erzählungen. Herausgegeben von Michael Müller. Stuttgart. – 1996. – S. 268–279.
3. *Тульчинский Г.Л., Уваров М.С.* Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. – СПб. – 2000.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М. – 1986. – С. 361.
5. Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: Монография / Под общ ред. В.И. Заботкиной. М. – 2012. – 472 с.

Столетов А. И.

ЭСТЕЗИС И ЛОГОС ПОЭТА ИОСИФА БРОДСКОГО

Столетов Анатолий Игоревич – доктор философских наук, профессор, кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», Уфа, Россия.
E-mail: aistoletov@gmail.com

Аннотация. Эстетика И. Бродского тесно связана с его метафизическими представлениями. Основой его восприятия мира является приоритет эстетического перед этическим, искусства перед историей и зависимость этики от эстетики. Эстезис и логос в художественном мире Иосифа Бродского находятя в отношениях нелинейной взаимообусловленности.

Stoletov A. I.

ESTEISIS AND LOGOS OF POET JOSEPH BRODSKY

Stoletov Anatoly Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia.

Abstract. The aesthetics of I. Brodsky is closely related to his metaphysical views. The basis of his perception of the world is the priority of the aesthetic over the ethical, art over history and the dependence of ethics on aesthetics. Esteisis and logos in the art world of Joseph Brodsky are in a relationship of non-linear interdependence.

Эстетизированный характер современного мироощущения многими воспринимается уже как данность. Процесс доминирования эстетического начала в культуре – прежде всего, заметим, западного типа – имеет ряд оснований: в области НТР, социального хронотопа и психологии, и др., – и ведет к возникновению как положительных, так и отрицательных особенностей современного типа общества. Отмеченная особенность фиксируется в понятии эстезиса, обретающем категориальный статус. Хотя необходимо отметить, что объем этого понятия, судя по ряду публикаций, еще не до конца устоялся [1; 2; 3].

Одним из наиболее ярких проявлений эстетического восприятия мира в XX веке можно считать творчество поэта Иосифа Бродского. Если говорить об эстезисе как о комплексной рефлексивной способности, находящей свое выражение во множестве аспектов существования человека, но прежде всего – в стремлении к истине и жизни в соответствии с ней, поэта можно назвать одной из ключевых фигур в оформлении этой тенденции. Его эстетика (проблемы сущности и роли прекрасного, языка как способа существования) тесно связана

с его метафизикой [4] – проблемами времени и пространства, смерти, Бога и т. д. – и занимает важное место не только в его художественном мире, но и в прозе, многочисленных интервью.

Основой его восприятия мира является приоритет эстетического перед этическим, искусства перед историей и зависимость этики от эстетики. Такое взаимоотношение обусловлено тем, что основа эстетического отношения к миру – это свобода («частность существования»). Но и этическое поведение связано со способностью к свободному выбору. Но научиться свободному выбору можно лишь посредством воспитания эстетического вкуса, через искусство, не терпящее повторов и клише и требующее от субъекта каждый раз делать новый шаг за границу известного и освоенного, оттачивать свой стиль. Как полагал Иосиф Бродский, зло обычно является плохим стилистом.

Эстезис Иосифа Бродского выражается как в стилистической его манере: процессе развития лейтмотивов, жанровом и языковом своеобразии, – так и в его концепции языка, широко раскрытой также в прозе и поэзии. Специфика логоса в мировоззрении поэта заключается в следующем.

1. Приоритетность чувства отстраняющей дистанции, требующего самоотстраненности лирического персонажа, который часто «рассматривается» с точки зрения других, часто даже формально неодушевленных, персонажей художественного мира.

2. Один из способов отстранения в его поэзии – часто повторяющиеся стихи «На смерть...», позволяющие взглянуть на свою собственную жизнь из-за ее границы, обнаруживая свое экзистенциальное основание.

3. Прием анонимизации человеческих персонажей, т. е. удаление из описания человеческих персонажей конкретных деталей и концентрация на какой-либо одной – часто огрубленной – характеристике.

4. «Деантропологизация» художественной реальности. В его поэтическом мире человеческие персонажи могут терять индивидуальные черты, превращаясь в вещь под воздействием времени, а неодушевленные персонажи, наоборот, проявляют человеческие свойства, словно перенимая их от человека.

5. Понимание красоты как хрупкого убежища от разрушительного воздействия времени. Прекрасное, несмотря на свою зыбкую форму, включает в себе ту экзистенциальную полноту, которая растворяется в повторяющейся обыденности, выводя ее за рамки воздействия разрушительного времени.

6. Приоритетность эстетического аспекта в логосе. Инструментальность носителя языка по отношению к слову, которое выводит

говорящего за пределы уже сказанного, реализуя свою эстетическую природу, помещая субъекта в ситуацию тотальной свободы и неопределенности, раскрывая пространство для постижения первичной ткани жизни.

Таким образом, эстезис и логос в художественном мире Иосифа Бродского находятся в отношениях нелинейной взаимообусловленности: эстетическое отношение к миру требует выраженности в логосе, создающем эстетический процесс трансцендирования личности, а логос представляет собой пространство разворачивания эстетического начала, проявляющего метафизический план существования человека.

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Исаев Б. А.

ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Исаев Борис Акимович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», профессор кафедры истории и философии, доктор социологических наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: isaevboris@yandex.ru

Аннотация. К современным особенностям геополитики можно отнести стремление к контролю территорий, линий коммуникации и потоков вместо завоевания новых земель (1); более широкое толкование геополитических факторов (2); резкое расширение поля геополитики (3); стремление к контролю виртуальных пространств (4); контроль потоков информации (5); увеличение числа акторов (6); возрастающая динамика, изменчивость геополитической картины мира (7); формирование новых геополитических школ (8).

Isaev B. A.

INFORMATION SOCIETY GEOPOLITICS PECULIARITIES

Isaev Boris Akimovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Sociology, professor, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The modern features of geopolitics include the intention to control territories, lines of communication and flows instead of conquering new lands (1); broader interpretation of geopolitical factors (2); a sharp expansion of the field of geopolitics (3); desire to control virtual spaces (4); control of information flows (5); rising tide of actors (6); the increasing dynamics and variability of the geopolitical picture of the world (7); the formation of new geopolitical schools (8).

В информационную эпоху геополитика, как и политика, и мир вообще, претерпевает глубокие изменения.

Даже сам термин «геополитика» трактуется намного шире, чем ранее. Корень «гео» приобрел теперь и второй смысл: его все чаще трактуют не только как географическое, но и как «планетарное», «глобальное» измерение политики, как взаимоотношения супердержав [1] или военных блоков, как «столкновение цивилизаций» [2]

или как изменение общей конфигурации мировой системы, например, с системы баланса сил на биполярную или универсальную [3].

Вторая часть термина «геополитика» – «политика» в данном контексте означала завоевание власти, пространства, осуществление господства, освоение этого пространства. В последнее время толкование и этой части термина претерпевает существенные изменения в том смысле, что современные акторы геополитики не столько жаждут завоевать и освоить новые территории, сколько стремятся контролировать максимально возможные пространства, причем, – и в этом тоже состоит особенность современной геополитики, – контролировать не территории в целом, а, по большей части, линии коммуникаций этих территорий и потоки (финансовые, товарные, рабочей силы, туристические, мигрантские и т. д.), поддерживая тем самым наиболее благоприятные условия для собственного развития и процветания.

Другой особенностью современной геополитики стало более *широкое толкование геополитических факторов*. К пространственно-географическому фактору современные теоретики добавляют: финансово-экономический, социально-политический, культурно-исторический или цивилизационный, национально-этнический, ресурсный, в частности, – фактор энергетических ресурсов, а также экологический и миграционно-демографический.

Третья особенность – это *возрастание и разрастание геополитических пространств*, то есть *резкое расширение поля геополитики*. К традиционным пространствам Суши и Моря доклассической геополитики геополитики-классики добавили воздушное пространство. Но триада физических пространств: геосферы, гидросферы и атмосферы в сегодняшней геополитической науке по мере освоения новых пространств пополнилась: подводным пространством; пространством околоземного космоса; пространством межпланетного и дальнего космоса. При этом не только возросло число геопро пространств, но и расширились сами пространства – за счет заселения последних незаселенных территорий на Земле, строительства подводных лодок и морских платформ нефтедобычи, самолетов и других летательных аппаратов, увеличения плотности населения, систем коммуникаций.

Четвертой особенностью современной геополитики стало стремление к контролю *виртуальных пространств*. Современная геополитическая борьба, развернувшись в эфире между средствами массовой информации, между вещательными станциями разных государств, между рекламными фирмами и т. д.; в периодической печати; в сети Интернет; в сфере искусства; в сфере науки и образования.

Пятая особенность современной геополитики связана с перестройкой международных отношений. Современные геополитические державы уже не стремятся строить колониальные империи и осваивать новые геопространства. Свою задачу они видят скорее в *контроле* всех физических сред Земли. Это сильно изменило современные геополитические представления. Например, «закон» Маккиндера («Кто владеет Хартлендом, тот владеет Евразией, кто владеет Евразией, тот владеет Большим островом, кто владеет Большим островом, тот держит судьбу мира в своих руках») [4] в наше время следует формулировать следующим образом: «Кто контролирует потоки информации, тот и контролирует мир».

Шестой особенностью геополитики стало резкое *увеличение числа ее акторов*. Основатель геополитики Фридрих Ратцель на рубеже 20 века насчитывал 84 государства, при этом мировой тенденцией он считал укрупнение государств и сокращения числа держав – акторов геополитики [5, с. 81]. В настоящее время членами ООН, то есть международно-признанными государствами являются более 190 стран мира. Кроме того, актерами современной геополитики стали различные объединения больших, средних и малых государств (экономические, политические, культурно-национальные и др.), цивилизации, транснациональные корпорации, негосударственные международные организации, система ООН.

Седьмой особенностью современной геополитики и политики в целом стала ее *возрастающая динамика* [6]. Геополитика XXI в. столкнулась не только с быстрыми политическими изменениями, но и необходимостью фиксировать эти политические реалии. Для этого были предложены термины «геополитическая эпоха» и «геополитическая картина мира», которые представляли собой определенное, сложившееся на данное время равновесие мировой политической системы. Но это равновесие временно. Нарушают геополитическое равновесие конфликты, войны, распады государств и следующие за ними изменения структуры мира. В действительности геополитическая картина мира находится в постоянном изменении.

Восьмой особенностью современной геополитики явилось формирование *новых геополитических школ*. В соответствии с новой геоструктурой мира в современной геополитике можно выделить американскую, формирующуюся европейскую и российскую школы, а также китайскую школу, также находящуюся в процессе формирования.

Если *сравнивать геополитику классическую и современную геополитику информационного века* по их парадигмальным основаниям, то:

во-первых, следует отметить, что прервалось линия Геродота – Шмитта, действие закона, означавшего однозначное толкование в геополитике друга или врага, своего или чужого, Запада или Востока, демократии или тирании. Действительно бывшие союзники СССР, выступавшие в холодную войну на стороне Востока: ГДР, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, страны Балтии и др. ныне выступают на стороне Запада. Но можно ли их всех одинаково и однозначно считать врагами современной России? Можно ли считать политику, которую проводят демократические Соединенные Штаты Америки на Ближнем Востоке и в Афганистане демократической? Можно ли считать западные страны и всех их союзников демократическими странами, а всех противников тираническими или авторитарными?

во-вторых, закон стремления к гегемонии Фукидида – Ратцеля продолжает действовать, но проявляет себя совершенно иначе, чем в классический период. Актеры геополитики больше не стремятся создавать колониальные державы, а существовавшим ранее колониям предоставлена независимость. В результате структура мира больше не сужается до держав-метрополий, а, наоборот, расширяется за счет появления новых независимых государств. Гегемония и контроль осуществляются сегодня не исключительно военной силой, силой оружия (хотя оружия имеется более, чем раньше и мощь его возросла), а с помощью так называемой «мягкой силы»;

в-третьих, в современной геополитике, как и во всей современной науке, действуют не строгие и абсолютные законы, а скорее относительные, стохастические *закономерности*, которые проявляются не столь точно и однозначно, как законы классической геополитики, а как *вероятностные тенденции, тренды* геополитических изменений;

в-четвертых, вместо законов контроля Маккиндера – Спикмена можно сформулировать *современную закономерность мирового контроля*: «кто владеет ядерным оружием, контролирует околоземное космическое пространство и информационную среду – держит судьбу мира в своих руках»;

в-пятых, структура современного мира существенно изменилась, ведущими геополитическими державами стали США, ЕС, РФ, КНР.

Список литературы:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998, 216 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. – 603 с.

3. *Исаев Б. А.* Политология. История полит. идей, соврем. полит. идеологии, полит. и партийн. системы, междунар. отношения и нац. безопасность. – 5-е изд. – Сер. Краткий курс. – СПб.: Питер, 173 с.

4. *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России; Мыслить пространством. – 4-е изд. – М.: Арктогея-центр, 2000. – 925 с

5. *Ратцель Ф.* Политическая география. Геополитики и геостратеги: Хрестоматия / Под ред. Б. А. Исаева. Ч. 2.: Классики геополитики. – СПб.: БГТУ, 2004. С. 61–83.

6. *Исаев Б.А.* Теория политической системы // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 4. С. 57–69.

Аллаберганов Б. И.

МАНИПУЛЯЦИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аллаберганов Бехруз Исмаил Углы – студент гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: Nagato.beha@gmail.com

Аннотация. Дается характеристика современному информационному обществу и способы воздействия на сознание в этой среде.

Allaberganov B. I.

MANIPULATION OF MASS CONSCIOUSNESS IN MODERN INFORMATION SOCIETY

Allaberganov Bekhruz Ismail Ugly – Student, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Faculty of Humanities, St. Petersburg, Russia

Abstract. The characteristic of the modern information society and ways to influence consciousness in this environment are given.

В современном, технологически развитом мире – информация, стала самым ценным товаром в мире. Роль информации, знаний и информационных технологий в жизни общества увеличивается. Растет число людей, чья сфера деятельности – информационные технологии, коммуникации, производство информационных продуктов и услуг, а также увеличивается их доля в валовом внутреннем продукте. Развивается информатизация общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, традиционного и электронного СМИ.

Сформировалось глобальное информационное пространство, которое обеспечивает эффективное взаимодействие людей, расширение

их доступа к мировым информационным ресурсам, удовлетворение потребностей населения в информационных продуктах и услугах.

Появляются и используются такие новые понятия как, электронная демократия, информационная экономика, электронное государство, электронное правительство (со своим электронным парламентом и электронным правосудием), цифровые рынки, электронные социальные и хозяйствующие сети.

Внедрение информационных (цифровых) валют на мировой рынок, который не контролируется ни одной страной и имеет независимый характер. В связи с прорывом технологий и внедрением некоторых технических единиц в массы, уже к 2020 году у 75% населения Земли будет смартфон, а количество используемых в мире ПК превысило 1 млрд [1]

Перечисленные реалии позволяют утверждать, что созданы необходимые технологические предпосылки для тотального манипулирования массовым сознанием.

Как известно, менталитет, сознание, поведение человека в значительной степени зависят от внешнего влияния, от действий окружающих. Еще в древние времена целенаправленным воздействием на сознание людей ораторы умели убеждать, «зажигать» толпу и направлять ее действия. В последние века с переходом многих государств к демократическим, не тоталитарным системам на первый план выходит задача руководства многомиллионными массами с минимальным применением насилия. Если и деспотические режимы не пренебрегали пропагандой, то теперь она становится основным инструментом управления населением; манипулирование сознанием стало частью технологии власти. В словарях термин манипуляция трактуется как ловкое и при этом скрытое обращение с какими-либо объектами или людьми. В рассматриваемом случае – это программирование поведения, влияние на психические структуры человека с целью изменения, формирования мнений, идеологии и, главное, – побуждений и действий. [2, с. 49].

Библиографический список:

1. More than Six Billion Smartphones by 2020, IHS Markit Says. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ihsmarkit.com/press-release/technology/more-six-billion-smartphones-2020-ihs-markit-says> (дата доступа: 10.10.2018).

2. *Абрамян Е. А.* Цивилизация в XXI веке. Анализ обстановки в мире и перспективы будущего. Глобальные кризисы. Четвертое издание. – М.: Терика, 2009. – 314 с.

Ефанов А. А.

МЕДИАМЕМИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2018 ГОДА)

Ефанов Александр Александрович – кандидат социологических наук, доцент, кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», Москва, Россия.
E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Аннотация. В статье проводится обоснование явления медиамемизации. Предметом исследования стала президентская предвыборная кампания 2018 года, когда из кандидатов посредством медиа создавались искусственные образы. Процесс медиамемизации объясняется, с одной стороны, широким развитием Интернета, еще большим усилением «гражданской» журналистики (технико-технологический фактор), с другой, – обусловившим данный процесс диалектическим пониманием инспирированности и предопределенности выборов, когда вся политическая гонка была построена по принципам шоу-политики (гносеологический фактор).

Yefanov A. A.

POLITICAL ACTORS' MEDIA MEMISATION (THE PROCEEDINGS OF THE PRESIDENTIAL ELECTIONS OF 2018)

Efanov Aleksandr Aleksandrovich – Ph. D. (Sociology), Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, Moscow, Russia.

Abstract. The article substantiates the phenomenon of media memisation. The subject of the study was the presidential election campaign in 2018, when artificial images were created from the candidates through the media. The process of media memisation is explained, on the one hand, by the wide development of the Internet, by an even greater strengthening of “civic” journalism (the technical-technological factor), on the other hand, which conditioned the process with a dialectical understanding of the inspiration and predetermination of elections, when the entire political race was built on the principles of show-politics (gnoseological factor).

В современном медиапространстве медиамемы превратились в инструмент имиджеобразования. Медиамемизация сегодня характерна как для обычных, никогда никому не известных персонажей «из народа», которые посредством медиа воспринимаются аудиторией в качестве некоего небанального архетипического образа – героя, или напротив, антигероя (как это было с Д. Шурыгиной [3]), – так и для нередко давно знакомых акторов полей культуры, шоу-бизнеса, а особенно политики, представления о ком подвергаются частичной либо полной трансформации. Наиболее полное определение меди-

амемам дает С.А. Шомова, которая под данным термином понимает механизм передачи культурной памяти, имеющий нетривиальную форму, яркую запоминающуюся «упаковку», «подвергающийся благодаря этому многократному копированию в культурной среде заинтересованной аудиторией» [5, с. 13–14]. Явление медиамемизации наиболее ярко проявилось во время президентской предвыборной кампании 2018 года, когда из кандидатов посредством медиа создавались определенные искусственные образы.

Так, популярная телеведущая и общественная активистка К.А. Собчак в начале 2018 года (с января по март) стала самой упоминаемой российской женщиной. Этому, безусловно, способствовало ее участие в дебатах, построенное по принципам шоу-политики (выяснение отношений с В.В. Жириновским с использованием нецензурной лексики, слезы во время очередной словесной дуэли и публичный уход из студии во время прямого эфира, что стало продолжением «хайпа» [4]. Подобные видео являлись лидерами просмотра, а образ К.А. Собчак был положен Интернет-пользователями в основу многочисленных медиамемов: «Плачь, плачь! Танцуй, танцуй!»; «Здесь тебе не «Дом 2»; «Научилась плакать на «Лобном месте» и проч.

Что касается главного «оппонента» К.А. Собчак на выборах, В.В. Жириновский, как и предыдущие шесть гонок, пытался поддерживать интерес к себе посредством радикализма взглядов и громких заявлений. Примечательно, что, согласно результатам авторского контент-анализа, соотношение сообщений о В.В. Жириновском в полях телевидения и Интернета было представлено как 1:3 (особенно после старта дебатов). Данная закономерность была обусловлена скандалами кандидата с оппонентами – преимущественно с К.А. Собчак и П.Н. Грудининым, что вписывалось в канонические принципы «вирусного» сетевого контента: эксклюзив, зрелищность, конфликтность, саркастичность. При этом из-за «избитости» и «ожидаемости» В.В. Жириновский не стал объектом многочисленных медиамемов.

В свою очередь, В.В. Путин, напротив, становился героем медиамемов. Несмотря на то, что его образ также не имел новой коннотации, пользователи Интернета иронизировали вокруг предопределенности выборов: «А кто победит на выборах, по-твоему?»; «Путина на четвертый срок: да, не возражаю; нет, не возражаю»; «Выбор: ты думаешь, он еще есть?» и др.

Однако по итогам контент-анализа полей телевидения и Интернета было определено, что самым «медиамемизированным» кандидатом на выборах был П.Н. Грудинин. Все медиамемы, связанные с ним, можно условно разделить на несколько групп:

1) П.Н. Грудинин и Человек-паук (внешнее сходство с персонажем мультфильма и комиксов – Джемом Джеймсоном, редактором газеты «The Daily Bugle», требующим достать ему фотографии супергероя);

2) П.Н. Грудинин – «клубничный король» (клубника – главная плодовая культура, которая выращивается в хозяйстве бизнесмена);

3) П.Н. Грудинин – «кандидат от народа» (сарказм по поводу сочетания: коммунист и миллиардер);

4) П.Н. Грудинин – скандальные счета и недвижимость («скоммуниздил», «недвижимость на Марсе» и проч.);

5) П.Н. Грудинин и усы.

6 февраля 2018 года в программе «вДудь» на YouTube-канале известный блогер Ю. Дудь предложил кандидату спор: если П.Н. Грудинин наберет больше 15 % на выборах, ведущий побреется наголо; если меньше 15 % – проигравший кандидат сбреет усы, без которых его «никто никогда не видел». За спором политика и блогера следила многомиллионная аудитория Интернета, результат пари называли главной интригой выборов. Когда стало понятно, что П.Н. Грудинин не смог преодолеть 15 %-ный рубеж, сам Ю. Дудь, Интернет-СМИ и пользователи социальных сетей стали призывать проигравшего кандидата сдержать обещание, в результате чего появился мем и одноименный хештег #ГрудининСбрейУсы. В итоге 24 марта П.Н. Грудинин опубликовал видео, свидетельствующее о том, что он расстался с усами. Ролик сопровождался комментарием: «В начале предвыборной кампании я поспорил с одним блогером, Юрием Дудем, о том, что если я со своей командой наберу меньше пятнадцати процентов голосов избирателей, то сбрую усы. Закончилась предвыборная кампания, прошли выборы, подсчитали голоса, и Центральная избирательная комиссия сказала, что у меня меньше двенадцати процентов. Я в это не верю. Абсолютно убежден, что мы набрали гораздо больше голосов. Но никто не обещал честных выборов. То есть обещали, но не сдержали слово. Поэтому я формально проиграл это пари. Поэтому, как честный человек, я должен, конечно, сбрить усы» [1].

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что прошедшая президентская предвыборная кампания стала в наибольшей степени медиамемизированной. Если в 2012 году медиамемы возникали преимущественно в отношении группы «Pussy Riot», «панк-молебен» которой протекал на фоне предвыборной гонки [2] (в отношении нее медиаконтролеры в поле телевидения пытались конструировать моральную панику, а, в свою очередь, в поле Интернета пользователи оперировали исключительно иронической риторикой), то в 2018 году сами кандидаты в Президенты страны стали

объектами медиамемизации. С одной стороны, это можно объяснить широким развитием Интернета, еще большим усилением «гражданской» журналистики (техничко-технологический фактор), с другой, – обусловившим данный процесс диалектическим пониманием инспирированности и предопределенности выборов, когда вся политическая гонка была построена по принципам шоу-политики (гносеологический фактор). Данный процесс способен усугубить кризис доверия к действующей власти, что может обернуться как обострением протестных настроений, так и усилением политического абсентеизма.

Библиографический список:

1. Да или нет?! Грудинин все-таки сбрил усы, и теперь это уже точно, потому что есть видео // Medialeaks. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medialeaks.ru/2403dalex-bez-usov/> (дата обращения 20.10.2018).

2. *Ефанов А.А.* Социально-психологические последствия медиавоздействия: Монография. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс ОГУ, 2018. 219 с.

3. *Ефанов А.А.* «Феномен Д. Шурыгиной», или О медиапредпочтениях общества потребления // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.) / Сост. О.Ф. Автохутдинова; Урал. фед. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 228–230.

4. *Ефанов А.А.* «Хайпы» в современном поле медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1 (27). С. 63–69.

5. *Шомова С.А.* Мемы как они есть. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 136 с.

Игнатьева И. Ф.

ТРЕНДЫ ГЕОЭКОНОМИКИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭРУ

Игнатьева Ирина Федоровна – доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: iifed@mail.ru

Аннотация. В информационном обществе все более значительную роль начинает играть геоэкономика. Она является составной частью геополитики как науки и современным состоянием геополитики как процесса. Само появление геоэкономики можно считать особым трендом современной геополитики. Геоэкономика выступает как субдисциплина геополитики и занимает место на стыке политических и экономических наук.

Ignatieva I. F.

TRENDS OF GEOECONOMICS IN THE INFORMATION AGE

Ignatieva Irina Fedorovna – Doctor of Philosophy, Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. In the information society geoeconomics is beginning to play an increasingly significant role. It is an integral part of geopolitics as a science and the current state of geopolitics as a process. The emergence of geo-economics itself can be considered a special trend of modern geopolitics. Geoeconomics acts as a subdiscipline of geopolitics and keeps place at the junction of political and economic sciences.

С переходом современного общества в информационную эру, геополитический анализ все более основывается на изучении экономических проблем.

Геозкономика – понятие, объединяющее геополитику и экономику, наука, изучающая широкий круг политико-экономико-географических вопросов. Ее сторонники делают попытку увязать в единый комплекс проблемы мировой экономики, экономической географии, экономической истории, политологии, конфликтологии. Эдвард Люттвак, – известный американский историк, *ведущий исследователь* современного этапа *развития* геозкономики, считает геозкономику политикой, основанной на экономическом состязании. С его точки зрения, *политическое* поведение ведущих держав сегодня осуществляется как воплощение «логики конфликта в грамматике торговли».

Государства, по его мнению, как пространственные субъекты, структурированные, чтобы ревностно разграничить свои собственные территории, не исчезнут, а переориентируются на геозкономику, чтобы компенсировать свои разлагающиеся геополитические роли. «Геозкономика» – лучший термин, – утверждает он, – который я могу представить для описания примеси логики конфликта с методами торговли» [5, p. 18].

Подобная точка зрения прозвучала в 1997 году в эссе Самюэля Хантингтона («Эррозия американских национальных интересов» [7]), в котором он отметил, что в ближайшие годы созреют главные конфликты интересов между Соединенными Штатами и основными державами, связанные с этническими и экономическими проблемами. По Хантингтону, современная экономика становится источником власти и благополучия, этим она все более оттесняет от властных прерогатив политику.

Развиваясь в этом направлении, геозэкономика требует разработки новых приемов экономической обороны и наступления. Не-

обходимая для сплочения нации консолидирующая угроза – теперь видится угрозой не политической, а экономической. Основная разница между современной геэкономикой и классической геополитикой должна, по Люттваку, определяться двумя моментами. Во-первых, большим плюрализмом модальностей мировой политики, среди которых перестает главенствовать военно-силовая *составляющая* (модальность). Во-вторых, тем, что теперь государствам предстоит бороться на поле мировой экономики, коего они собою не покрывают: его значительную часть образует частный, в том числе транснациональный, капитал, логика поведения которого может не совпадать с геэкономическими задачами наций [1].

Описанное Люттваком положение усугубляется, по нашему мнению, теми фактами, что, во-первых, педалирование военно-силовой составляющей политики или геостратегии ведущими державами в условиях наличия у многих стран ядерного оружия может привести ко всеобщей ядерной войне и гибели человечества, во-вторых, ведущие страны мира понимают, что сегодня посредством военных конфликтов невозможно завоевать и, тем более освоить чужие территории, но вполне возможно расширить свое экономическое и политическое влияние путем торговой экспансии.

Объяснение основных трендов развития общества с точки зрения мирового политического процесса вплоть до окончания «холодной войны» осуществлялось, в основном, с позиции традиционной геополитики. Поворотным моментом стали работы для описания мировой системы после “холодной войны”, когда главной ареной соперничества между государствами становится экономическая, а не военная. В первое время после распада Советского Союза крупные державы возлагали большие надежды на глобализацию, на длительный период экономического роста, кооперативную международную систему, создаваемые взаимные выгоды, которые уменьшили бы шансы серьезного конфликта. Для объяснения политических процессов этого периода часто использовались выводы Люттвака, так называемая ранняя геэкономическая парадигма.

В данном анализе экономическое управление становится центральным элементом геэкономики, а сама геэкономика рассматривается в значительной степени как внешнеполитическая практика, обеспечивая альтернативу геополитике в достижении геостратегических целей.

Томас Гроссе предполагает, что геэкономика является слиянием экономических и геополитических целей и подразумевает наличие гибридных стратегий экономической и военной мощи [6, pp. 40–65].

По нашему мнению, геэкономика является составной частью геополитики как науки и современным состоянием геополитики как процесса. Само появление геэкономике можно считать особым трендом современной геополитики. Если говорить о соотношении геополитики и геэкономике, то отметим, что геэкономика выступает как субдисциплина геополитики и занимает место на стыке политических и экономических наук [2, с. 143–158; 3, с. 253–256].

Итак, геэкономика – субдисциплина геополитики, занимающаяся изучением экономической составляющей влияния держав в мире, его разделением на сферы влияния, столкновений экономических интересов государств на мировой арене, зависимости геополитического статуса от экономического положения держав, в общем разделом и переделом политико-экономической структуры мира.

В качестве структурного элемента геополитики геэкономика занимается исследованием глобального рынка, трансграничного экономического пространства, развития и взаимодействия экономик разных стран, исходя из их географического расположения и влияния международных факторов. Она выступает в роли территориально-организационного инструмента создания геэкономической стратегии государства, определяющей место страны в рамках глобального геэкономического пространства.

Как отмечает Ковалев С.Н., «предмет геэкономике также увязывается с процессами экономической и политической динамики национальных государств в контексте глобальных мир-экономических сдвигов. В этом смысле геэкономике представляют как экономическую геополитику, исследующую поведение государства, нацеленное на повышение национальной конкурентоспособности, в условиях жесткой конкуренции на международной арене» [4].

В качестве структурного элемента геополитики геэкономика занимается исследованием глобального рынка, трансграничного экономического пространства, развития и взаимодействия экономик разных стран, исходя из их географического расположения и влияния международных факторов. Она выступает в роли территориально-организационного инструмента создания геэкономической стратегии государства, определяющей место страны в рамках глобального геэкономического пространства.

Структура геэкономике состоит из следующих компонентов:

– производственно-экономический раздел мира между наиболее влиятельными державами;

– финансово-экономический раздел мира на зоны преимущественного влияния доллара, евро, формирующуюся зону юаня, зоны национальных валют;

– сырьевой и производственный раздел мира между добывающими и потребляющими сырье странами;

– энергетический раздел мира между энергопоставляющими и энергопотребляющими странами;

– раздел мира между державами-производителями и странами-потребителями вооружений и военной техники;

– раздел мира между странами-производителями сельскохозяйственной продукции и странами-потребителями продуктов;

– раздел мира между странами с благоприятным климатом и развитой инфраструктурой туризма, преимущественно принимающими туристов и странами, преимущественно направляющими туристические потоки.

Список литературы:

1. Геополитика и геоэкономика // Учебные материалы для студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/1989080528176/politologiya/geopolitika_geoeconomika (Дата обращения 20.10.2018).

2. *Исаев Б. А.* Политология. История полит. идей, соврем. полит. идеологии, полит. и партийн. системы, междунар. отношения и нац. безопасность. – 5-е изд. – Сер. Краткий курс. – СПб.: Питер, 173 с.

3. *Исаев Б. А.* Геополитика. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. Санкт-Петербург, 2016. – 496 с.

4. *Ковалев С. Н.* Геоэкономика. Конспект лекций. Тула: Тульский гос. ун-т, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megalektsii.ru/s19644t3.html> (Дата обращения: 19.02.2018).

5. *Luttwak E.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce, National Interest. – № 20. – 1990. pp. 17–23.

6. *Grosse T. G.* Geoeconomic Relations between the EU and China: The Lessons from the EU Weapon Embargo and from Galileo // *Geopolitics*. – №19.1. – 2014. – pp. 40–65.

7. *Hantington S. P.* The Erosion of American National Interests. *Foreign Policy // Foreign Affairs*. – September/October 1997. <https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/erosion-american-national-interests> (Дата обращения: 05.10.2018).

Костогрызов П. И.

ТРАДИЦИОННЫЕ АКТОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБЩИНЫ?

Костогрызов Павел Игоревич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: kostogryzovpi@gmail.ru

Аннотация. В странах Латинской Америки заметны процессы «глокализации» (глобализации и локализации), когда функции государства оспариваются как глобальными игроками, так и акторами субнационального уровня. Данный процесс приводит к построению коммунитарного государства и формированию коммунитарной демократии.

Kostogryzov P. I.

TRADITIONAL ACTORS IN THE POLITICAL SPACE OF LATIN AMERICA: THE RETURN OF THE COMMUNITY?

Kostogryzov Pavel Igorevich – Ph. D. (History), Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.

Abstract. In Latin American countries, “glocalization” processes (globalization and localization) are noticeable, when state functions are challenged by both global players and actors at the subnational level. This process leads to the establishment of a communitarian state and the formation of communitarian democracy.

1. Идущие в мире процессы «глокализации» (одновременной глобализации и локализации, т. е. усиления глобальных и локальных политических акторов в ущерб акторам национального уровня, включая государство) ставят под вопрос роль государства. Согласно прогнозам ряда футурологов и социальных философов (Э.Тоффлер, М. ван Кревельд), в ближайшие десятилетия и эта роль, и сама конструкция государства могут сильно измениться. Это уже не будет привычное нам государство-нация Нового и Новейшего времени, а его функции будут оспариваться с двух сторон: глобальными игроками (международные организации и транснациональные корпорации) и акторами субнационального уровня. В «войне на два фронта» государство обречено на поражение. Поэтому элиты некоторых стран выбирают стратегию опоры на внутренние силы, пусть и ценой уступки им доли власти, в противостоянии глобальным структурам, стремящимся «подмять» национальные государства.

2. Особенно ярко эти тенденции проявляются на периферии современного мира, в частности, в Латинской Америке.

В качестве традиционных акторов субнационального уровня во многих развивающихся странах, включая и ряд латиноамериканских стран, выступают локальные общины различных типов. Сохраняя нормы обычного права и собственные институты управления и поддержания общественного порядка, они обеспечивают социуму дополнительную «степень защиты», фактически принимая на себя ряд обязанностей государства там, где оно само с ними не справляется.

3. Такая ситуация нормальна для традиционного общества, но с позиций теории (и практики) государства-нации воспринимается как аномалия. Тем не менее, необходимость «производства» публичных благ (общественный порядок, безопасность, инфраструктурное обеспечение и т. д.) в условиях слабости государственной власти приводит к укреплению общинных институтов, а иногда – к их восстановлению там, где они уже перестали существовать (явление, для которого автор доклада предлагает термин «рекоммунитаризация»). Этот процесс идет в странах Латинской Америки активнее, чем в большинстве регионов мира.

4. Латиноамериканскими политиками предпринимаются попытки оформить различные проявления этой тенденции в единую концепцию и практику, получившую название коммунитарной демократии или коммунитарного государства. Оба выражения встречаются в программах различных политических движений и в официальных документах. Так, «Национальные планы развития», действовавшие в Колумбии в период президентства А. Урибе (2003–2010), провозглашали цель построения коммунитарного государства; Конституция Боливии 2009 определяет государство как коммунитарное, а Конституция Эквадора 2008 г. содержит словосочетание «коммунитарная демократия».

Лукин В. Н. Мусиенко Т. В.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лукин Владимир Николаевич доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: lvn55555@mail.ru

Мусиенко Тамара Викторовна доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: tvn77777@mail.ru

Аннотация. Раскрыт геополитический аспект информационной безопасности. Проблема рассмотрена в приложении к изучению дисциплины «Основы геополитики» для бакалавров направления 41.03.04 «Политология».

Lukin V.N., Musienko T.V.

INFORMATION SECURITY: GEOPOLITICAL ASPECT

Lukin Vladimir Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Ph. D. (History), Professor, St. Petersburg University of the State Fire Service, Saint Petersburg, Russia.

Musienko Tamara Viktorovna. – Doctor of Political Sciences, Ph. D. (History), Professor, St. Petersburg University of the State Fire Service, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The geopolitical aspect of information security is revealed. The problem is considered in the Annex to the study of the discipline «The foundations of geopolitics» for bachelors, direction 41.03.04 «Political Science».

Проблема актуализирована вступлением глобального информационного пространства в сложную фазу своего развития, вызванного практически неограниченными возможностями средств массовой информации оказывать информационно-психологическое воздействие на население планеты в любом его регионе. Информационная безопасность вызывает все возрастающую озабоченность мирового сообщества, в котором отсутствуют единые критерии определения угроз и рисков [1, 2, 3].

Окинавская Хартия глобального информационного общества призвала к согласованным действиям по созданию безопасного и свободного от преступности киберпространства, обеспечению эффективных мер противодействия; информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) определены в числе наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века [4, 5, С. 40].

Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (г. Женева, 2003 год – г. Тунис, 2005 год) представила общую концепцию информационного общества в виде одиннадцати разделов, включающих 64 позиции; План действий с целями, задачами и контрольными показателями; направлениями действий; обоснованием цифровой солидарности. Пятый раздел декларации раскрывает меры по укреплению доверия и безопасности при использовании ИКТ [6].

Глобальная цифровизация привела к росту киберпреступности. По разным данным за 2015–2017 годы количество мобильных телефонов превысило семь миллиардов и составляет 96 штук на каждые сто человек (в России – 155,5), а людей, пользующимися ими в 2017

году – 5 миллиардов [7 – 10]. Еще в 2015 году Группа правительственных экспертов ООН из 20 стран, включая Россию, подготовила предложения по правилам поведения государств в информационном пространстве, о применимости международного права в информационной сфере, предполагающее: недопустимость огульных обвинений друг друга в кибератаках; односторонних заявлений о причастности того или иного государства к противоправным действиям в информационном пространстве; запрет на бездоказательное приписывание вредоносной активности какому-либо государству; бездоказательные обвинения государств в осуществлении кибернападений; запрет на нападение на критически важную инфраструктуру других стран; запрет на вредоносные закладки в IT-продукцию; суверенное право государств распоряжаться информационно-коммуникационной инфраструктурой на своей территории и определять свою политику в сфере международной информационной безопасности [11]. До настоящего времени не приняты. Вместо обеспечения информационной безопасности глобальными акторами предпринимаются меры по управлению Интернетом [12]. Попытки обеспечения информационной безопасности на региональном уровне имеют место, например, в «Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года» [13].

Современное российское информационное общество активно формируется, идет поиск решения проблем как на национальном, так и на глобальном уровнях [14,15]. Это находит отражение в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» 2016 года [16, 17], а также в ряде Федеральных законов: «О связи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [18,19]. Российское государство озабочено состоянием информационной безопасности в Интернете, цифровой экономике, цифровой медицине [20 – 22].

Библиографический список:

1. Министр внутренней безопасности США: однополярный мир Америки под угрозой. URL: <https://ria.ru/world/20180906/1527914247.html>
2. Mark Mazzetti, Scott Shane. Our Investigative Reporters Explain the Trump-Russia Story // The New York Times Sept. 26, 2018.
3. At UN Security Council, world leaders debate Iran, North Korea sanctions and non-proliferation. URL: <https://news.un.org/en/story/2018/09/1020711>
4. Окинавская Хартия глобального информационного общества 22 июля 2000 года // Дипломатический вестник. 2000. № 8, август.

5. ООН. Доклад Генерального секретаря о работе Организации. 64 с. URL: http://legal.un.org/ola/media/info_from_lc/A_55_1R.pdf

6. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf

7. Артамонов В.С., Артамонова Г.К., Лукин В.Н., Малый И.А., Мусиенко Т.В. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты. Монография / Под ред. В.С. Артамонова. (Серия: Российская Арктика. Вып.1). Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России. 2017. 268 с.

8. Генсек ООН назвал угрозы, сопровождающие революцию в сфере IT. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/05/20/1400256.html>

9. Количество мобильных телефонов по странам мира. URL: <http://total-rating.ru/1970-kolichestvo>

10. Сколько людей в мире используют мобильный телефон? URL: <http://mumeizuclub.ru/news/skolko-ljudej->

11. МИД РФ: доклад ООН по киберпространству может стать шагом к конвенции. URL: <https://ria.ru/world/20150817/1189704214.html>

12. Denardis L. The Global War for Internet Governance. New Haven: Yale University Press, 2014. 288 p.

13. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125>

14. Президент провёл заседание Совета Безопасности, 6 апреля 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/security-council/57213>

15. Путин: цифровизация жизни требует надежной защиты граждан и государства. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3773481> (дата обращения: 26.09.2018).

16. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

17. Указ Президента Российской Федерации от 05.12. 2016 года № 646 «О Доктрине информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/71556224/>

18. Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 года № 126-ФЗ «О связи» (в ред. от 3 августа 2018 года). URL: <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument>

19. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 19 июля 2018 года). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157/page/10>

20. Рабочая встреча с главой Роскомнадзора Александром Жаровым 24.09.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58613>

21. Герман Клименко выступил на парламентских слушаниях «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/57073>

22. Совещание по вопросу развития цифрового здравоохранения в России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/57074>

Михайлов В. В.

ТЮРКСКИЙ МИР И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТЮРКАХ?

Михайлов Вадим Викторович – ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения», профессор кафедры истории и философии, Гуманитарный факультет, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: batukom@mai.ru.

Аннотация. Доклад посвящен анализу перспектив создания нового тюркского союза и его опасности для геополитических интересов Российской Федерации. На основании исторического опыта делается вывод о несостоятельности «алармистских» призывов «противостоять тюркскому миру». Предлагается новая позиция межгосударственных отношений с тюркскими государствами, предполагающая продолжение исторически сложившегося «совместного бытия» российских и независимых тюркских народов во взаимном труде и познании. Утверждается современное геополитическое значение совместной массовой информированности, общности знания народов друг о друге.

Michaylov V. V.

TURKIC WORLD AND MODERN GEOPOLITICS: WHAT DO WE KNOW ABOUT THE TURKS?

Mikhailov Vadim Viktorovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, professor of Department of History and Philosophy, PhD (History), associate professor.

Abstract. The paper analyses prospects of the creation of a new Turkic Union and its danger for geopolitical interests of the Russian Federation. Based on historical experience, the conclusion is made about the failure of alarmist appeals to resist the Turkic world. A new position of inter-state relations with the Turkic States is proposed, which presupposes the continuation of the historically formed “joint existence” of the Russian and independent Turkic peoples in mutual work and knowledge. The modern geopolitical importance of joint mass awareness and common knowledge of the peoples about each other is affirmed.

XX век стал веком создания и восстановления государственности сразу нескольких тюркоязычных государств на развалинах Российской и Советской империй. В Закавказье независимый Азербайджан стал первым тюркским мусульманским государством еще в 1918 году. В Средней Азии обрели независимость Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан. Сегодня можно часто видеть в прессе статьи с предупреждением об опасности «тюркского объединения», нового «пантюркизма», угрожающего геополитическим интересам России. На наш взгляд, эти алармистские призывы «противостоять тюркскому миру» не имеют под собой исторической основы.

Сравнение с нереализованным Славянским союзом, на который уповали российские политические лидеры перед Первой мировой войной, но который не уберег, скажем, Болгарию от предательства в годы Первой мировой войны, что «было чрезвычайно болезненно воспринято в России» [1, с. 82], показывает, что общность этническая и языковая не обязательно становится залогом крепкого политического союза. Это подтверждается и неудачей так называемой «пантюркистской пропаганды», которая серьезно беспокоила Россию в годы последнего противостояния с Османской империей на Кавказе в 1914–1918 гг. Тем не менее, «ни политического, ни религиозного влияния на мусульман России турецкая... пропаганда не добилась» [2, с. 98].

Короткий исторический опыт существования Азербайджанской демократической республики также показывает, что религиозные и этнические противоречия не являются факторами, определяющими геополитический выбор народа. В этот период также были опасения создания «тюркско-мусульманского» союза, могущего противостоять цивилизации в ее европейском понимании [3, с. 144]. Однако, эти опасения, в целом, имеющие целью сохранить колониальный характер международных отношений, оказались лишними в ходе исторического процесса [4, с. 263–264]. Это доказывает и бескровный переход власти в Азербайджане к коммунистам в апреле 1920 г., обеспечивший азербайджанскому народу развитие в русле российской цивилизации и ставший залогом современного успеха суверенной государственности и международного признания Азербайджана [5, с. 19].

В современном мире все большее геополитическое значение имеет совместная массовая информированность, общность знания народов друг о друге, а не общность «природного» этнического фактора. Не случайно, опыт совместного «советского» бытия с ее интернационалистской идеологией, а не природные климатические и этнические факторы определяет сегодня миграционные процессы в Средней Азии и Азербайджане, направляя их не в богатую, но неведомую Европы, но в знакомую и понятную Россию. С другой стороны, инновационные версии «мягкой силы» в геополитике также используют информационные каналы в качестве главных факторов влияния. Однако часто именно националистические и религиозные противоречия становятся в информационной политике средством для развала экономики и, следовательно, методом экономического и информационного неокOLONIALИЗМА. Противопоставить этому можно лишь позитивную информированность народов друг о друге

[6, с. 18]. Сегодня именно «политика культурного объединения, основанная на гармонии традиций и инноваций, может и должна стать противовесом унифицирующей глобализации» [7, с. 125]. Поэтому только совместные культурные, образовательные, экономические и политические проекты, опыт «совместного бытия» народов во взаимном труде и познании, должны определять успех и неуспех геополитики России.

Список литературы:

1. Маньков С. А., Михайлов А. А., Михайлов В. В. «Великая измена». Вступление Болгарии в Первую мировую войну глазами русских офицеров и публицистов // Славянский альманах. – 2018. – Вып. 1–2. – С. 82–97.

2. Михайлов В. В. Идеология «пантюркизма» и мусульманство накануне распада Османской империи // Религия в мировой истории и культуре. Материалы 11 Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений 23–26 ноября 2004 г. – СПб. – 2004. – С. 96–98.

3. Михайлов В. В. Позиция Великобритании в вопросе признания независимости Азербайджанской Демократической Республики в 1918–1920 г. (по архивным материалам Британского Военного кабинета и заседаний парламента) // Məsəlman Şərqində İlk Parlamentli Respublika. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti 100 illik yubileyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları. 21–23 may 2018. – Bakı: Elm. – 2018. – S. 141–147.

4. Михайлов В. В. Опыт диалога культур и партнерства в политике российского государства отношении тюркских мусульман в период Первой мировой войны // Диалог культур и партнёрство цивилизаций. Международные Лихачёвские научные чтения 14–15 мая 2009 года. Тематический сб. международной конференции. – СПб. – 2009. – С. 263–265.

5. Михайлов В. В. Поражение Турции в Первой мировой войне и судьба первой независимой Демократической Азербайджанской Республики // Клио. – 2008. – № 3 (42). – С. 17–19.

6. Лосев К. В., Михайлов В. В. Россия и Азербайджан: перспективы евразийского союза // Научная сессия ГУАП. Ч. 3. Гуманитарные науки. Сб. докладов 9–11 апреля 2012 г. – СПб. – 2012. – С. 17–18.

7. Лосев К. В., Михайлов В. В. Туркменистан и глобализирующийся мир: инновационная политика культурного объединения // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2017. – № 4 (16). – С. 121–126.

Садов К. С.

ТЕХНОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭКОСИСТЕМЫ?

Садов Константин Сергеевич – студент, кафедры государственной политики, факультет политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: konstantin-sadov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимовлияния технологического и политического развития в условиях формирующегося информационного общества, раскрывает некоторые аспекты взаимодействия политических режимов и технологических систем, формулирует его классификацию.

Sadov K. S.

TECHNOLOGY AND POWER IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY: MUTUALLY DETERMINING ECOSYSTEMS?

Sadov Konstantin Sergeevich – student, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

Abstract. The article deals with the issue of mutual influence of technological and political development in the conditions of the emerging information society. It reveals some aspects of the interaction of political regimes and technological systems and formulates its classification.

Если проследить динамику развития коммуникативных процессов, неизменно определяющих структуру распределения власти в социуме, то можно отметить постепенный отход от иерархической организации общественного порядка к сетевым коммуникациям горизонтального типа[1]. В основе данной логики лежит постепенное развитие средств сообщения между социальными акторами, позволяющее создавать пространство для вовлечения огромного количества участников в единый процесс формирования повестки дня и поддержания дискурса.

Происходит переход производств и коммуникаций на локальный уровень благодаря развитию систем сообщения внутри сообществ и между ними, и следующей из этого неспособности крупных структур уверенно адаптироваться к нарастающему темпу социальных изменений. В данном смысле происходит переориентация включенных в процесс принятия политических решений акторов на формы массовой политики, сетевизацию взаимодействия с обществом, увеличение роли местных властей, формирование структур не только виртуального, но и прямого общественного участия. Государство ста-

новится ближе к человеку не только благодаря развитию сервисов электронного голосования, но и систем контроля за информацией (что подтверждают скандалы с «прослушкой» мировых лидеров и граждан со стороны АНБ США). Вместе с тем сами государственные структуры сами становятся объектом общественного контроля со стороны гражданского общества (учитывая негосударственные сервисы вроде Wikileaks либо публичной части ГАС «Управление» в РФ).

В то же время на развитие общества, его структуры в технологическом плане неизменно влияет качество элиты, её конкретная аксиология. Как и технологический уклад создает рамки целеполагания и действий для политических систем, так и сами системы, задающие логику принятия решений акторами, способны формировать допустимые границы технологического развития благодаря выработанным (или, напротив, отсутствующим) ориентирам долгосрочного социально-экономического, научного и инновационного развития[2]. Не случайно М. Кастельс отмечал, что нарастающая глобальная конкуренция станет свойственна не фирмам, а государствам и регионам – в данном случае автор отмечает политизацию процесса развития орудий труда общества. Устойчивость политической системы всё более зависит от её способности отвечать на вызовы технологического развития, ускоряющего поляризацию возможностей современных государств и обществ.

Властную экосистему – или политическую структуру управления обществом – можно описать как систему конституций сетей политико-административного характера, которые действуют на конкурентном политическом рынке как государства, так и общества, образуя особую форму «общественного управления»[3]. В основе данной структуры заложена функция распределения ресурсов, концентрирующихся в руках государства, на конкретные приоритеты национального развития (либо удовлетворение партикулярных интересов отдельных сетевых групп – в зависимости от спектра их ценностных ориентаций). Формируемые в результате кооперативно-конкурентного взаимодействия соглашения являются основой государственной политики, которая аттестует конкретные мероприятия, направленные на достижение перспективных для существующей политической системы и всего общества в целом целей.

Логика действий политического режима – ключевой части «общественного управления» – диктуется следующими факторами: сохранение власти и достижение общественно значимых целей. В условиях ускорения технологического развития и нарастания международной конкуренции они всё более вынуждены уделять особое внимание

как существующему технологическому укладу, так и его развитию. Технологии становятся важной составляющей национального брендинга, безопасности, равно как и способности обеспечить суверенность государственных решений.

Информационное общество является противоречивым концептом. Если мы обратимся к научному дискурсу, посвященному данной тематике, мы не найдем единого определения его статуса, равно как и консолидированного мнения о причинах происходящих процессов, их связи с другими историческими трендами [4]. Наравне с этим ученые указывают на ряд общих факторов формирования цифровой формы социального устройства: беспрецедентный рост объема информации и интенсификация обмена ей.

Следовательно, переход к новому технологическому общественному укладу влияет на политические режимы в нескольких направлениях, которые условно можно разделить на 2 типа воздействия: прямые и косвенные.

К прямому воздействию (или тактическому) мы можем отнести появление новых инструментов перераспределения власти на всех уровнях политики (локальный, национальный, международный) технологического генезиса. Это новые возможности для акторов влиять на ход политического процесса, будь то новые методы аналитики на основе BigData, которые позволяют составить более репрезентативную сборку политического кандидата как маркетингового продукта на выборах; либо это возможность формировать взаимодействие между участниками через социальные сети и видеохостинги, минуя сектор информационных брокеров – посредников в коммуникациях. Подобные трансформации политического ландшафта уже привели к феномену, который ряд авторов называют «постдемократией» [5] – в его основе заложены системы анализа данных об избирателях, по сути формирующие предложение партий на спрос избирателей в условиях политического рынка.

В прямом воздействии можно распределить также основные сферы применения информационных технологий в принципе: это избирательные кампании, военные действия, акции смены или защиты политического режима и не только. К ним можно отнести организации DDoS-атак на локальные СМИ (во время демонстраций в Гонконге в 2014 году), отключение общественного доступа к интернету и мобильной связи (действия режима Хосни Мубарака в 2011 году), уничтожение значимых объектов на территории другого государства (атаковавший объекты иранской ядерной программы вирус Stuxnet предположительно в рамках американской операции «Олимп») [6],

использование Facebook режимом Дутерте для легитимизации своих действий [7] либо для формирования таргетированной на конкретные группы населения рекламы в политических кампаниях [8] – всё это представляет собой тактические методы использования информационных технологий политическими акторами в процессе перераспределения власти как на локальном, так и на международном уровне.

Следует отметить, что бывший министр обороны СШАР. Гейтс поставил киберпространство наравне с другими средами ведения боевых действий (воздух, земля, вода, космос). К примеру, в настоящее время активно развиваются средства кибершпионажа («Общество деловой разведки Китая» [9]).

С другой стороны, можно выделить косвенное влияние информационных технологий на политическую систему. Иначе его можно охарактеризовать как долгосрочное. Оно заключается в формировании новой структуры общества, которое проявляется в нескольких направлениях: появление новых норм, систем ценностей, принципов, которые определяют политическое поведение акторов. Например, к данному типу можно отнести формирующийся институт взаимодействия политического класса и граждан через социальные сети и видеохостинги – то, что в настоящее время является новацией, постепенно становится стандартом деятельности.

Ко второму направлению следует отнести структуризацию социального устройства на новых началах: появляется определенная группа людей, которые создают технологические условия информационного общества. Программисты, data-scientists и другие специалисты формируют слой технологов информационных потоков, автоматизированных и самообучающихся машин. Ряд исследователей относят появляющийся класс к источнику нового типа власти в обществе – аллократии, или власти алгоритмов (в иных интерпретациях – датаизму) [10]. Поясняется, что возможна депривация части общественной власти в пользу автоматизированных комплексов управления, что, во-первых, оказывает кардинальное влияние на течение политического процесса, а во-вторых, предъявляет новые требования к управленцам и политикам будущего в профессиональном плане.

Вопросы дальнейшего взаимодействия технологического уклада и политики представляют собой предмет многофакторного анализа: например, возможности «балканизации интернета»[11].

В любом случае, технология и власть имеют взаимоопределяющее свойство: логика современного перераспределения власти на глобальном уровне требует учёта акторами широкой роли существ-

вующего технологического уклада, равно как и технологических (технических и социальных) инноваций как в рамках национального политического процесса, так и международного взаимодействия.

Библиографический список:

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. (под ред.: О. И. Шкаратан). – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2000.
2. Государственная политика и управление: учеб. пособие для вузов / под ред. А. И. Соловьева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 480 с.
3. *Журавлева Т. А.* Управление политико-административными сетями. Диссертация... канд.полит.наук. – Москва, 2016.
4. *Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е.* Проблема классификации теорий информационного общества // СИСП. 2017. – №3. – С. 80–110.
5. *Крауч К.* Постдемократия/ пер. с англ. Н. В. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.
6. *Козн Дж.* Новый цифровой мир / Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
7. How Duterte Used Facebook To Fuel the Philippine Drug War. BuzzFeed.News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.buzzfeednews.com/article/daveyalba/facebook-philippines-dutertes-drug-war>.
8. Facebook and Cambridge Analytica: What You Need to Know as Fallout Widens. TheNewYorkTimes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/03/19/technology/facebook-cambridge-analytica-explained.html>
9. *Селезнев П.С.* Инновационная политика современного государства: стратегии, модели, практика. Диссертация ... докт. полит. наук. М., 2014.
10. *Дедюлина М. А.* Социально-этические проблемы алгоритмов в информационном обществе // Манускрипт. 2017. – №12–4 (86). – С. 57–59.
11. *Росс А.* Индустрии будущего / Пер. с англ. П. Миронова. – М.: АСТ, 2017. – 351 с.

Сирота Н. М., Хомелева Р. А.

РОССИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ (КОНЕЦ 2010-Х Г.)

Сирота Наум Михайлович – доктор политических наук, профессор, кафедра истории и философии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sirotanm@mail.ru

Хомелева Рамона Александровна – доктор философских наук, профессор, кафедра истории и философии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: homeleva@yandex.ru

Аннотация. В полемике относительно места России в современном изменяющемся мире предлагается подход, согласно которому геополитически Россия должна являться евразийской страной, а в этнокультурном, конфессиональном и, главное, ценностном плане – неотъемлемой и особой частью европейской цивилизации, её восточным продолжением. России следует избирательно подходить к выстраиванию сотрудничества с Западом, руководствуясь не столько памятью об общем историческом прошлом, сколько конкретными интересами в сферах торгово-экономической и безопасности.

Syrota N. M., Homeleva R. A.

RUSSIA IN A TRANSFORMING WORLD (THE END OF THE 2010S)

Syrota Naum Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of History and Philosophy, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Khomeleva Ramona Aleksandrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Department of History and Philosophy, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Abstract. In the debate on Russia's place in a modern changing world, an approach is proposed, according to which, geopolitically, Russia should be a Eurasian country, and ethnoculturally, a confessional and, above, integral and special part of European civilization, its eastern continuation. Russia should be selective in its approach to promote cooperation with the West, taking into consideration not only the memory of a common historical past, but specific interests in the spheres of trade, economy and security.

Мир находится в процессе беспрецедентных по масштабу и характеру перемен. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой политике и экономике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и его смещение из Евро-Атлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион. Возрастает децентрализация и фрагментация международной системы, снижается её управляемость. Усиливается миграционное давление Юга на Север, стимулируемое мировым демографическим взрывом и стремлением населения развивающихся стран улучшить своё положение. В самую проблемную зону мира и главный источник угроз международной безопасности превратился территориальный ареал от Северной Африки до Центральной Азии. В контексте этих реалий России предстоит обозначить своё место в стремительно меняющемся мире.

В продолжающейся полемике по вопросу о самоопределении России в международной среде – следовать ли в русле Запада или создавать уникальную цивилизацию, развивающуюся по собственной логике, мы считаем оптимальным следующий подход: геополитически Россия – страна евразийская, а в этнокультурном, конфессиональном и, главное, ценностном плане – неотъемлемая, хотя и особая часть европейской цивилизации, её восточное продолжение. На наш взгляд, именно такое видение российской идентичности позволит стране наиболее адекватно адаптироваться к глобальным трендам и оптимально влиять на них.

В связи с императивностью европейского пути для России остроактуален вопрос о вероятном облике Европы и населяющих её сообществ в перспективе уже ближайших десятилетий. Многое, кажущееся привычным и очевидным, становится проблемным в связи с нарастанием миграционного потока (преимущественно из Африки) и реакцией на этот процесс со стороны националистических, расистских сил коренного населения, эрозией традиционного среднего класса, увеличением численности прекариата, включающего необеспеченные слои населения. Накапливается взрывчатый материал, способный дестабилизировать европейские социумы.

Разрастаются и усложняются проблемы неразрывно связанного с Европой Европейского союза. Он успешно развивался в течение нескольких десятилетий и вызывал подражание в других регионах мира. В настоящее время проходит сложный этап своего функционирования, не гарантирующий ни от попятных движений, ни от фрагментации еврозоны [1].

В обстановке обостряющегося соперничества и взаимозависимости между двумя наиболее мощными центрами силы современного мира – США и Китаем оптимальной стратегией России может быть внешнеполитическое маневрирование, которое позволяло бы использовать возникающие возможности и шансы для укрепления собственных позиций в мире. Реализация этой стратегии требует гибкости и тщательного просчёта каждого шага. В настоящее же время напряжённость в отношениях Запада и России ставит в наиболее выигрышное положение Китай, позволяя ему занимать позицию балансира между ними.

Государства постсоветского пространства, даже члены ЕАЭС, не стали для России союзниками и нередко стремятся получить выгоды от ослабления российского влияния и ухудшения отношений между РФ и Западом. Поэтому России следует избирательно подходить к выстраиванию сотрудничества с ними, руководствуясь не столько

памятью об общем историческом прошлом, сколько конкретными интересами в сферах торгово-экономической и безопасности [2].

В настоящее время перед Россией стоит задача преодоления технико-экономического отставания и запуска эффективной модели развития. Поэтому следует соизмерять геополитические амбиции с ресурсной базой внешней политики.

Библиографический список:

1. Стрежнева М. В. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 25–42.

2. Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов. Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_23%D0%BC%D0%B0%D1%8F_sm.pdf.

Соловьев С. И.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Соловьев Сергей Игоревич – магистрант, институт инновационных технологий в электромеханике и энергетике, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: serega0395-ev@yandex.ru

Аннотация. В работе рассмотрены положительные и отрицательные аспекты развития информационного общества. С одной стороны, благодаря развитию Интернета, стало сложнее скрывать информацию, появилось больше возможности получать альтернативные сведения, информация о событиях стала более открытой. Развитие информационных технологий упрощает координацию малочисленных оппозиционных социальных групп. Однако оборотной стороной данного явления является появление и распространение ложной информации.

Soloviev S. I.

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE POLITICAL SPHERE OF INFORMATION SOCIETY

Solovyev Sergey Igorevich – Master Student, Institute of Innovative Technologies in Electromechanics and Power Engineering, St. Petersburg State University of Aerospace Instrument Making, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The paper considers the positive and negative aspects of the development of information society. On the one hand, thanks to the development of the Internet, it has become more difficult to hide information, there is more opportunity to get alternative information, information about events has become more open. The development of information technologies simplifies the coordination of small opposition social groups. However, the reverse side of this phenomenon is the emergence and dissemination of false information.

Бурное развитие информационного общества накладывает свой отпечаток на все сферы человеческой деятельности. Глубину и размах влияния информационных технологий трудно переоценить. Компьютеризация и информатизация вносит изменения и корректировки в структуру и функционирование многих сфер общества, меняя вектор их развития.

Интернет является одним из самых значимых достижений человечества. Он открывает людям недостижимые до его появления возможности по распространению, поиску и хранению информации, являясь олицетворением информационного пространства в целом. И каждый человек может внести свой вклад в его наполнение. В интернете, охватывающим все пространство планеты, нет цензуры, и люди могут свободно делиться информацией и мнениями, высказываться о происходящих событиях и процессах, о своих беспокойствах и нуждах.

До пришествия информационного общества в политической сфере имела место ситуация, когда монополия на информацию принадлежала государству и связанным с государством СМИ. В то время информационное поле было лишь частью человеческого общества, и каждый человек взаимодействовал с ним по-своему, уделяя ему разное (и часто очень ограниченное и дозированное) время. Политика доинформационной эпохи опиралась в своем развитии на классические методы управления и взаимодействия.

Политика информационного общества существенно изменилась. Сегодня скрыть какие-либо события, ограничить появление в обществе какой-либо информации становится практически невозможно. Согласно так называемому «эффекту Стрейзанд» изъятие нежелательной информации из публичного доступа (то есть применение цензуры) приводит лишь к её более широкому распространению (обычно посредством интернета).

Важной составляющей деятельности любой политической силы является политическая агитация и пропаганда с помощью СМИ, которая часто искажает реальное положение дел. С появлением интернета, люди начинают получать меньше информации из различных СМИ и самостоятельно искать информацию во «всемирной паутине»,

находить альтернативные мнения о тех или иных событиях. В результате в информационном обществе происходит расслоение населения по критерию приверженности различным точкам зрения на ситуацию (хотя раньше преобладание одной позиции, выгодной той или иной политической силе, обуславливалось доминированием этой позиции в СМИ). Так формируется важная черта информационного общества – плюрализм мнений.

В политическом курсе почти любого государства индустриального общества существует образ какого-либо внешнего врага, который объединяет людей, делает общество более консолидированным. В информационном обществе у населения появляется возможность отказаться от навязываемого образа врага, посмотреть на события с другой стороны баррикад. Это определяет другую характеристику информационного общества – возможность выбора политической позиции каждым его членом.

Открытость и прозрачность происходящего вокруг становятся больше, все события и процессы проходят транспарентно, то есть на виду у всех граждан. Транспарентность или прозрачность и публичность политики является еще одной характерной чертой информационного общества.

Независимость СМИ является одним из важнейших условий жизни современного общества, но эта свобода СМИ часто не выгодна политическим силам, которые имеют различные рычаги сдерживания активности журналистов, особенно, если это касается деятельности влиятельных политиков. Интернет же не контролируется напрямую никем, и происходящее там может проливать свет на происходящие политические события. Однако тут стоит упомянуть, что мы уже живём в эпоху постправды, когда распространение интернета приводит не только к получению быстрого доступа к правдивой информации, но и к появлению и активному распространению ложной или неточной информации, так называемых «фейков». И как легко распространяется точная и важная информация, так же легко распространяются и слухи. Тем не менее, независимость СМИ и быстрое распространение как точной, так и фейковой информации – это тоже отличительная черта информационного общества.

Сейчас информационное поле является неотъемлемой частью жизни людей в развитых и развивающихся странах, атрибутом и показателем пришествия и развития информационного общества. Целые сферы и государственные институты, становятся прозрачнее, а возможность информирования об их работе становится все более просто реализуемой и востребованной. Поэтому в информационном

обществе больше начинают цениться открытость, прозрачность и близость политиков к обычным людям.

Одной из составляющих информационного общества является свобода слова и выражения мнения, которая часто была притесняемой вовсе или затруднённой и сдержанной в условиях доинформационного общества. Тем не менее, в современных реалиях, государство иногда стремится к контролю, часто стараясь пресечь распространение невыгодной ему информации.

У любой политической структуры в любом обществе всегда будет противодействующая сила, так называемая оппозиция. Недовольные будут везде и всегда. Но в информационную эпоху облегчается координация и общение разрозненных и, обычно, малочисленных групп, что ведёт к более простой их кооперации, объединению одиночек в группы.

В эпоху информационного общества политика становится ближе и доступнее даже для далёких от неё людей. Информационное пространство упрощает диалог между политической элитой и обществом; примером могут служить сайты госуслуг или электронного правительства. Повышается прозрачность политической системы, её предсказуемость и понятность для населения, возможность контроля действий правительства, например, за расходом денежных средств. Усиливается влияние более харизматических и авторитетных людей, которые через интернет могут влиять на сотни и тысячи людей.

Уровень жизни населения и образования в информационном обществе выше, чем, например, в индустриальном. Это позволяет населению давать более точную, объективную и комплексную оценку действиям политических сил, происходящим событиям и изменениям окружающей политической обстановки.

Доступность информации о мировом опыте решения различных проблем, состоянии и действиях политических сил в других странах и регионах, позволяет людям находить позитивные и негативные стороны в собственных и чужих политических устройствах, сравнивать, добиваться успешности управления их страной и регионом.

В информационном обществе нередко рост протестных настроений может быть выше, чем в других, например, в информационном обществе и меньше поддаваться контролю. Это может быть вызвано, как открытостью самого информационного общества и процессов, протекающих в нём, так и открытостью сознания людей для постороннего влияния, которое может быть направлено как извне, так и появляться внутри государственного объединения.

Информационное общество является частью большого целого информационного пространства и на него распространяются процессы, протекающие в этом пространстве, прежде всего, процесс глобализации. В политической сфере она проявляется как унификация политических практик, действий различных политических сил, как формирование преобладающей политической культуры и политического языка. Главным недостатком глобализации можно считать избыточное количество информации для широких масс и рассеивание внимания членов такого общества.

Информационное общество является, в какой-то мере, более уязвимым для различных идей и взглядов из-за своей открытости и доступности информации. Есть немало примеров, показывающих, что у самых разных, иногда даже противоречивых, спорных по смыслу и качеству идей и взглядов появляются последователи. Кроме того, информационное общество может быть подвержено кибератакам или более простой утечке или краже информации.

Одним из основных видов деятельности людей в информационном обществе – это работа с информацией. Чтобы не было утечек, краж, использования информации во вред обществу и населению, государство должно гарантировать стабильность общества и защищённость его членов, строить правовое поле соответствующим образом.

Развитие информационного общества и его успех напрямую зависят от уровня и качества развития науки и образования. Государство и политические объединения для сохранения преобладающих позиций должны в достаточной степени развивать и поддерживать данные сферы.

Библиографический список:

1. *Захарченко Д.* Эффект Стрейзанд. Шило в мешке как оружие интернет-сопротивления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/techno/web/effekt_streyzand_shilo_v_meshke_kak_oruzhie_internet-soprotivleniya (дата доступа: 10.10.2018).
2. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4.
3. Политическая история. Демократия : учебник для академического бакалавриата / Б. А. Исаев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 476 с.
4. *Исаев Б.А.* Современное состояние теории партий и партийных систем // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №2. – С. 128–140.
5. *Исаев Б.А.* Практическая партология: Генезис партий и партийно-политических систем. – СПб.: Петрополис, 2010. – 514 с.
6. *Нейсбит Д.* Мегатренды. – М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. – 380 с.
7. *Сирота Н.М.* Мировой порядок. – СПб., 1999. С. 44–51.
8. *Сирота Н.М.* Государство в глобализирующемся мире: учеб. пособие. – СПб.: ГУАП, 2011. – 169 с.

9. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2009. – 648 с.
10. Форрестер Д. Мировая динамика. М.: ООО «Изд-во АСТ». 2003. – 384 с.
11. Эрмэ Г. Культура и демократия. М.: Прогресс : Изд-во ЮНЕСКО, 1994. – 192 с.

Тимощук А. С.

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия.

Аннотация. Мы живем в мире нарастающей сложности. Социокультурная динамика и способы разрешения конфликтов в усложняющемся обществе является одной из самых актуальным тем общественных наук.

Timoschuk A. S.

POLITICS AND GEOPOLITICS IN THE INFORMATION SOCIETY

Timoschuk Aleksey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vladimir Institute of Law, Vladimir, Russia.

Abstract. We live in a world of increasing complexity. Sociocultural dynamics and ways to resolve conflicts in an increasingly complex society is one of the most pertinent topics in the social sciences.

Начало XXI в. было ознаменовано дерзкими террористическими актами против государства. После ответа правоохранительных органов, террористы переключились на более доступные цели – школы, места отдыха, транспорт. Известно, что экстремизм и терроризм часто связаны с иной преступной деятельностью, – преступлениями против государства, мошенничеством, торговлей оружием и др. В Северной Америке наркокартели финансируют террористов, поскольку обе стороны заинтересованы в нарушении иммиграционного законодательства. Из этого следует, что общее усиление по контролю любой преступности, благоприятно сказывается на снижению терроризма и экстремизма. Стратегия противодействия терроризму, поэтому, заключается в нескольких направлениях: 1) просвещение, 2) борьба с безработицей и справедливое распределении доходов, 3) усилении правоохранительных органов.

Тюремное заключение часто предоставляет для экстремистов расширенные возможности по радикализации других осуждённых,

поэтому особое внимание должно быть уделено контролю осуждённых за терроризм в тюрьме.

Террористы и экстремисты несут долгосрочную угрозу обществу. Они характеризуются как не контактные среди уголовной среды тюрем, образуют свои неформальные сообщества по национальному и религиозному признаку.

Без единого понимания терроризма в одном государстве, регионе, во всём мире, борьба с ним будет испытывать затруднения. У стран, которых затрагивает проблема терроризма, много расхождений по определению сущности экстремизма и терроризма, в этом заключается антиномия глобализации и тенденция к образованию национальных государств. Например, в Великобритании и США радикальные высказывания и призывы не осуждаются как экстремизм, а в России – да. Риторика терроризма используется в политическом конфликте на Украине. Россия не согласна с репрезентацией действий по урегулированию территориально-политических разногласий Украины с Луганской и Донецкой областями как антитеррористической операции.

Для эффективного глобального противодействия экстремизму и терроризму необходимо согласование различных юридических платформ. Казахстан, лидер по антитеррористическим инновациям в 2016 г. например, поступил следующим образом: за основу были взяты шанхайские соглашения о коллективной безопасности, затем принят Закон по противодействию экстремизму и терроризму, который включает обязательную регистрацию мигрантов, усиленный контроль за оборотом оружия, административная ответственность охранных структур и владельцев объектов, уязвимых в террористическом отношении. После этого был принят новый Уголовный кодекс и Гражданский кодекс. Все эти виды нормативно-правовых актов исходят из одного модельного закона с одним пониманием терроризма и экстремизма. Модельное законодательство является частью концепции комфортного законодательства или согласованного на всех уровнях, подготовленного заранее и принятого сразу вместо законодательства *ad hoc*. Несомненно, такая идея когерентного права, лишённого внутренних противоречий прекрасна, но она разбивается о краеугольный камень антиномий, из которых соткана жизнь. Поэтому подобные планы «комфортного законодательства», «закона о правилах принятия всех законов» не реалистичны. Трезвое понимание неуправляемой динамики общественной жизни мы находим в англосаксонской системе права, вообще отказавшейся от кодификации норм и вменившей формулировку судебных решений в компетенцию эксперта.

В условиях кризиса больших нарративов, закон берёт на себя функции метанаррации, создания единых ценностных требований. В традиционном обществе роль метанарративов выполняли священные писания, в царской России – нарратив «православие, самодержавие, народность», в советском обществе – учение о коммунизме. Сегодня от них остались лишь винтажные и ретро наррации «великой династии Романовых», «великого советского прошлого». В условиях эксфолиации этноконфессиональных и иных нарративов возрастает потребность в государственной политике создания единого ценностно-смыслового пространства через образование, право, медиасферу.

Интернет представляет сегодня быстрый способ распространения идей и ресурсов терроризма / экстремизма. Соответственно, наша деятельность по противодействию насилию против граждан ради достижения политических целей должна учитывать все новые медиа.

Тяпин И. Н.

ФИЛОСОФИЯ И СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В «ИНФОРМАЦИОННУЮ» ЭПОХУ

Тяпин Игорь Никифорович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Вологодский государственный университет» (ВоГУ), Вологда, Россия.

E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Аннотация. Для России в современных условиях основной задачей является сохранение цивилизационной идентичности и суверенитета. Для достижения цивилизационной идентичности является целесообразным применять геополитический подход и достижения отечественной геополитической школы. В настоящее время задачей минимум может являться интеграция части постсоветского пространства, задачей максимум – объединение цивилизаций в единый Евразийский континентальный блок для восстановления цивилизационного баланса.

Tyapin I. N.

PHILOSOPHY AND STRATEGY OF RUSSIAN GEOPOLITICS IN THE “INFORMATION” EPOCH

Tyapin Igor Nikiforovich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Vologda State University (VOGU), Vologda, Russia.

Abstract. For Russia in modern conditions, the main task is to preserve civilization identity and sovereignty. To achieve a civilizational identity, it is

advisable to apply a geopolitical approach and the achievements of the domestic geopolitical school. At present, the minimum task may be the integration of part of the post-Soviet space, the maximum task is to unite civilizations into a single Eurasian continental block to restore civilization balance.

Главными особенностями современных международных отношений выступают повышение накала конкуренции между цивилизациями и мир-системами, предельное приближение к «точке бифуркации» утверждения в качестве общемировой политической модели либо тоталитарного глобализма, либо многополярного плюрализма. Концепция «информационного» («сетевое», «цифрового») общества и соответственно «информационной» эпохи восходит к более ранним вариантам постиндустриализма, направленным на легитимизацию сверхгосударственного глобально-капиталистического уклада, в свою очередь предполагающего устранение национальной государственности и культурного многообразия, а также переход (квази) сословного неравенства в технобиологическое. В этих условиях императивным принципом выживания является сохранение цивилизационной идентичности и суверенитета. Для России, находящейся в ситуации беспрецедентного политического и экономического давления, инструментом которого является практика репрессивных социальных проектов и гибридных (в том числе информационных) войн, это объективно становится центральной проблемой.

Достижение цели сохранения цивилизационной идентичности требует применения в качестве методологического принципа системного подхода, подразумевающего в т.ч. синтез научной и венаучной рациональности. *Геополитика* представляет собой пример органичного соединения собственно научного знания и идеологических построений. Геополитические доктрины выступают прямым выражением национальных идей. Как *геостратегия* – выбор направлений внешнеполитической деятельности – геополитика имеется в явном или неявном виде у любого государства, завися от понимания руководством страны национальных интересов и приоритетов, характера и географического распределения угроз безопасности страны.

Геополитический подход объективно имел громадное значение для определения целей внешней политики России в прошлом и настоящем. Как указывает А.И. Фурсов, «в русской истории пространство играет особую роль. По сути, именно оно (количество и качество, т. е. как тип ландшафта) – одно из главных, если не главное, богатство (и оружие) русских. И уж точно главная русская субстанция, по поводу которой складываются властные и социальные отношения. С этой точки зрения защита русского пространства есть автоматически

защита властной и социальной организации – и наоборот». Действительно, континентальное евразийское ядро оставалось единым целым, какой бы ни была приписываемая ему роль в геополитической системе.

Традицию российской геополитической школы сформировали в XIX – начале XX в. главным образом мыслители славянофильского и охранительного направлений, заложившие основы т.н. *Русской идеи*. Выработанные ими категории «соборности», «народности» дали толчок пониманию роли общинного строя как этнопсихологической основы России. Осознав же особость России в мире, консерваторы осознали и неизбежность ее противостояния Западу, того, что *противоречия между Россией и Западом на уровне цивилизационных принципов имеют неразрешимый характер*, а потому и провозгласили тезис о возможности (и обязанности) для России стать духовно-политическим лидером человечества.

Н.Я. Данилевский разработал проект Всеславянской православной Федерации. Р.А. Фадеев предложил методы геополитического противоборства с Австрией, Пруссией и Англией. К.Н. Леонтьев призывал к развитию оригинальной славяноазиатской цивилизации из двух частей: *России-империя* с административной столицей в Киеве и *России – главы Великого Восточного Союза* с культурной столицей в Константинополе. И. А. Ильин определял Россию как «географический организм больших рек и удаленных морей» (за выход к которым нужно бороться), оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия, подчеркивая, что попытки расчленения ее организма всегда были причиной и симптомом мирового кризиса. Евразийцы (*Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев* и др.) переработали категорию «Сердца Земли» Х. Маккиндера («Степная полоса – становой хребет истории») в понятие «Евразии в узком смысле» («исторической Евразии») в отличие от «Евразии географической». Историческая Евразия – это *место развития* (евразийский термин) *Континентальной* цивилизации, во всех своих основах противоположной цивилизации *Океанской*. Границы евразийского месторазвития в целом совпадают с границами Российской империи и СССР.

Сужение российского геополитического пространства после краха СССР, оттеснение России в северо-восточную часть Евразии резко уменьшило ее ресурсную базу и геополитический потенциал. Россия оказалась окруженной государствами, находящимися под влиянием США и ее сателлитов. Прежняя «стратегия анаконды» предполагает ныне постепенное сжимание петли на всем пространстве бывшего Советского Союза с целью расчленения России по аналогии с СССР и

превращения осколков ее государственности в колониальное экономическое пространство.

В такой внешнеполитической ситуации совершенно закономерным явлением выглядит возрождение российской геополитической школы, представленной неевразийством (А.Г. Дугин и др.), концепциями сторонников правого традиционализма (В.Н. Осипов, Е.С. Холмогоров, Н.А. Нарочницкая) и национального социализма (С.Н. Бабурин). Научно-философское осмысление геополитической истории и современного состояния России с позиций обеспечения национальной безопасности и стратегических интересов также осуществлено в работах И.Ф. Кефели, М.В. Ремизова, В.В. Денисова, Н.С. Розова, А.С. Владыцкого, Л.Г. Ивашова, Н.В. Лукьяновича и др.

Современная российская геополитика отталкивается от понятия «Русский мир», обозначающего культурно-историческую общность, выходящую за рамки национальных государств и политических систем, основанную на отличной от других системе ценностей и интересов. Пространство Русского мира обычно определяется как почти вся территория бывшего СССР, а также Сербия и Черногория (несмотря на произошедшую в этих странах смену элит), а его политическим ядром потенциально выступает Союзное государство России и Белоруссии, с условием его превращения из аморфного образования в дееспособный политический субъект, отвергающий глобалистическую унификацию. Проект *империи Русского мира* означает власть справедливую, при которой каждому человеку гарантируются возможности для всестороннего развития, не за счет других людей, а вместе с ними. Неуклонное сокращение пространства Русского мира происходит из-за игнорирования его потенциала официальной властью.

Геополитический идеал российской мысли претерпел некоторую трансформацию по мере изменения исторической ситуации и государственной эволюции. Вместе с тем его сущностные черты за последние полтора века остались прежними. Фундаментальным принципом выступает *защита своего геополитического пространства от давления атлантической цивилизации ради реализации модели справедливого социального устройства, национального освобождения и нравственного преобразования человечества*. Идеологически геополитическое восстановление должно опираться на тезис о том, что расширение Российского государства объективно отвечало потребностям организации системы стабильной хозяйственной деятельности, интересам безопасности и духовного развития проживавших на евразийских пространствах этносов через их приобщение посредством русской культуры к мировым ценностям.

Сегодня для России геополитическая *задача-минимум* – интеграция хотя бы части постсоветского пространства. Здесь всё еще вероятным (требующим только минимальной политической воли) шагом могло бы стать образование *Русской конфедерации* в составе Российской Федерации, Белоруссии и Новороссии (хотя бы в пределах сегодняшних ДНР и ЛНР). Необходимо использование различных форм контроля над пространством бывшего СССР, внятное дипломатическое признание пророссийских автономий (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), реальная поддержка русских диаспор. *Задача среднего уровня* – формирование очагов геополитического контроля в пространстве Восточного и Западного полушарий. Здесь очень важно: а) по возможности расшатывать единство организации геополитических противников (например, стран ЕС), пользуясь их реальными проблемами и противоречиями; б) укреплять отношения со странами «сопротивления» – Ираном, Индией, Китаем, Сирией, Вьетнамом, Кубой, Венесуэлой и др. *Задача-максимум* (которую не решить без первой и второй задач) – объединение Евразийской, Африканской, Исламской, Индостанской и Дальневосточной цивилизаций в единый Евразийский континентальный блок для восстановления цивилизационного баланса.

Федоров Р. В.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Федоров Роман Валентинович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И.Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: eltech@ro.ru

Аннотация. Рассматривается приоритет геополитических парадигм в формировании «Стратегии национальной безопасности».

Fedorov R. V.

GEOPOLITICAL PARADIGMS AND THEIR REFLECTION IN THE NATIONAL SECURITY STRATEGY

Fedorov Roman – Ph. D. (Philosophy), associate professor, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The priority of geopolitical paradigms in formation of the National Security Strategy is considered.

В системе международных отношений взаимодействие субъектов, которые в разной степени вовлеченности участвуют в разрешении конфликтов, отличается сложным переплетением государственных интересов в конкретной исторической ситуации. С другой стороны, количество акторов имеющих реальную возможность корректировать ход исторического развития всегда был ограничен. Степень воздействия на расстановку сил в ограниченном (по меркам истории) временном диапазоне будет зависеть не только от наличия соответствующих ресурсов, которые будет необходимо задействовать для изменения вектора развития ситуации в предпочтительном для актора направлении. Помимо наличия политической воли для осуществления намеченных целей, конкретные действия будут определяться готовностью задействовать как военный, так и экономический потенциал страны с учетом издержек последнего. Поскольку у любого государства не может быть нелимитированных ресурсов, их использование будет зависеть от понимания задач национальной безопасности в широком диапазоне, начиная от научно-технического до культурно-идеологического. Способы воздействия будут производны от понимания значимости существующих задач. Но, в любом случае, они будут определяться в контексте принятой концепции национальной безопасности.

Концепция национальной безопасности, дает оценку существующему status quo в системе межгосударственных отношениях. Так же она подтверждает и, при необходимости, корректирует стратегические цели в долгосрочной перспективе. В ней отражаются понимание управляющей элиты меняющиеся исторические реалии. В этом отношении сама концепция не является статичной, так как приоритеты в системе взаимодействий между акторами на мировой арене могут кардинально меняться. Эти изменения могут происходить не только из за смены политических предпочтений конкурирующих в геополитическом пространстве государств, но и благодаря трансформации в самой стране политических и социальных институтов. В этом смысле, концепция национальной безопасности позволяет тактически варьировать применяемыми средствами, с учетом имеющихся ресурсов, не подвергая кардинальному пересмотру основные геополитические установки.

Несмотря на возможное изменения акцентов в стратегии национальной безопасности, она опирается на геополитические парадигмы, в которых зафиксировано осознание глобальных задач, стоящих перед конкретным субъектом мирового исторического процесса.

Наглядным примером может служить стратегия национальной безопасности США. В ней в концентрированном виде представлен

приоритет геополитических парадигм в подходе к отстаиванию своих национальных интересов, сформулированы ценностные установки и алгоритмы предотвращения внешних и внутренних угроз. За последние 30 лет было представлено 17 разработок Стратегий национальной безопасности (администрацией Р. Рейгана (1987 г., 1998 г.), Дж. Буша (1990г., 1991г., 1993г.), Дж. Клинтона (1994 г., 1995 г., 1996 г., 1997 г., 1998 г., 1999 г., 2000 г.) , Дж. Буша младшего (2002 г., 2006 г.), Б. Обамы (2010 г., 2015 г), Д. Трампа (2017 г.)).

На обязательность долгосрочного геополитического планирования обращал внимание в своих последних работах З. Бжезинский. Альтернативой конструктивной и долгосрочной стратегии, может быть только вариант программы, основанный исключительно на военных и идеологических соображениях. В этом случае, « желание достижения асимметричной цели в одностороннем порядке будет лишь бессмысленной и самоубийственной тратой времени и ни к чему не приведет» [1].

По мнению ряда аналитиков, текущей Стратегии национальной безопасности не хватает именно стратегической глубины прогноза. «Несмотря на официальную стратегию национальной безопасности, обнародованную в декабре 2017 года, администрации по-прежнему не хватает согласованной стратегической основы, определяющей приоритеты национальной безопасности. Если быть более точным, то администрация еще не определила американских приоритетов серьезным аналитическим образом и действовала так, как будто Соединенные Штаты могут избежать трудного выбора и риска потенциально дорогостоящих непреднамеренных последствий» [2].

Критика отдельных положений той или иной ранее принятой стратегии, не отменяет того факта, что объединяющим принципом для всех их является принцип безусловного лидерства США в мире. «Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать» [3].

Можно констатировать, что геополитические парадигмы элит США остаются неизменными, что получает свое отражения в основных принципах, закрепленных в Стратегии национальной безопасности. С другой стороны, Концепция национальной безопасности Российской Федерации, принятая в декабре 1997 г. [4] по целому ряду параметров изменилась кардинально. Объективное положение дел , а не иллюзорные политические схемы, заставляет вернуться к пониманию реальных геополитических интересов. Это нашло отражение в последней принятой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5] где убраны положения о создании общих про-

странств в вопросах внешней и внутренней безопасности с Западными « партнерами », достижения равноправного стратегического партнерства с США.

Реальная геополитические стратегии применяемые по отношению к России нашли свое отражение следующих законодательных инициативах: О создании национального российского центра реагирования на угрозу в рамках управления национальной разведки и для других целей (15 июня 2017 г.) [6]; ЗАКОН с целью обозначить позицию Конгресса и противодействовать агрессии Правительств Ирана, Российской Федерации и Северной Кореи, а также для иных целей (Закон США о санкциях H.R. 3364 от 25 июля 2017 г.) [7]. Смысловое содержание законопроекта внесенного 2 августа 2018 г. в Сенат лучше всего характеризует его краткое название – Защита американской безопасности от акта Кремлевской агрессии 2018 года [8].

Все это показывает необходимость ясного и четкого артикулирования геополитических интересов России. Как показывает исторический опыт тот, кто не имеет собственной стратегии, вынужден будет подчиняться чужой, а следовательно, он будет проигрывать и в тактике.

Библиографический список:

1. Zbigniew Brzezinski Toward a Global Realignment// The National Interest . July/August 2016 URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/>

2. Dimitri K. Simes A Trump Foreign Policy// The National Interest. № 156 July/ August 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/trump-foreign-policy-26312>.

3. National Security Strategy . February 2015 // National Security Strategy Archive/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>.

4. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300

Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>

5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 2.09.2018)

6. A Bill To Amend The National Security Act Of 1947 To Establish The National Russian Threat Response Center Within The Office Of The Director Of National Intelligence, And For Other Purposes// U.S. Government Printing Office. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr2924ih/pdf/BILLS-115hr2924ih.pdf>

7. To provide congressional review and to counter aggression by the Governments of Iran, the Russian Federation, and North Korea, and for other purposes. H.R. 3364 // U.S. Government Printing Office. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr3364eh/pdf/BILLS-115hr3364eh.pdf>

8. To strengthen the North Atlantic Treaty Organization, to combat international cybercrime, and to impose additional sanctions with respect to the Russian Federation, and for other purposes. August 1, 2018 // Congress.Gov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3336/text?q=%7B%22search%3A%5B%22S.3336%22%5D%7D&r=1>

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Смирнова Т. М.

ИСТОРИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, кафедры истории и философии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: mokva@inbox.ru

Аннотация. Важной задачей преподавания предмета «История» является вовлечение студентов в непосредственный процесс исторического исследования на доступном каждому материале, указание взаимосвязи между семейными событиями и событиями в стране. Выполнение задания «История на моей улице» инициирует краеведческий интерес и способствует возникновению чувства историзма.

Smirnova T. M.

HISTORY AS AN APPLIED DISCIPLINE

Smirnova Tamara Mikhailovna – Doctor of Letters, Professor, Department of History and Philosophy, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Abstract. An important task of teaching the subject “History” is to involve students in the direct process of historical research on the material available to each of them, indicating the relationship between family events and events in the country. The fulfillment of the task “History in my street” initiates a local lore interest and contributes to the emergence of a sense of historicism.

1. Относительно недавно появилось новое направление в исторической науке – прикладная история, что понимается как выведение истории из академических и университетских кабинетов «в люди», то есть на широкую публику, с соответствующей адаптацией для массового сознания. Это не просто вариант популяризации истории – традиция, которая никогда не прерывалась. В принятой трактовке актуализируется технология воздействия историей на общество, использование истории в идеологических и политических целях. И в этом также нет новизны, ибо история (точнее, ее трактовка, то есть историография) всегда являлась самой политизированной наукой,

зависела от политической конъюнктуры и «колебалась вместе с линией партии». Показать различия между историческими событиями и их трактовкой – важная задача преподавания истории в вузе.

2. Изучение истории в российских вузах как обязательного гуманитарного предмета на непрофильных направлениях профессиональной подготовки встречает известное непонимание и часто воспринимается студентами в качестве обузы. Для преодоления такого восприятия необходимо вовлечь студентов в непосредственный процесс исторического исследования на доступном каждому материале. Речь идет об изучении семейной истории в контексте истории страны. Выявление этой взаимосвязи, осознание личной исторической субъектности – важная веха в формировании личности студента, приобщение к национальной и общечеловеческой общности.

3. Понятие хронотопа, введенное А.А. Ухтомским («закономерная связь пространственно-временных координат», «спаянность пространства и времени»), широко используется и в гуманитарной сфере. Осознание того, что любое событие прошлого происходило в определенном месте, и наоборот, что каждое место в окружающем нас пространстве связано с историей, большой или малой, позволяет ощутить историю как перманентный и всепроникающий процесс. Выполнение задания «История на моей улице» инициирует краеведческий интерес и способствует возникновению чувства историзма.

Выжлецова Н. В.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, кафедра рекламы и современных коммуникаций, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: maus72@mail.ru

Аннотация. Сопоставляются предметные области культурной, социальной, социокультурной антропологии и культурологии. Предметом социокультурной антропологии в настоящее время выступает исследование культурных различий и сходств, которые рассматриваются в ракурсе достижения людьми идентичности. Культурология, имеющая генетическую связь с антропологией, продолжает свое становление в России в качестве интегративной дисциплины и претендует на поглощение антропологического знания. Предметом культурологии являются как отдельные типы (формы) культуры,

так и специфически человеческие особенности, общесистемные свойства, характеристики культуры как целостного феномена.

Vyhletsova N. V.

COMPARISON OF SUBJECTS OF SOCIO-CULTURAL ANTHROPOLOGY AND CULTUROLOGY

Vyzhletsova Natalya Viktorovna – Ph. D. (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Advertising and Modern Communications, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Email: maus72@mail.ru

Abstract. The subject areas of cultural, social, sociocultural anthropology and cultural studies are compared. The subject of sociocultural anthropology at the present time is the study of cultural differences and similarities, which are considered from the perspective of people's achievement of identity. Cultural studies, which have a genetic connection with anthropology, continue their development in Russia as an integrative discipline and claim to absorb anthropological knowledge. The subject of cultural studies is both individual types (forms) of culture and specifically human characteristics, system-wide properties, characteristics of culture as an integral phenomenon.

На основе культурной (социальной) антропологии как самостоятельной научной дисциплины в первой половине XX в. формируется культурология. Само понятие, как известно, ввел В. Оствальд («Энергетические основы науки о культуре», 1909). Однако родоначальником культурологии принято считать Л. Э. Уайта, который в своей «Науке о культуре» (1949) смог «впервые определить предметное поле культурологии, обосновать использование термина «культурология» для науки о культуре и предложить основной подход, позволяющий исследовать культуру человечества как целое – системный» [1, с. 751].

Предмет культурной, социальной, социокультурной антропологии. А. и Дж. Куперы отмечают, что наименование «культурная антропология» используется, главным образом, в Соединенных Штатах «для обозначения той отрасли антропологии, которая изучает человека (т. е. людей) как социальное существо, а также скорее благоприобретенные, чем генетически передаваемые формы поведения» [2, с. 7].

Р. Борофски выделяет объекты изучения и через них обозначает предметное поле исследований культурной антропологии: «Традиционными объектами антропологических исследований являются народы, находящиеся под политическим контролем западных элит – либо в таких отдаленных регионах, как Африка или Папуа-Новая Гвинея, либо таких, как резервационные группы американских индейцев или сельские общины европейских крестьян. Эта традиция

в определении предметной области антропологии в целом сохраняется и сегодня. Ученые в своих исследованиях склонны фокусировать внимание на “жертвах несправедливости”, т. е. на тех, кто наделен меньшей силой и находится на большом удалении от центров западной политической и экономической власти. При этом антропологи обычно стремятся так описывать эти народы, чтобы подчеркнуть свое уважение к ним» [2, с. 14].

Д. Маркус, как и ряд других ученых, выступает уже с позиций социокультурной антропологии, подчеркивая определенную условность нового термина: «Традиционно в США она именовалась “культурной антропологией”, но поскольку в отдельных центрах и среди отдельных ученых все же предпочиталось название “социальная антропология”, я буду условно называть ее здесь социокультурной антропологией» [2, с. 46].

В итоге, согласно Леви-Строссу, «провозглашает ли себя антропология “социальной” или “культурной”, она всегда стремится к познанию человека в целом, но в одном случае отправной точкой в его изучении служат его изделия, а в другом – его представления» [3, с. 373].

В 1990-е годы Р. Борофски представляет обзор состояния антропологической науки и приводит следующую точку зрения: «... как отмечает Блох, нынешнее различие между британской социальной антропологией и американской культурной антропологией “не является абсолютным”, эти две ветви одной дисциплины традиционно делали ... акцент на разные области исследования: в первом случае это “социальная структура”, а во втором – “культурные модели” ...» [2, с. 6].

«В 2000-е годы четко обозначилась тенденция к расширению предметного поля антропологии и объединения ее «ветвей» под знаком термина «социокультурная антропология». Это можно понять так: социальный аспект антропологии предполагает изучение, в частности, семьи и способов взаимодействия между ее представителями, а культурная составляющая обозначает исследование знаково-символических форм общения между ними» [4, с. 105].

В настоящее время современные культуры как Западной Европы, так и США вошли в число новых объектов антропологического изучения.

Предмет культурологии. В «Системе наук» (1915) В. Оствальд определил культуру как «специфически человеческие особенности, отличающие род *Homo sapiens* от прочих животных видов» [цит. по: 5, с. 1069]. Область исследований культуры он предложил называть культурологией (*die Kulturologie*) или «наукой о цивилизациях».

По Л. Э. Уайт культурология – это «отрасль антропологии, которая рассматривает культуру (институты, технологии, идеологии) как са-

мостоятельную упорядоченность феноменов, организованных в соответствии с собственными принципами и существующих по собственным законам» [6, с. 162].

Российский антрополог Белик А. А. считает, что предметом культурологии могут быть как «различные формы культуры, основанием для выделения которых являются время, место распространения или религиозная ориентация», так и «теории культуры, разработанные в художественной форме (изобразительное искусство, скульптура, музыка), в литературе, в качестве элементов философских систем» [7, с. 11].

По мнению культуролога, философа Ю. В. Осокина культурология применяет системный подход к изучению культуры как системы уникальной природы. «Объект культурологии – культура как опыт видового существования человека. Предмет культурологии – общесистемные свойства, качества, характеристики культуры и их непосредственные, конкретные проявления» [5, с. 1074].

Культуролог А. Я. Флиер определяет культурологию как интегративную междисциплинарную область знания и, в том числе, как интеллектуальную тенденцию познания культуры «не только как предметной области, но и в значительной мере как проблемного поля смыслов коллективного человеческого существования» [8, с. 17].

Выводы. Таким образом, предметом социокультурной антропологии в настоящее время выступает исследование культурных различий и сходств, которые рассматриваются в ракурсе достижения людьми идентичности. При этом, в частности, «... идентичность – способ, с помощью которого человек сам определяет свою принадлежность к некоей общности» [9, с. 15]. Предполагается, что указанная человеческая *общность* наделена совокупностью *культурных черт* или признаков, носителями которых выступают конкретные люди. В качестве культурных признаков выделяют: одежду, утварь, верования, особенности искусства и др.

Предметом культурологии являются как *отдельные типы (формы) культуры*, так и *специфически человеческие особенности, общесистемные свойства, характеристики культуры как целостного феномена*.

Итак, социокультурная антропология и культурология связаны «родственными» отношениями. «Американская традиция в культурологии сложилась на базе социальной и культурной антропологии и основана на применении методов этнологии и этнографии к современной культуре». Немецкая школа культурных исследований (Kulturforschung) в «духе национальной традиции более базируется на философских основах» [10, с. 5].

Однако именно в России культурология, став интегративной междисциплинарной областью знания о целостном феномене культуры (А. Я. Флиер) и системной рефлексией о культуре как целостности (С. Н. Иконникова), претендует на то, чтобы, как некогда рассуждал Дж. Фейблман, «вобрать в себя множество наук», в том числе и социокультурную антропологию, и «объединить их в единую великую науку» [5, с. 1072].

Библиографический список:

1. Мостова Л. А. Уайт Лесли Элвин // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М., 2007. С. 749–752
2. Борофски Р. Введение к книге: «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 3–18.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
4. Выжлецов П. Г., Выжлецова Н. В. Структурно-функциональный анализ общества и культуры А. Р. Рэдклифф-Брауна // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Вып. № 2 (20). – 2018. – СПб., 2018. С. 91–108.
5. Осокин Ю. В. Культурология // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М., 2007.
6. Работы Л. А. Уайта по культурологии: Сб. переводов / сост. Лазарева Е. М., Левит С. Я. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 169 с.
7. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: РГГУ, 2000. – 241 с.
8. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: МГУКИ, 2009. – 705 с.
9. Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. – М.: Весь мир, 2004. – 216 с.
10. Теоретическая культурология / Ахутин А. В., Визгин В. П. и др.; отв. ред. Румянцев О. К. М. – М.: Академический Проект: Екатеринбург: Деловая книга: РИК, 2005. – 624 с.

Агапудов Д. В.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Агапудов Денис Викторович – аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: denis11992@yandex.ru

Аннотация. В работе обращается внимание на то, что решение проблемы соотношения информации и знания лежит в осознании феномена информа-

ции не только как технически организованного научного знания, но и в качестве некой, подлежащей аксиологическому измерению, формы реальности. Формирование информационной культуры в будущем должно быть направлено не только на ускорение интеллектуализации, но и на формирование нравственной парадигмы развития. Информационные потребности и интересы человека должны формироваться под воздействием доминанты этической и социальной ответственности.

Agapudov D. V.

INFORMATION CULTURE AS A FACTOR OF INTELLECTUALIZATION OF MODERN SOCIETY

Agapudov Denis Viktorovich – Ph. D. post-graduate student, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The paper draws attention to the fact that the solution to the problem of the correlation between information and knowledge is in the awareness of the phenomenon of information not only as a technically organized scientific knowledge, but also as a form of the reality to be measured axiologically. The formation of information culture in the future should be directed not only to intellectualization accelerating, but also to forming a moral paradigm of development. Information needs and interests of a person should be created by the dominant of ethical and social responsibility.

XXI век – это эпоха постиндустриального, или информационного общества. В этом обществе происходит информатизация всех сфер общественной жизни. Следствием информатизации является появление всё нарастающего количества информации.

Информация сегодня считается основным ресурсом. Одно из определений информационного общества описывает его как «общество, находящееся на ступени развития современной цивилизации, характеризующейся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий, информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте, созданием глобальной информационной инфраструктуры, обеспечивающей информационное взаимодействие людей, их доступ к информации и удовлетворение их социальных и личностных потребностей». Для того, чтобы успешно справляться со всеми вышеназванными задачами, в обществе начинает формироваться новый тип культуры: информационная культура.

Было совершено огромное количество попыток объяснить, что такое информационная культура. Т.Н. Соснина и П.Н. Гончуков характеризуют её как «специфический уровень развития конкретных обществ, неразрывно связанный с содержательной стороной субъект-субъектных и объект-объектных отношений, зарегистрированных

при помощи различных носителей». Полякова Г.С. считает, что информационная культура «как специфическая часть общей культуры есть одновременно исторически обусловленные уровень, способ (метод) духовно-практического освоения действительности, зафиксированные и передаваемые от поколения к поколению посредством различных материальных носителей». Информационная культура рассматривается как часть культуры человека, и она призвана гармонизировать внутренний мир личности во время работы с информацией любого типа и способствовать лучшему пониманию данной информации.

Можно привести большое количество примеров, которые подтверждают данную функцию информационной культуры. Человек в современном мире ежедневно сталкивается с новыми технологиями. Объём существующей информации каждые 7 лет увеличивается в два раза. У каждого из нас есть доступ в интернет. Подавляющее большинство жителей планеты имеют аккаунты в социальных сетях, мессенджерах, они так же имеют электронные почтовые адреса и номера мобильных телефонов. Для доступа к данным видам коммуникации каждый может использовать смартфон, планшет, ноутбук или компьютер. Всё это подтверждает возможность выхода личности в информационное бытие. При этом, необходимым условием для нового типа мышления будет самообучение, саморазвитие человека, направленное на работу с всевозможной информацией и зависящее от неё. Формирование зрелой и динамичной картины мира так же является одним из основных духовных достижений личности.

В развитых странах положение науки и научного знания способствует процессу профессионализации и специализации научной деятельности. Таким образом повышается влияние и значимость систем образования и воспитания, как инструментов, используемых для повышения уровня интеллекта. В современном информационном мире интеллектуализация наиболее ярко отражает те изменения, которыми обусловлена жизнедеятельность человека. Интеллектуализацию можно рассматривать как социально-психологическое следствие овладения человеком результатами научно-технической революции.

В наше время основные характеристики общества определяются исходя из уровня его интеллектуального развития, и становится актуальной проблема соотношения информации и знания. Эта проблема наблюдается при попытке сформулировать социально приемлемые принципы организации общества, что непосредственно влияет на формы и образование социальных структур, социальных слоёв общества и образа жизни.

Решение проблемы соотношения информации и знания лежит в осознании феномена информации не только как технически организованного научного знания, но и в качестве некой, подлежащей аксиологическому измерению, формы реальности. Формирование информационной культуры в будущем должно быть направлено не только на ускорение интеллектуализации, но и на формирование нравственной парадигмы развития. Информационные потребности и интересы человека должны формироваться под воздействием доминанты этической и социальной ответственности.

Подводя итог, стоит сказать, что во время обсуждения проблем человека и форм его существования в современном информационном обществе даётся много оценок. Тем не менее, основные трудности в данном случае вызывает неясность перспектив развития самого информационно-технического мира.

Белоусова М. М.

МЕТРОПОЛИТЕН В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Белоусова Маргарита Михайловна – студентка гуманитарного факультета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: buduwie@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена изучению метрополитена как хранилища и транслятора культурных ценностей и социальных норм. На примере практик пользования метрополитеном рассматривается влияние общественного транспорта на формирование городской культуры.

Belousova M. M.

METRO IN THE SYSTEM OF CULTURAL COMMUNICATION

Belousova Margarita Michaylovna – Student, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Faculty of Humanities, Saint Petersburg, Russia.

Abstract: The article deals with the study of subway as a cultural values and social norms medium. We have reviewed the influence of public transport on the formation of urban culture based on the example of rapid subway transport use.

Метрополитен – это не только транспорт, обеспечивающий перевозками мегаполис, но и важная составляющая культуры современ-

ного города. Помимо транспортировки людей эта инфраструктура является транслятором ряда культурных ценностей и социальных норм. Действительно, с одной стороны, метрополитен представляет собой сеть транспортных путей и станций, каждая из которых обладает своими чертами. Из этих черт складывается целостный облик «городского метро». С другой стороны, едва войдя в вестибюль любой станции, мы оказываемся под пристальным вниманием камер наблюдения, и наши действия и движение подчиняются холодной регуляции автоматических систем. Оба аспекта составляют единый коммуникативный процесс, направленный на пользователя метрополитена и имеющий вид «информирования». В связи с этим, изучение социокультурного значения метрополитена представляется важной задачей для культурологии города.

Выступая в роли хранилища различного рода смыслов и значений, метро стало важным фактором формирования городской культуры. Открывшись впервые в Лондоне в 1863 г., постепенно распространившись по городам и странам, метро производит один из важнейших городских переворотов современности, меняя логику устройства города. Технологизация городского пространства, создание масштабного многоуровневого города за счет освоения ранее не задействованных пространств, внедрение новых скоростных режимов и передовых технологий – эти и многие другие изменения определяют значение метро в городской жизни.

Метрополитен в разные периоды своей истории имеет разный вид и по-разному представляется в культуре. Его образ во многом зависит от системы культурных ценностей: где-то это может быть история и традиции, где-то свобода и творчество, где-то прагматизм и простота. Например, в советское время метрополитен был инструментом пропаганды, утопия сталинского метро была связана с пониманием коммунизма как новой религии: «Московский метрополитен выходит далеко за рамки обычного представления о техническом сооружении. Наш метрополитен есть символ строящегося нового социалистического общества...»[2]. Зачастую мегаполисы используют метрополитен, его отдельные технологии в целях сохранения своей репутации передовых городов, а не для решения практических задач. Так, в 1900г. в Париже, уже располагавшем трамваем и пригородной железной дорогой, метро строилось специально к Всемирной выставке. Наличие такого высокотехнологичного транспорта само по себе символизирует как высокую городскую культуру, экономику и промышленность, так и уровень жизни горожан.

Образ метрополитена отсылает нас к идее коллективности, где «подземка» – это пространство, в котором нивелируются границы

между индивидами и социальными группами. Спускаясь в метро, человек становится частью толпы, составляющей пассажиропоток. Г. Зиммель отмечал влияние мегаполиса на его жителей, говоря о растворении субъекта в крупном городе, «атрофии индивидуальной культуры вследствие гипертрофии объективной» [1; 12]. От стоимости поездки не зависит ни количество мест, ни степень комфорта. Так, в пассажиропотоке каждый отдельный человек – часть общего движения, и нарушение его негласных правил (медленная походка в «час-пик», отказ пройти в середину вагона и т. д.) влечёт за собой неодобрение со стороны других участников движения. Повышенная частота физических контактов и пространственная близость вынуждают жителей мегаполисов вырабатывать новые психологические и этические навыки в виде терпимости или отстраненности. Подобная унификация порождает мнение о том, что метрополитен является топосом маргиналов. Вестибюли станций, которые ранее воспринимались как подземные дворцы, трансформируются в коммунальные народные пространства, характеризующиеся рядом специфических практик (карманные кражи, попрошайничество, незаконная торговля, романтические знакомства, бытовые ссоры и др.).

Кроме того, метро выступает как медиум взаимодействия пассажиров, участвуя в социализации и приобретении навыков поведения посредством использования слуг метрополитена – пассажирам запрещается пользоваться неработающим эскалатором, заходить за ограничительную линию у края платформы, курить в вагонах; необходимо быть взаимно вежливыми и бережно относиться к оборудованию метрополитена и т. д. В этом случае метрополитен транслирует определенный культурный код.

Метрополитен на протяжении многих лет является самым популярным видом транспорта как в России, так и за рубежом. За время своего существования оно не утратило репутацию самого быстрого и безопасного общественного транспорта. При этом особенности практического использования и ответного воздействия технических транспортных систем на человека не достаточно осмыслены исследователями, а рядовыми пассажирами попросту не осознаются. Но это и средства регулирования пассажиропотока, и наблюдения за пассажирами, и правила поведения в вагонах, и протоколы транспортировки и т.п. Эта способность технических систем оставаться невидимыми в собственной искусственной среде определенным образом характеризует коммуникативность этих средств.

Библиографический список:

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – М., 2002. № 3 (34). – С. 23–34.
2. Рыклин М. Лучший в мире // Топос. 2005. 24 окт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/4123> (дата доступа 01.10.2018).

Васильева В. Н., Лобченко Л. Н.

**РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
И РАЗВИТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ**

Васильева Вера Николаевна – доктор социологических наук, профессор, кафедра философии, социальных наук и права социального обеспечения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», Мурманск, Россия.

E-mail: Vasilevavn99@mail.ru

Лобченко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории государства и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», Мурманск, Россия.

E-mail: l.lobchenko@mail.ru

Аннотация. В работе обращается внимание на необходимость более активного и полного информирования населения о современной экологической ситуации, что должно способствовать более глубокому осознанию и решению экологических проблем.

Vasilyeva V.N., Lobchenko L.N.

**THE ROLE OF INFORMATION IN THE FORMATION AND
DEVELOPMENT OF THE ECOLOGICAL CULTURE OF THE POPULATION**

Vasilyeva Vera Nikolaevna – Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Social Security Law, Murmansk Arctic State University”, Murmansk, Russia.

Email: Vasilevavn99@mail.ru

Lobchenko Lyudmila Nikolaevna – Ph. D. (History), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia.

Email: l.lobchenko@mail.ru

Abstract. The paper draws attention to the need for more active and complete informing the population about the current environmental situation, which should contribute to a deeper understanding and solution of environmental problems.

Расширение и развитие промышленного производства и хозяйствования по экстенсивному пути в XX веке стало причиной развития современного экологического кризиса. Данный процесс сопровождается прогнозируемым на ближайшие 100—150 лет истощением традиционных естественных энергетических ресурсов. Наряду с проблемами энергообеспечения появились масштабные нарушения экологических систем. Хотя биосфера обладает способностью к самовосстановлению, человек должен, во-первых, знать действительные пределы естественного биосферного равновесия и, во-вторых, владеть информацией о реально достигнутых показателях изменения окружающей среды.

Информация о состоянии окружающей природной среды и изменениях этого состояния широко и достаточно давно используется человеком в целях оптимизации своей деятельности. Это, в частности, подтверждается применением результатов метеорологических, фенологических, сейсмологических и некоторых других видов наблюдений и измерений состояния окружающей среды, которые на протяжении последних столетий стали регулярными во всем цивилизованном мире.

Данные мониторинга окружающей природной среды уже сегодня используются для обеспечения системы управления природоохранной деятельностью своевременной и достоверной информацией. Не меньшее значение для влияния на экологическую ситуацию с целью ее оздоровления наряду с единой государственной системой экологического мониторинга имеет деятельность СМИ, освещающих экологические проблемы и формирующих отношение населения к ним. Современные средства массовой информации – это проводник общепринятой культуры в обществе. В силу специфики их распространения они оказывают воздействие на массовое сознание людей, выступая основным институтом по формированию общественного мнения.

Современные средства массовой информации играют значительную роль в распространении экологических знаний среди населения. Предоставляемая СМИ экологическая информация, будучи доступной для широкой аудитории, служит природоохранным интересам общества. Цель экологической пропаганды в СМИ – это не только информирование о существовании экологических проблем, но и содействие повышению экологической грамотности, экологической культуры и экологической активности своей аудитории.

Имеющие место недостатки в освещении антропогенных воздействий на природу становятся препятствием для формирования высокого уровня экологической культуры у читательской и зритель-

ской аудитории. Просчеты СМИ в экологическом информировании продолжают оставаться весомой причиной сохранения благодушного отношения к существующим экологическим проблемам, выявляемых в процессе наблюдения и измерения метеорологических, фенологических, сейсмологических и некоторых других видов мониторинга состояний окружающей природной среды. Не преодолев недостатков в информировании населения, невозможно сформировать должный уровень экологической культуры у представителей всех социальных групп российского общества, предполагающий наличие позитивно-активных природоохранных установок у всех членов социума.

Итак, несмотря на то, что средства массовой информации вносят свой вклад в дело экологической пропаганды и экологического воспитания населения, сохраняющиеся недостатки в информационной деятельности журналистов действуют как фактор, обуславливающий серьезные просчеты в развитии экологической культуры. Эти недостатки в информировании становятся препятствием на пути к осознанию приоритетности экологических проблем.

Разумеется, адекватному осознанию экологических проблем, прежде всего, препятствует низкий уровень экономической обеспеченности значительной части российского населения. Экономические сложности жизнедеятельности значительной части российского населения, помноженные на просчеты СМИ в экологическом информировании, становятся весомой причиной сохранения благодушного отношения к существующим экологическим проблемам, выявляемых в процессе наблюдения и измерения метеорологических, фенологических, сейсмологических и некоторых других видов мониторинга состояний окружающей природной среды.

Сохранение недостатков в информировании населения является основной причиной индифферентного отношения к природе у значительной части россиян, больше думающих о материальном благополучии, а не о качестве окружающей природной среды. Без предоставления людям полной и достоверной экологической информации невозможно сформировать должный уровень экологической культуры и активно-позитивные природоохранные установки у представителей всех социальных групп российского общества.

Вержибок Г. В.

СРАВНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАЗНОПОКОЛЕННЫХ ГРУППАХ

Вержибок Галина Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.

E-mail: galina_minsk@mail.ru

Аннотация. В результате изучения и сравнение ценностей и культурно-ценностных ориентаций старшеклассников школ Беларуси и их родителей делается вывод, что различия в ценностных системах двух поколений не являются радикальными и лишь отражают изменчивость социокультурных условий и поиск адаптивных вариантов.

Verzybok G.V.

COMPARISON OF CULTURAL AND VALUE ORIENTATIONS IN DISPERSED GROUPS

Verhibok Galina Vladislavovna – Ph. D. (Psychology), Associate Professor, Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.

Abstract. As a result of the study and comparison of values and cultural and value orientations of high school students of Belarus and their parents, it is concluded that the differences in the value systems of two generations are not radical and only reflect the variability of sociocultural conditions and the search for adaptive options.

Каждое общество имеет свой уникальный набор ценностей, в котором отражается самобытность данной культуры. Кардинальные изменения в социально-политической, экономической и духовной сферах общества влекут за собой существенные изменения сознания и поведения людей, происходит переоценка и изменение иерархической системы ценностей. Отмечаются ценностный разрыв поколений и дисгармония межпоколенных связей, что приводит к нарастанию центробежных, разъединяющих тенденций, дестабилизации общественных отношений, нарастанию неопределенности в отношении важных нравственных ценностей, усилению непонимания [1]. Позитивное смещение у молодежи системы ценностей в сторону активности сопряжено с потерями гуманности и доверия, когда ценность иерархии возрастает, а равноправия – снижается [2].

Ценности служат основой и фундаментом всякой культуры (П. Сорокин), они никогда не выступают разрозненно и всегда образуют некую целостную систему. Ядро ценностной структуры составляет некий идеал – социально-политический и нравственный образ желаемого будущего. Механизм, который регулирует поведение человека

в обществе, является внутренним принятием ценностей через внешнее принуждение общественным мнением (Э. Дюркгейм). Ценностное действие соответствует «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг индивид (М. Вебер). Характерно представление о множественности культурно-исторических систем ценностей (М.С. Яницкий), выступающих как внутренний стержень любой культуры.

С одной стороны, ценности функционируют как объективные нормы и регуляторы социального поведения, с другой – являются субъективным отражением в сознании желаемого для индивида или группы. Ценности включены в мотивационную структуру личности, побудительные мотивы деятельности выстраиваются в своеобразную последовательность, где потребности преобразуются в интересы и затем переходят в ценности (В.А. Ядов). Они охватывают познавательную и эмоционально-чувственную сферы человека, его поведение, выступают в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров.

Сложная и неоднородная структура ценностей личности определяет наличие множества классификационных моделей, в которых определены терминальные и инструментальные ценности (М. Рокич), ценности бытия как высшие и дефицитные как регрессивные, защитные ценности (А. Маслоу), материалистические, физиологические и постматериалистические (присоединение либо саморазвитие) ценности (Р. Инглхарт) и др.

Одной из самых разработанных является модель ценностной системы Ш. Шварца, в которой показаны не только иерархия ценностей, но и динамические отношения между ними. Здесь ценности представляют собой когнитивные репрезентации трех универсальных человеческих потребностей – потребности индивидов как биологических организмов, координации социального взаимодействия, сохранения и благополучия социальных групп. Автор выделяет двенадцать мотивационных типов, представляющих собой базовые типы ценностей, которые разделены на две основных группы – как выражающие интересы индивида (власть, достижения, наслаждение, стимуляция, самоопределение) или группы (социальность, конформизм, традиции), и дополнительную – соединенные, двойные (безопасность, зрелость, социальная культура, духовность). К ценностям традиционной общности относятся ценности иерархии, социальной зависимости и духовной деятельности, к ценностям современного общества примыкают ценности равноправия, социальной автономности, профессиональной деятельности. Через социализацию и когнитивное

развитие люди учатся представлять эти потребности как определенные мотивационные тенденции и сознательные цели, дают ценности разную степень важности и используют их в процессе коммуникации как культурно разделяемые понятия.

Целью исследования является изучение и сравнение ценностей и культурно-ценностных ориентаций разнопоколенных групп – старшекласников и их родителей. Выборка исследования составила 100 чел., из них: ученики 10–11 классов СШ №44 г. Витебска и ученики 9–11 классов МГГУОР г. Минска(50 чел.), их родители (50 чел.). В работе применялся тест ранжирования системы ценностей (S.S. Schwartz) и опросник культурно-ценностных ориентаций (Ф.Клакхон и Ф.Стродбек, адапт.Л.Г. Почебут).Обработка данных производилась с помощью программы SPSS 19.0 (подсчет средних и различий: t-Стюдента).

Установлено, что наиболее высокие баллы у старшекласников и их родителей получили следующие ценности: традиционализм (соответственно, 44,96 и 49,22), альтруизм (30,18 и 30,5) и самодостаточность (28,98 и 29,76), низкие значения зафиксированы по ценностям доминирования (6,94 и 9,26) и аскетизма (10,6 и 12,1). Предпочтительны для обеих групп стали ценности современной культуры (2,52 и 2,56), но значимость традиционной культуры преобладает у родителей (1,34 и 0,88, $p \leq 0,06$), параметры развивающейся культуры принимаются в большей мере детьми (1,60 и 1,10, $p \leq 0,11$).

Для старшего поколения значимы ценности доминирования, духовной и природной гармонии, мастерства, традиционализма, старшекласники более высоко оценивают ценностидостижения, гедонизм и радикализм. В большей степени ценность традиционной культуры преобладает у родителей, параметры развивающейся культуры принимаются в большей мере детьми.

Следует заметить, что различия в ценностных системах двух поколений не являются настолько радикальными, чтобы говорить о конфликте между двумя поколениями. Скорее, это отражает изменчивость социокультурных условий и поиск адаптивных вариантов.

Библиографический список:

1. *Герцен, С.М.* Динамика ценностных ориентаций молодёжи в изменяющейся России (межпоколенный подход): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / С. М. Герцен; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2012. – 30 с.
2. *Ясин, Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей / Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 83 с.

Гусейнова З. М.

**П.И. ЧАЙКОВСКИЙ И Н.А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ:
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРЕПИСКИ**

Гусейнова Зивар Махмудовна – профессор, доктор искусствоведения, заведующая кафедрой истории русской музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: zivar-g@mail.ru

Аннотация. Переписка П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова сохраняет для нас характер личных и официальных отношений композиторов. Круг проблем, затрагиваемых ими в письмах, связан как с профессиональной деятельностью музыкантов, так и с актуальными вопросами современного русского и европейского искусства.

Huseynova Z. M.

**P.I. TCHAIKOVSKY AND N.A. RIMSKY – KORSAKOV:
FIRST PUBLICATION OF CORRESPONDENCE**

Huseynova Zivar Makhmudovna – Professor, Doctor of Art History, Head of the Department of the History of Russian Music, St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The correspondence between P.I. Tchaikovsky and N.A. Rimsky-Korsakov preserves for us the character of personal and official relations of the composers. The range of problems addressed by them in the letters is connected both with the professional activity of the musicians and with topical issues of contemporary Russian and European art.

Письма выдающихся русских композиторов имеют непреходящее значение в истории музыкальной культуры. Переписка, безусловно значимая сама по себе, как правило, в разное время вызывала неоднозначное отношение профессионалов и любителей музыки, а собственно подход к ее публикации менялся в зависимости от требований времени и информационных условий предполагаемых изданий.

Переписка П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова, небольшая по объему, сохраняет для нас характер личных и официальных отношений композиторов, круг проблем, затрагиваемых ими в письмах, связанных как с профессиональной деятельностью каждого музыканта, так и с актуальными вопросами современного русского и европейского искусства. Полностью переписка была опубликована в Полных собраниях сочинений композиторов, но отдельное воспроизведение писем в изданиях началось гораздо раньше, в частности,

в монографии М.И. Чайковского «Жизнь Петра Ильича Чайковского» (Москва–Лейпциг, 1903).

Замысел первой полной публикации переписки принадлежит сыну композитора, известному философу, музыковеду, текстологу Андрею Николаевичу Римскому–Корсакову (1878–1940), который в 1930-х годах, будучи сотрудником Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки (ныне – Российская национальная библиотека) предпринял большую работу по выявлению всех сохранившихся материалов переписки в государственных и семейных архивах, в том числе в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину. Данные документы включали не только тексты собственно писем двух композиторов, но и внушительный контекстный материал, содержащий обширную информацию, позволяющую создать полноценный научный комментарий к публикации писем. Выверенные и подготовленные к печати документы с уточнениями фактологического характера должны были, по замыслу исследователя, предваряться подготовленной им большой вступительной статьей, по сути – самостоятельным исследованием проблемы взаимоотношений П.И. Чайковского и Н. А. Римского–Корсакова. Кончина ученого в 1940 году и начавшаяся война стали причиной того, что публикация переписки произошла только в 1945 году (сборник «Советская музыка», вып. 3, М.–Л.: Музгиз, 1945) без вступительной статьи. Последующие издания переписки материалы А.Н. Римского–Корсакова практически не использовали, хотя научная ценность сделанной им работы, окрашенная личным отношением к наследию выдающихся музыкантов, и сегодня сохраняет свою значимость и нуждается в публикации уже как самостоятельный текст, требующий, в свою очередь, в новых информационных условиях соответствующего комментария.

Захарова Л. Н.

ИСКУССТВО В ЭПОХУ ЕГО «КОМПЬЮТЕРНОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ»

Захарова Людмила Николаевна – доктор философских наук, профессор, кафедра социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, Тюменский государственный институт культуры, Тюмень, Россия.

E-mail: zaharova40@mail.ru

Аннотация. В современную эпоху в связи с развитием информационных технологий возникли новые особенности в области эстетики. В связи с этим для современного искусства характерны: зависимость от новых технических средств, способ взаимодействия искусства и общества, «божественная красота» сменилась красотой потребления, основной задачей которой является не изображение прекрасного, а шокирование и попытка выделиться из толпы.

Zakharova L. N.

ART IN THE EPOCH OF ITS "COMPUTER REPRODUCIBILITY"

Zakharova Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Socio-Cultural Activity, Cultural Studies and Sociology, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia.

Email: zaharova40@mail.ru

Abstract. In the modern era, in connection with the development of information technologies, new features have emerged in the field of aesthetics. In this regard, modern art is characterized by: dependence on new technical means, a way of interaction between art and society, "divine beauty" was replaced by the beauty of consumption, whose main task is not to depict the beautiful, but to shock and try to stand out from the crowd.

Глобальная сеть интернет изменила эстетические отношения в сфере искусства и в повседневной жизни.

Первое. Растет зависимость искусства от новых технических средств. Появился принцип деления видов искусства на аналоговые и цифровые. Компьютерная графика, дизайн сайтов, анимация, различные тексты претендуют на статус искусства в отличие от огромной виртуальной «копилки» справочного материала.

Исполнители, «интерпретаторы» произведений искусства также не могут обойтись без цифровой техники для того, чтобы быть понятыми публикой.

Зависимость современного искусства от технических средств периодически обсуждается в эстетике, один из первых в середине XX века проблему обозначил В. Беньямин в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». В ней автор обратил внимание на то, что произведение искусства всегда поддавалось воспроизведению, а также сделал акцент на том, что способ воспроизведения зависит от «запроса» масс, зрителей, публики, ее вкусов и интересов.

Процесс «воспроизводимости» продолжается в настоящее время, с той разницей, что если раньше массы были «техничко-зависимыми», то сейчас они стали «Интернет-зависимыми», и влияние их на продукт искусства усиливается. Реальность оказалась копируемой, тиражируемой на множестве информационно-технических изображений и носи-

телей, в которых она (реальность) узнается. В результате огромное количество «текстов-симулякров», образующих вторичную реальность, заменили и изменили реальность объективную. Смысл, доносимый в художественных образах, исчезает, как исчезают и сами образы.

Второе. Изменился также способ взаимодействия произведения искусства и общества. Существует модель под названием «культурный алмаз» (В. Грисвольд), которая включает четыре вершины: произведение искусства, его создатели, аудитория /потребители/ и общество. Каждая из вершин связана с тремя остальными. Сегодня меняется место аудитории в пространстве «кристалла». В течение длительного периода аудитория была не активна, как правило, извне воспринимала произведения искусства. Сегодня происходит напряженный поиск выхода человека на уровень непосредственного контакта с произведением искусства, на тот уровень, что пролегает вне интерпретаций, значений и толкований. На первое место среди других видов современного искусства выходят художественные акции, те виды искусства, где главное значение имеет телесность, непосредственное участие «зрителя» в создании художественного произведения. Автор хочет вовлечь его в художественный проект, на себе испытать воздействие искусства.

Отсюда возникает мнение, что «именно искусство выступает экспериментальным полем в области поиска и конструирования новых характеристик исторически динамичной человеческой сущности» (Щербинин).

Третье. Возникает вопрос – есть ли место для прекрасного в этих новых видах и проявлениях искусства или «божественная идея красоты» (Альберти) осталась в прошлом – в эпохе Возрождения или Просвещения? Новые виды современного искусства действительно отклонилось от цели созидания прекрасного, того, что «нравится непосредственно, в созерцании, а не в понятии...» (Кант). Вместо прекрасного художника волнует безобразное, абсурдное, шокирующее. На смену «божественной красоте» пришла красота потребления, у которой свои правила – стремление ошеломить, поразить, выделиться из «толпы». Красотой потребления не любят в поисках гармонии, но стремятся обладать ею, купить, как товар. Красота потребления подчинена закону рынка и стремится к тому, чтобы ее купили, при этом берет себе в помощники достижения современной науки и медицины. В погоне за красотой потребления человек утрачивает цельность и гармонию, которую ему давала «божественная красота» в прежнее время. Прав ли Н. Бердяев, заметивший, что «окончательно померк старый идеал классически прекрасного искусства, и чувствуется, что нет возврата к его образам»?

Казунина А. С.

**ИЗУЧЕНИЕ НОТНЫХ РУКОПИСЕЙ КОМПОЗИТОРА
В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТВОРЧЕСКОГО АРХИВА А. К. ЛЯДОВА)**

Казунина Анна Сергеевна – преподаватель, кафедра истории русской музыки, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, ответственный секретарь журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение»; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: annlis@ Rambler.ru

Аннотация. Анализ рукописей композитора является неотъемлемой составляющей при изучении творческого наследия. Благодаря активному развитию отрасли Digital Humanities в рамках гуманитарных наук у музыковедов-текстологов наряду с традиционными формами исследования автографов появляются новые возможности работы с рукописью на основе электронной копии документа.

Kazunina A. S.

**THE STUDY OF MUSIC MANUSCRIPTS OF THE COMPOSER
IN THE INFORMATION SOCIETY ERA
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CREATIVE ARCHIVE
OF ANATOLY LYADOV)**

Kazunina Anna Sergeevna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg State University Press, Board Secretary of the journal “Vestnik of Saint Petersburg University. Arts”; Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Department of Russian Music, Lecturer, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. Analysis of the composer’s manuscripts is an important part in the study of the heritage. Active development of the Digital Humanities branch in the humanities gives musicologists-textologists the opportunity to work with the manuscript in the form of digital copy alongside traditional forms of research.

Рукописное наследие выдающихся мастеров ценно само по себе — и как исторический памятник и как живое свидетельство состоявшейся творческой деятельности. Сохранившиеся рукописи являются важнейшим компонентом в процессе изучения наследия композитора.

В искусствоведении рукописи композитора стали предметом изучения музыкальной текстологии. В настоящее время существуют четыре основных направления: создание эдиционных редакций

произведений [снабженных научным комментарием]; текстологическая расшифровка рукописей; исследование рукописного наследия; изучение закономерностей творческого процесса (классификация Э. А. ван Домбург [1, с. 23]).

Работа с рукописью дает возможность оценки ее палеографических особенностей и содержания. Контактным путем можно определить качество бумаги, ее сохранность, формат, оценить характер переплета, представить расположение текста.

В качестве примера нами рассматривается творческий архив петербургского композитора А. К. Лядова. Исходя из принятого в музыкальной текстологии Плана описания рукописей [10, с. 14–18], выделим составляющие, корректная характеристика которых возможна лишь при непосредственном контакте с автографом. Среди них — изучение палеографических особенностей рукописей (например, автографов *Двух фуг*, ор. 41 [7]; симфонической картины «Из Апокалипсиса», ор. 66 [4]; Нотного альбома композитора с предварительными записями [6]), а также анализ авторских исправлений. Последний позволил уточнить типологию рукописей и выделить в составе творческого архива Лядова особый тип автографов: беловики с правкой творческого характера (например, «Про старину», ор. 21 [9]; «Куколки», ор. 29 [8]).

В случае необходимости обращения к рукописи как к музыкальному тексту исследователь может прибегать к факсимильным изданиям (Лядов А. К. Танец комара [3]; Лядов А. К. «Волшебное озеро», ор. 62 [2, с. 138–139]) или цифровым копиям документов (Лядов А. К. Вариации на тему М. И. Глинки, ор. 35, Лядов А. К. «Баба-Яга», ор. 56), позволяющим работать с материалом вне архива.

Создание цифровых копий рукописей композиторов видится сегодня актуальным и значимым явлением, обозначенным в Хартии о сохранении цифрового наследия (2003) в рамках программы ЮНЕСКО и поддерживается проектом «Национальная электронная библиотека».

Появление обширной базы цифровых копий рукописей дает новые возможности для их анализа и изучения и активно пропагандируется посредством программ, выдвигаемых Digital Humanities.

Обратим внимание на разработанный группой ученых под руководством С. И. Гурова программный модуль «Текстолог» (2014), призванный выполнять автоматическое соотнесение распознанных текстов с цифровыми формами рукописей [5]. Данный модуль, на наш взгляд, имеет далеко идущие перспективы и может быть применен не только в филологии, но и в музыковедении — как для анализа литературных источников, так и для работы с нотным материалом.

Появление подобного рода новаций видится полезным инструментом в ходе осуществления определенных этапов текстологической работы, в первую очередь, в качестве вспомогательного механизма освоения рукописей, проведения редакционных работ.

Но, несмотря на активное развитие технологий в эпоху информационного общества, «живая» рукопись композитора всегда будет оставаться объектом притяжения для исследователя, как вследствие необходимости решения ряда научных задач, так и по причине ее «внутреннего магнетизма».

Библиографический список:

1. Домбург Э. А., ван. Текстология в отечественном музыкознании: история, теория, практика. – СПб.: Астерион, 2011. – 96 с.
2. Запорожец Н. В. Лядов А. К. – М.: Музгиз, 1954. – 216 с.
3. Каратыгин В. Г. О музыкальном наследии А. К. Лядова // Музыкальный современник. – 1916. – № 2. – С. 29–31.
4. КР РИИИ. Ф. 2. Оп. 2. № 123.
5. Хачатурян Л. В., Ларин А. А. Источниковедение on-line: Современные методы работы с цифровой формой рукописного документа // Электронный текстолог. URL: <http://textolog-rgali.ru/index.php?view=articles&t=article3>
6. ОР РНБ. Ф. 449. № 39.
7. ОР РНБ. Ф. 449. № 9.
8. ОР РНБ. Ф. 449. № 10.
9. ОР РНБ. Ф. 449. № 16.
10. Фатыхова Э. А. Нотные рукописи А. К. Глазунова (текстологические аспекты изучения) // Мифы и миры Александра Глазунова / ред.-сост. З. М. Гусейнова, Э. А. Фатыхова. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002. – С. 527.

Канашевич-Адыгезалова Д. А.

**К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО
ПЕРЕМЕЩЕНИЯ**

Канашевич-Адыгезалова Дарья Анатольевна – старший преподаватель, кафедра общей теории права и гуманитарных дисциплин, Могилевский филиал «БИП-институт правоведения», Могилев, Беларусь.
E-mail: Darya.adigezalova@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются процессы аккультурации и межкультурной адаптации. Делается вывод, что межкультурная адаптация и аккультурация – различные социальные механизмы, реализующие взаимодействие между культурой и адаптационным поведением в особом культурном контексте, в ситуации межкультурного взаимодействия.

Kanashevich-Adygezalova D. A.

THE ISSUE OF THE MECHANISM OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Kanashevich-Adygezalova Daria Anatolyevna – Senior Lecturer, Department of General Theory of Law and Humanities, Mogilev branch of the “BIP-Institute of Law”, Mogilev, Belarus.

Abstract. The paper analyzes the processes of acculturation and intercultural adaptation. It concludes that intercultural adaptation and acculturation are different social mechanisms that implement the interaction between culture and adaptive behavior in a particular cultural context, in a situation of intercultural interaction.

Развитие мира в информационную эпоху ведет к стремительному росту числа контактов между представителями разных культур во всех областях жизни, как на профессиональном и бытовом уровне, так и в сфере образования. В связи с этим, изучение эффективности практик межкультурного взаимодействия в ситуации кросс-культурного перемещения и адаптации к иной социокультурной среде все больше привлекает внимание исследователей (В. С. Агеев, Е. А. Гришина, Н. Е. Королёва, Т. Л. Смолина). Открытым пока остается вопрос о характере и направленности изменений в сознании и поведении человека в процессе его включения в межкультурное общение и новую систему ценностей и отношений в другой стране, что явилось предметом настоящего исследования.

Процесс привыкания человека к чужой культуре и социальной среде представляет собой сложный многоуровневый процесс со многими, пока не получившими убедительного объяснения составляющими. Исторически развертывание межкультурных исследований осуществлялось англоязычными авторами в контексте изучения изменения традиционных под влиянием Запада. В 1935 году Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херскович согласовали точки зрения в работе «Меморандум для изучения аккультурации» и разработали определение, ставшее теоретико-методологической основой исследований в области межкультурного взаимодействия. Под аккультурацией они предложили понимать изменения, происходящие в результате длительного непосредственного контакта групп, представляющих разные культуры, которые выражаются в изменении исходных культурных моделей взаимодействующих групп в зависимости от их удельного веса [2]. Таким образом, аккультурация здесь отождествляется с процессами ассимиляции.

В условиях интенсификации кросс-культурных перемещений внимание исследователей вновь привлекает вопрос о соотношении понятий аккультурация и межкультурная (кросс-культурная) адапта-

ция. Большинство западных авторов разграничивают эти понятия, но по разному интерпретируют. К.Уорд использует понятие «аккультурация» в качестве объединяющего психологическую и социокультурную адаптацию. Определяя аккультурацию как «усвоение» чужой культуры, этот автор рассматривает ее в качестве процесса и конечного результата межкультурной адаптации. К исследованию аккультурации К.Уорд предлагает подходить, с трех сторон: с позиции стресса как ощущения психологического неблагополучия; с точки зрения изменения культурной идентичности; как научение и усвоение новых культурных навыков [1, с. 151].

Дж. Берри признает аккультурацией лишь психологические аспекты вхождения в новую культурную среду, связанные со стрессами и изменениями идентичности, которым люди подвергаются в процессе культурного контакта, а адаптация рассматривается им как конечный, долгосрочный и относительно устойчивый результат аккультурации. Представляется, что в данной интерпретации функциональное значение термина «аккультурация» обедняется, так как ограничивается рамками только психологического исследования. В процессе аккультурации необходимо учитывать его социологические компоненты, (научение культуре принимающей стороны, социальная поддержка) [3].

Более убедительной представляется точка зрения, в соответствии с которой адаптация и аккультурация рассматриваются как самостоятельные компоненты процесса вхождения в новую культурную среду. П. Смит и его соавторы следующим образом определяют содержание трех близких терминов: психологическая адаптация – эмоциональное реагирование на межкультурный контакт – от радости до тревожности и депрессии; социокультурная адаптация – процесс научения культуре другой культурной группы; аккультурация – степень, в которой индивид считает себя причастным новой культуре [4, с. 2006].

Американская исследовательница Я.Я.Ким также усматривает в феномене аккультурации глубокие изменения не только в поведении, но и в сознании, адаптирующихся к иной культурной среде. Она понимает аккультурацию как процесс адаптации индивида под воздействием новых условий, изменение паттерна его поведения с последующим развитием интеркультурной идентичности, оставляя открытым вопрос о сохранении прежней идентичности [5, с. 1988]. Дж. Берри на основе анализа результатов эмпирических исследований выявил четыре возможных в условиях межкультурной коммуникации модели изменения культурной идентичности: ассимиляция,

сепарация, маргинализация, интеграция. Этот автор пришел к выводу, что наиболее адекватной стратегией для тех, кто вливается в другую культуру, является интегрирование в новую среду. Результат межкультурной адаптации понимается им более гибко, по сравнению с выводами Я.Ким. Интегрирование в новую среду рассматривается Дж. Берри как изменение ценностных ориентаций, социальных установок, ролевого поведения индивида, который включается в чужую культуру, но при этом сохраняет свою идентичность, то есть, фактически, речь идет о формировании двойной идентичности [3]. Сегодня для характеристики столь не редкой в современном глобализирующемся обществе ситуации «двойной идентичности», широко используется термин «третья культура», не имеющий пока категориального статуса.

В качестве выводов отметим, что термин «освоение» наиболее адекватно отражает содержание межкультурной адаптации, а «усвоение» более предпочтителен при рассмотрении явлений аккультурации как процесса интериоризации новой культуры. Межкультурная адаптация и аккультурация – различные социальные механизмы, реализующие взаимодействие между культурой и адаптационным поведением в особом культурном контексте, в ситуации межкультурного взаимодействия.

Межкультурная адаптация – это социальный процесс *приспособления и освоения* человеком новой культурной среды. Механизм влияния межкультурной коммуникации на адаптационный процесс проявляет себя амбивалентно, на социально-психологическом и социально-культурном уровнях. В первом случае, в движении от культурного шока к психологическому благополучию, во втором – в развитии межкультурной компетенции, усвоении новых ролей, норм, включении в коммуникационные связи при сохранении прежней идентичности. Аккультурация – действующий параллельно, но иной социальный процесс, обеспечивающий *усвоение* новой культуры. Механизм влияния межкультурной коммуникации в этом случае проявляется на социально-психологическом уровне как изменение культурной идентичности в формах ассимиляции, сепарации, маргинализации, интеграции в новую культуру, формирование двойной идентичности («третьей культуры») или интеркультурной личности.

Библиографический список:

1. Уорд К. Азбука аккультурации/ К. Уорд // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб: Питер, 2003. – 718 с.

2. *Bonnerjea B.* Memorandum for the study of acculturation // *American Anthropologist*. – January-March, 1936.– Vol. 38. – P.149–152.

3. *Berry J. W., Annis R.C.* Acculturative Stress // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 5. – 1974. – No. 4. – P.382–406.

4. *Smith P. B., Bond M. H., Kagitcibasi C.* Understanding Social Psychology Across Cultures. – London: Sage Publications, 2006. – 324 p.

5. *Kim Y. Y.* Communication and cross cultural adaptation – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1988. – 189 p.

Карасёва У. А.

ЛЮБОВЬ В ПОСТ-ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: ЭКЗИСТЕНЦИЯ ПРОТИВ СИМУЛЯЦИИ

Карасёва Ульяна Андреевна – студентка гуманитарного факультета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ulyanakaraseva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются предпосылки межличностного единения и брачных союзов в постиндустриальном обществе. В сравнении взглядов Э. Фромма и Ж. Бодрийяра, выявляется место любви в мировоззрении современного человека.

Karaseva U. A.

LOVE IN THE POST-INDUSTRIAL ERA: EXISTENCE VERSUS SIMULATION

Karaseva Ulyana Andreevna – Student, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Faculty of Humanities, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The prerequisites for interpersonal unity and marital unions in post-industrial society are considered. In comparing the views of E. Fromm and J. Baudrillard, the place of love is revealed in the worldview of modern human.

При рассмотрении бракосочетания как социального института, предмет исследования социологов составляют количественные данные: число заключенных и расторгнутых браков, поданных в органы ЗАГС заявлений и число венчаний (их соотношение), возраст, социальный статус брачующихся и т.п. Так можно отследить демографические изменения в обществе и его составляющей (семье). Для культуролога бракосочетание предстаёт уже не как социальный институт, но как практика, наделяемая особым значением. Семейно-

бытовые праздники, традиции и обычаи заключения союзов между людьми имеют под собой разные основания, и, более того, в разные исторические эпохи отражают важные культурно-исторические изменения: в сознании индивида, его поведении, отношении к ритуалу заключения семейного союза, связи бракосочетания с обликом будущей семьи и, конечно, об изменениях в культуре повседневности. Важность изучения вопроса о брачных практиках состоит ещё и в том, что свойственная культурологическому анализу современности критика должна коснуться самой основы брака – любви.

По Э. Фромму, у любви и у стремления человека заключить и вступить в союз экзистенциальные предпосылки. Наша душа изначально порождает в нас два чувства: обособленности от всего остального мира и безысходности от осознания своих не безграничных способностей, своей смертности и смертности своих близких. Эта беспомощность перед силами природы и общества делает отдельное изолированное существование невыносимым заточением и результат такого заточения без возможности воссоединения с другими людьми и, стало быть, внешним миром – безумие. Желание межличностного слияния (в браке или просто в союзе) – наиболее сильное из всех стремлений человека, глубочайшая потребность отдельного индивида и всего человечества в целом. «Это самая фундаментальная страсть и та сила, что скрепляет человеческую расу, род, семью, общество» [2, с. 37], – пишет Э. Фромм. То есть, история человечества (а также религии и философии, как ни странно) – это история поиска ответа на вопрос: как удовлетворить эту свою потребность в единении и примириться с тем фактом, что другие люди тоже имеют такую потребность. Решить эту экзистенциальную задачу можно только путём слияния в союзе особого рода – любви. Любовь понимается мыслителем не как случайное чувство, а как действие, активная создающая сила в человеке, требующая интеллектуальных, волевых усилий. Стена отчуждения преодолевается в любви таким образом, что сохраняется целостность личности двух индивидов. «Парадокс любви заключается в том, что двое становятся одним, оставаясь двумя» [2, с. 41], – заключает Э. Фромм.

Люди считают единение в любви случайным, в него может «впасть» абсолютно любой, лишь бы ему повезло. И такое странное отношения к любви имеет, с точки зрения Э. Фромма, несколько причин, корнящихся в развитии современного общества, характеризующемся массивным культурным сдвигом.

В своём труде «Искусство любить» Э. Фромм выделяет черты современного общества:

Современная культура основана на идее взаимовыгодного обмена;
Счастье человека заключается в приобретении выгодных товаров, которые улучшат его социальную позицию;

Межличностные отношения и заключение союзов превращаются в рынок личностей и заключение сделок с самыми привлекательными «человеческими товарами»;

«Привлекательность» – набор определённых качеств, которые пользуются спросом на рынке личностей с учётом моды;

Общий вывод по Э. Фромму: «В культуре с преобладающей рыночной ориентацией, в которой материальный успех обладает выдающейся ценностью, мало оснований удивляться тому, что человеческие отношения следуют той же схеме взаимообмена, что и рынок товаров и услуг» [2, с. 13].

На наш взгляд, характеристика современности, данная Фроммом, схожа с концепцией Ж. Бодрийяра об «обществе потребления», в котором потребление (вещей, товаров, услуг, рекламы и т. д.) выступает механизмом самореализации и раскрепощения личности. В таком обществе, благодаря развитой экономике, производству и технологическим новшествам в реализации товаров и услуг, господствует так называемый миф изобилия (разнообразия). Данный миф формирует инстинкт потребления. Но не на основе потребности, а на основе мечты о счастье, которое, по Ж. Бодрийяру, наделяется количественными характеристиками. Соответственно, обладание «нужными» предметами позволяет индивиду приблизиться к его личному счастью и, таким образом, выйти на более высокие позиции в обществе, потому как потребительские практики и образцы потребления становятся новыми признаками социальной позиции [1].

По Э. Фромму из всех перечисленных выше характеристик следуют некоторые аспекты отношения современных людей к любви и заключению союзов, в числе которых: а) смещение акцента с самого факта обладания способностью любить на то, чтобы быть любимыми, как стать привлекательным с помощью социально и культурно востребованных качеств; б) возникновение в XX в. концепции «романтической любви», спонтанного, легкого, свободного чувства, которое должно иметь своим следствием брак (смещение акцента: с функции, которую должна выполнять любовь (экзистенциальная) на объект любви и то, как его завоевать); в) смешение влюбленности («впадение в любовь», в союз) и настоящей любви (ее созидания, волевой работы над здоровым функционированием союза).

Относительно последнего аспекта Э. Фромм пишет о том, что сейчас за любовь принимается любое чувство неожиданной спонтан-

ной близости, поэтому союзы, где люди «сходят с ума» друг по другу априори недолговечны. Это просто говорит о том, что, чем интенсивнее увлечение на начальном этапе, когда оно и принимается за силу любви, тем сильнее было чувство отчужденности и безысходности до момента возникновения этого самого увлечения.

По Ж. Бодрийяру же, этот этап «внезапной любви» уже миновал человечество. Современное поколение людей, утомленное пустой сексуальностью, искусственно и вполне осознанно создаёт спрос на любовь, как на эмоциональное и чувственное дополнение. Любовь – размытая метафора универсальной силы, влекущей тела друг к другу.

Таким образом, мы рассмотрели две схожие концепции современного общества. Согласно Э. Фромму, любовь – решение проблемы отчужденности. Согласно Ж. Бодрийяру, любовь – пустая иллюзия, ответ на человеческую потребность в эмоциях, чувство, возникшее от пресыщения, скуки. Так или иначе, для каждого человека основание для межличностного единения индивидуально.

Библиографический список:

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика, 2006. – 314 с.
2. *Фромм Э.* Искусство любить. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 221 с.

Качурина П. А. Грудцын Н. А.

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В «УМНОМ» ГОРОДЕ

Качурина Полина Андреевна – инженер отдела мониторинговых исследований, Центр технологий электронного правительства (ЦТЭП), Институт дизайна и урбанистики Университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ylpolina@yandex.ru

Грудцын Николай Алексеевич – кандидат географических наук, руководитель группы ТПЭС, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: poxes@yandex.ru

Аннотация. Благодаря развитию инфокоммуникационных технологий большую популярность набирает идея «умного» города. Данная концепция имеет целью стимулирование экономического роста, повышение качества жизни горожан, разумное использование ресурсов. Для планирования и

управления «умными» городов используются ментальные карты и данные мобильных информационных устройств.

Kachurina P.A. Grudtsyn N.A.

KEY FEATURES OF THE PSYCHOLOGY OF SPATIAL PERCEPTIONS IN THE “SMART” CITY

Kachurina Polina Andreevna – Engineer of the Department of Monitoring Studies, Center for E-Government Technologies, Institute of Design and Urban Studies, ITMO University, St. Petersburg, Russia.

Grudtsyn Nikolai Alekseevich – Ph. D. (Geography), Head of the TPES group, Senior Researcher, St. Petersburg State University of Telecommunications named after M.A. Bonch-Bruyevich, St. Petersburg, Russia.

Abstract. Thanks to the development of information and communication technologies, the idea of a “smart” city is gaining more popularity. This concept aims to stimulate economic growth, improve the quality of life of citizens, reasonable use of resources. To plan and manage smart cities, mental maps and mobile information device data are used.

Смарт-сити – актуальная и обсуждаемая тема последних лет, набирающая все большую популярность в связи и благодаря развитию инфокоммуникационных технологий (ИКТ), модернизацией процессов в областях градостроительства и управления городскими инфраструктурами.

Концепция «умного» города предполагает широкое применение ИКТ в различных сферах городской жизни с целью стимулирования экономического роста, улучшения качества жизни, а также грамотного использования ресурсов.

Концепция «умного» города предполагает трансформацию различных сфер городской жизни: транспортной, строительной, энергетической, сферы безопасности и многих других. Помимо инновационных изменений в самих этих сферах, также должны решаться экологические, социальные-экономические проблемы для самого города, они, прежде всего, должны быть направлены на повышение уровня livability в городе (уровня качества жизни, т. е. город должен быть комфортен для его жителей во всех отношениях – удобство перемещения, безопасность, социально-культурные аспекты, окружающая среда и проч.)

Комфорт в городе должен быть создан для различных групп населения с учетом их этнических, конфессиональных, физиологических и других особенностей.

Умный город эффективно ассимилирует и сегрегирует население.

Городской ландшафт напрямую влияет на то, насколько человек комфортно чувствует себя в городе. А соответственно и на то,

насколько он оценивает уровень livability в нем. Сегодня для того, чтобы спроектировать максимально комфортный ландшафт «умного» города используется метод ментальных карт.

Градопланировщик Кевин Линч ввел понятие «ментальная карта» в 60-ые годы в своей работе «Образ Города». Под понятием «ментальная карта» исследователь понимал то, как человек воспринимает окружающую его среду.

Автор статьи «Ментальные карты, как методы анализа городских пространств» Сизова Ю.А. пишет, что сегодня под понятием «ментальная карта» понимается «образ пространства, формирующийся в сознании человека под влиянием важных лично для него архитектурных, градостроительных, социально-культурных и исторических особенностей пространства, а также в силу личностных черт самого человека и сложившихся у него установок по отношению к городской среде» [1].

Специалисты в области «умного» городского планирования обращаются (наряду с другими) к методу «ментальных карт», потому что он помогает понять каким образом спроектировать городское пространство, чтобы человеку (как жителю города, так и гостю) было комфортно и просто ориентироваться в нем.

У каждого жителя города уже есть сложившееся представление о нем: какие здесь есть интересные районы, куда стоит пойти в свободное время и т. д. Все эти представления сформировались благодаря набору воспоминаний, ассоциируемых с городом и важных лично для человека. Над этими представлениями необходимо работать, формируя у человека образ города, адекватный современной обстановке, чтобы избежать стереотипного мышления, основанного на прошлом (как позитивном, так и негативном) опыте, который может не отражать современных реалий.

Для каждого конкретного человека важны определенные атрибуты города: чтобы город был «зеленым», модным, удобным в расположении. Существуют и физико-географические атрибуты. Реки – традиционно играют важную роль в жизни человека: функциональную, социальную, экологическую и визуальную[2]. С визуальной точки зрения вид реки успокаивает человека и, таким образом, способствует более комфортному восприятию городского ландшафта в целом.

Особое значение для городских жителей имеют и парковые зоны. Ассоциативный ряд связывает парковые пространства с детством (как правило, родители водят детей играть в парки, а в подростковом возрасте молодые люди приходят туда с друзьями и т. д.). Парк стано-

вится для жителей важным звеном, которое они считают неотъемлемой частью образа комфортного города (см., напр.: Пространство «Парк Горького» <https://park-gorkogo.com/events/672>).

Другим важным аспектом является наличие грамотно спроектированной системы уличного освещения города. Она не только дает человеку ощущение безопасности, но и положительно влияет на чувство комфорта и уюта (особенно осенью-зимой, когда рано темнеет).

Опираясь на образы города, сформированные воспоминаниями и ассоциациями самих горожан – власти имеют возможность построить комфортную и удобную городскую среду.

Инициативность и активность горожан является важным фактором успешной реализации концепции смарт-сити. Именно поэтому городские власти разрабатывают различные инструменты и решения, которые помогают им понять нужды своего населения и спроектировать максимально комфортный для жителей городской ландшафт.

Умный город формируют общественные, государственные и частные акторы [3].

Умный город – сложная система с большим количеством рисков и угроз. Медиация при взаимодействии акторов должна учитывать управление рисками. Риск возлагается на ту сторону, которая лучше способна управлять данным риском.

Умные города динамичны и постоянно эволюционируют. Использование джентрификации (англ. *gentrification*) – один из таких способов развития – реконструкция пришедших в упадок городских кварталов (зачастую, центральных) с помощью притока более состоятельных жителей. Процесс связан как и с улучшением условий в районах города, так и с сегрегацией в них.

Умный город неразрывно связан со многими современными трендами: Big data, Artificial intelligence, machine learning, Digital centralization и прочее. Умный город трансформирует информацию, получаемую с большого количества устройств, и управляет ключевыми «точками» городской инфраструктуры. Это может быть динамическое регулирование дорожного движения в зависимости от ситуации на дорогах, управление отопительными сетями в зависимости от климатических условий и много другое.

Сбор данных для умного города является важным первоначальным шагом. Собранные данные передаются в соответствующие базы данных и далее наступает момент творчества – алгоритмизация процессов по использованию этих данных, которые могут и делают нашу жизнь проще.

Увеличение количества доступной информации и устройств, передающих данные о человеке, благоприятно для развития смарт-сити, но, с другой стороны, порождает ряд сложных этических вопросов.

Управление процессами в городе на основе ментальных карт, трекинговых данных мобильных устройств или волеизъявления самих горожан через мобильные приложения – внутренняя сущность смарт-сити.

Библиографический список:

1. Сизова Ю. А. Ментальные карты, как методы анализа городских пространств // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярск [Электронный ресурс]. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013.

2. J. Mačiukėnaitė, I. Povilaitienė The Role of the River in the City Centre and its Identity // JOURNAL OF SUSTAINABLE ARCHITECTURE AND CIVIL ENGINEERING, 2013 №4(5). DOI: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.sace.4.5.4820>

3. Чистобаев А. И., Грудцын Н. А. Государственно-частное партнерство при создании крупных инфраструктурных объектов // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / Коллективная монография. Под ред. Я. П. Силина. – Екатеринбург, 2017. – С. 236–250.

Кудря Л. В.

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ЭСТЕТИКИ И СОЦИАЛЬНО ВОВЛЕЧЁННОЕ ИСКУССТВО

Кудря Лариса Владимировна – старший преподаватель, кафедра истории и философии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: pliphuska@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые тренды и формы манифестации искусства. Постнеклассическая парадигма эстетики связывается с активистским, партиципаторным искусством, а «эстетика взаимодействия» – постмодернистским принципом межсубъектности.

Kudrya L. V.

MODERN PARADIGM OF AESTHETICS AND SOCIALLY ENGAGED ART

Kudrya Larisa Vladimirovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Assistant Professor, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article takes into account new trends and manifestation forms of art. The Postnonclassical paradigm of aesthetics is stated to relate to activist and participatory art, as relational aesthetics does to the postmodern intersubjectivity principle.

*50-летию студенческого
протестного движения.*

Классические и модернистские установки эстетики, в соответствии с которыми искусству надлежит в художественной форме либо подражать действительности, либо выразить некую совокупность идей и впечатлений автора, не соответствуют современной парадигме. Стремления искусства к трансформации жизни и социальной реальности были артикулированы ещё модернизмом, наиболее отчётливо – футуристами и конструктивистами. Немецкие экспрессионисты и дадаисты выступили с последовательно осуществлённой художественными средствами критикой Первой мировой войны. Но бесспорным достижением политически и социально ангажированного искусства, несмотря на не вполне удачный исход движения, явилась художественная практика ситуационистского интернационала, использованная во время студенческих протестов и забастовок во Франции в мае-июне 1968 г. Перформанс, впервые осуществленный дадаистом Хуго Баллем в 1916 г., наряду с хэппенингом, активно эксплуатировался арт-объединениями в Европе и США после Второй мировой (например, Флуксус и КоБРА) и политическими организациями (Прово и Йиппи), а за последние полвека превратился в передовую форму актуального искусства.

Очевидно, что хэппенинги и перформансы как таковые не означают ещё политически и социально вовлечённого искусства; политизация искусства сопряжена с художественной формой или символизацией, которые используются в целях социально-политической критики и пропаганды. Тем не менее, утратив после леворадикальных ситуационистов характер прямого политического действия, актуальное искусство сохраняет перформативность и коммуникативность в качестве своих определяющих моментов. Интертекстуальность и интерактивность [1, с. 195] конститутивны в отношении культуры постмодерна и соответствующей ей межсубъектной парадигмы эстетики [2, с.116]. Поскольку активное внедрение и распространение социально вовлечённого искусства приходится на последние 20 лет, следует заключить, что интерактивность в социально вовлечённом искусстве приобретает новые или несколько иные формы, чем в подготовившем его возможность постмодернистском искусстве в целом.

Социально вовлечённое искусство обращается к недостаточно осязаемым, но требующим внимания и решения социально значимым

проблемам, тематика его художественных практик включает вопросы защиты прав и свобод отдельных групп и сообществ, а также граждан тех или иных государств в целом, острые вопросы политики постколониализма и экологии. За пару истекших десятилетий арт-активисты обращались к таким «неудобным» для обывателя темам, как недостаточное включение в социальные связи инвалидов, больных СПИДом, ЛГБТ-сообществ, проституток и бывших заключённых, критиковали общество потребления и противоречия поп-культуры, расовую и гендерную дискриминацию в демократических обществах, потребительское отношение к природе, разнообразные формы ксенофобии. В качестве основной мотивации актуального искусства Козловски указывает потребность в формировании культурного контекста и стремление к культурно-совместным форме и образу. Художественные практики социально вовлечённого искусства делают видимыми игнорируемые обществом проблемы, разоблачают предрассудки или осуществляют просветительскую работу при непосредственном взаимодействии с сообществами. Таким образом, обращаясь одновременно к исключённым сообществам и носителям предрассудков, данные художественные практики с присущими им «символизацией и поэтикой воображения, в которой другие снова могут узнать себя» [1, с. 168], возвращают им возможность полноценного социального бытия.

Вокруг «эстетики взаимодействия» ведётся множество дискуссий, значительная часть из них сосредотачивается вокруг терминологии [3]; поскольку само явление находится на стадии хоть и бурного, но становления; ещё невозможно говорить о некоем образцовом типе ангажированного искусства, как, например, это делает Козловски, выделяя черты постмодернистского классицизма. Партиципаторный акционизм несколько отклоняется от устоявшейся формы постмодернистского перформанса, где автор взаимодействует со зрительской аудиторией, создавая общую для обеих сторон творчества художественную условность в поисках экзистенциального смысла. Например, концептуальные перформансы «Отрежь кусок» Йоко Оно (1964, с неоднократными повторами в течение пятидесяти лет) или «Ритм 0» (1974) и «В присутствии художника» (2010) Марины Абрамович стали хрестоматийными примерами своей практики. Зритель как вторая и необходимая сторона интерактивного художественного процесса своими свободными действиями дополняет смысловую структуру, намеченную автором, но продолжает оставаться зрителем. При всех различиях аудитории, культурные особенности которой влияют на продуцирование смысла в художественном про-

цессе, сама форма может быть воспроизведена при участии других зрителей и в иных условиях.

Партиципаторное искусство подразумевает непосредственное взаимодействие с сообществом по поводу актуальных социально-политических проблем. Свободное самоопределение личности и сопротивление скрытым кодам власти становится главной темой активистского искусства последнего десятилетия. Примерами таких акций являются театрализация судебного процесса 2016 г. за акцию «Свобода» над Павленским, когда последний вызвал свидетельствовавших против него проституток, предварительно оплатив их; интернет-голосование с возможной казнью художника «Свой/чужой» Олега Мавромати, вынужденного иммигрировавшего из-за преследований за перформанс 2000 г. «Не верь глазам», направленный против усиления религиозного дискурса власти; осуществленная Pussy Riot во время финала чемпионата мира по футболу 2018 акция «Милиционер вступает в игру». Основой практики является убеждение художника в том, что «аутентичность укоренена в социальном, что внешняя, иная по отношению к доминирующей идеология обнаруживает себя в социальных связях, которые лишь одни способны противостоять атомизирующему воздействию современного капитализма» [4, с.33]. В перформансах и арт-акциях социально и политически ангажированного искусства свобода самоосуществления и право на инаковость вопреки властному принуждению высвечивают различные формы этого последнего и противодействуют ему, привлекая к непосредственному участию публику как своего адресата в уникальной ситуации.

Библиографический список:

1. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
2. Устюгова Е. Н. Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 252, [2] с.
3. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей «Гараж», 2016. – 215 с.
4. Бишоп К. Социальный поворот в современном искусстве // Художественный журнал. – М., 2005, №58/59. – С. 33–38.

Кузнецова Е. В.

ФЕНОМЕН ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кузнецова Евгения Владимировна – кандидат философских наук, доцент, кафедра юридических и гуманитарных дисциплин, учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ», Набережные Челны, Россия.

E-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Аннотация. Основным фактором национального и культурного единства народа является язык. В одно и то же время он способствует развитию культурных связей и культурному обмен, благодаря чему локальность и в то же время универсальность культур призвана обеспечить в будущем наступление ноосферы.

Kuznetsova E. V.

LANGUAGE PHENOMENON IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND COMMUNICATIVE INFORMATION CIVILIZATION PROCESSES

Kuznetsova Evgenia Vladimirovna – Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Department of Legal and Humanities, University of Management “TISBI”, Naberezhnye Chelny, Russia.

Abstract. The main factor of national and cultural unity of the people is language. At the same time, it contributes to the development of cultural ties and cultural exchange, thanks to which the localization and at the same time the universality of cultures is to ensure the future offensive of the noosphere.

Язык является одним из главных признаков культурного единства народа, отличающего его от других этнических общностей. Язык признавался в течение многих веков, еще до формирования научных представлений Нового и Новейшего Времени, одним из признаков этноса, лежащего в основе мироощущения или менталитета народа, а значит и в основе его культуры.

Существование языка доказывает, что бывают творения духа, которые могут родиться лишь благодаря одновременной совместной деятельности народа в целом. Форма всех языков глубоко индивидуальна, так как они (языки) творятся самими народами – носителями духа, но следует учитывать тот факт, что культура любого народа всегда находится во взаимодействии с культурами других народов. Культурный фактор безусловно важен в языке. Для народа потерять свои языковые особенности значит отчасти потерять и культурную самобытность.

Очевидно, что язык является основным фактором в определении национальной идентичности. Сохранение подлинной этнической идентичности связано с сохранением языка. По этому поводу среди научной общественности обозначились два подхода.

Примордиалисты утверждают, что народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, значимости прошлого, настоящего, будущего.

С точки зрения конструктивистов, имеется немало «свидетельств» обратного: утрата связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности, и наоборот, известно, когда народ исчезал (римляне), а язык продолжал «жить»: в образовательных институтах, в культурных артефактах и других языках (латинский).

Итак, язык является одним из главных признаков культурного единства народа, отличающего его от других этнических общностей. Но отличая все народы между собой язык, в тоже время, способствует расширению культурных связей и усилению культурного взаимодействия. Чем активнее культура одного народа взаимодействует с культурами других народов, тем в большей степени она обогащается. А средством взаимодействия, как известно, является язык. В качестве подтверждения данного тезиса об обогащении культур через языковое взаимодействие можно привести такое явление в языке как наличие заимствований, а в том числе экзотизмов и интернационализмов.

Интеграция языков происходит не только на уровне лексики, но и на уровне дискурсивной аксиоматики. Языковой символ есть такая сущность, которая передает смысл другой сущности, не данной нам непосредственно. Содержание символа постоянно обогащается в коммуникации благодаря тому, что он является свертывающим оператором.

Современные этнические культуры по своему характеру локальны и универсальны одновременно. Благодаря тому, что язык совмещает в себе и знаковое, и символическое, являясь универсальной семиотической матрицей, единым планетарным феноменом он призван обеспечить в будущем, по мнению П.Тейяра де Шардена, наступление «ноосферы» – сферы мысли, единого коллективного сознания.

Львов А. В.

**ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ:
«ПОНИМАНИЕ МЕДИА» М. МАКЛЮЭНОМ**

Львов Александр Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра рекламы и современных коммуникаций, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: av_lyvov@mail.ru

Аннотация: В статье дается обзор ключевых для истории изучения медиа идей канадского социолога М. Маклюэна.

Lvov A. V.

**FROM THE HISTORY OF THE RESEARCH OF THE MEANS OF
COMMUNICATION: “UNDERSTANDING THE MEDIA” BY M. MACLUHAN**

Lvov Alexander Valerevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, Associate Professor, Ph. D. (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article provides a brief overview of key concepts for media studies by Canadian sociologist M. MacLuhan.

Термин «медиология» имеет французское происхождение (médiologie), в англоязычном мире исследование средств массовой коммуникации и их влияние на различные сферы жизни человека принято называть «mediastudies», в германоязычном – «medienwissenschaft». Традиция исследований, которые получили название медиологических не так стара. Пожалуй, ключевым здесь является публикация книги канадского социолога и литературоведа М. Маклюэна «Понимание медиа» (1964). Вообще, фигура Маклюэна, хотя теперь имеет лишь историческую ценность, является важной для понимания медиологического дискурса. Главным образом в том его аспекте, который связан с социальной критикой современности и с изучением средств массовой коммуникации. В этих направлениях теория медиа развивается до сих пор, например в виде «медиаэкологии» (Н. Постман) или «коммуникологии» (В. Флюссер). Существуют совсем новые смежные с медиологией, направления, например, «иконология» У. Дж. Митчелла, медиа-культурология Л. Мановича).

Предметом исследования М. Маклюэна является механическая и электрическая техника, которую он определяет как расширения нервной системы человека. «Понимание медиа» начинается с кон-

статации этого факта: «На протяжении механических эпох мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня, когда появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты» [1; с.5]. Особенностью медиологического подхода Маклюэна является изучение социальных эффектов такого расширения человеком собственных чувств за счет технических элементов.

Вторым наиболее известным тезисом Маклюэна является «*themediumisthemessage*» («Медиа – это сообщение»). Этот тезис указывает на аутореферентность системы масс-медиа, при которой передаваемым сообщением оказывается некоторое средство передачи: «Средство коммуникации и есть сообщение» [1; с.16]. Чтобы понять предмет медиологии нужно обратить внимание не столько на техническую сторону средств передачи, сколько на их социальные последствия, на то, как медиа влияют на характер социальной активности. Поэтому «смысл» или посланием, передаваемым электрическим светом будет не столько другая техника, например кино-проектор, сколько продление суточной активности человека, появление ночной жизни.

У. М. Маклюэна мы встречаем оригинальный подход к проблеме не только масс-медиа, но и техники в целом. В истории техники особое значение имеет изобретение электричества, что позволило многократно ускорить акт передачи информации, переведя масс-медиа на качественно иной уровень. Маклюэн делает аналогию с физиологией высшей нервной деятельности (ВНД), где нервный импульс передает информацию за счет изменения электро-химического потенциала нейронных мембран. Задачей технических расширений оказывается моделирование, типологизация и передача восприятий и информации.

Маклюэн избрал несколько каламбуров слова «*message*» (послание). Среди них «*message*» («эпоха беспорядка»), «*massage*» («эпоха массы»), самым продуктивным оказался «*massage*» (массаж). Смысл этого каламбура в характеристике связи медиа с расширяемым органом чувства, а именно степенью «разогретости» того или иного чувства. Медиа тем «горячее», тем «определеннее», чем более оно информативно и чем ниже участие человека в достраивании целого, додумывании недостающего. Поскольку технические расширения являются теперь источниками и поставщиками наших представлений о мире, способы «разогревания» чувственности коррелируют с формами органических нарушений восприятия – гипнотическим или галлюцинозным. Таков неизбежный эффект медиа-анестезии при ампутации чувства, присоединенного к всемирной информационной сети.

На протяжении истории медиа-революции имели взрывной (explosive) и в этом смысле разрушительный характер. Особое значение Маклюэн придает изобретению печатного станка И. Гутенбергом, которое по сравнению с другими средствами ускоренной коммуникации того времени (колесный транспорт, сети соединяющих города транспортных путей) наиболее отчетливо и резко способствовало пространственному расширению обживаемого человеком мира. Электрическая передача носит хоть и взрывной, но уже импловзивный (implosive) характер «расширения вовнутрь», при котором моментально интегрируются территории и функции, а информация становится все более абстрактной. Идея центра девальвируется и, в лучшем случае, может быть применима к любой точке этого гомогенного пространства моментальной передачи. Именно такое состояние общества, при котором, благодаря ускоренной до предела коммуникации, весь мир и все человечество «сжимаются» до размеров племени, где самое далекое оказывается на расстоянии вытянутой руки, и каждый из нас «носит на себе как кожу все человечество», Маклюэн и называл «глобальной деревней».

Итак, первым определением медиа как предмета медиологии можно считать следующее: «Все технологии суть расширения наших физических и нервных систем, нацеленные на увеличение энергии (power), и повышение скорости» [1; с. 101]. Платой за скорость и силу оказывается оцепенение, бесчувственность, вызванная различными способами анестезии при медиа-протезировании. Понятие медиа, как мы уже упоминали, оказывается довольно размытым, ведь канал передачи информации и техническое расширение органической чувственности не всегда совпадают. Иными словами, действительно ли содержанием послания всегда является другое медиа? Кроме того, различные средства могут разогревать одно чувство, и, в свою очередь, «протезом» может быть не некое техническое средство, а идея (у самого Маклюэна идея множества протезирует гаптический синтез). За всеми этими замечаниями, список которых мы позже дополним, не стоит упускать из виду основополагающую для медиологии методологическую установку раскрытия новой, формируемой средствами передачи, а потому социально и даже онтологически значимой «медиа-реальности». В этом смысле медиа выполняют функцию контроля и перераспределения информации.

Библиографический список:

1. Маклюэн М. Понимание медиа. – М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. – 464 с.

Никитин А. В., Решетникова Н. Н.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В РЕАЛЬНО-ВИРТУАЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ

Никитин Александр Васильевич – кандидат технических наук, доцент, кафедра вычислительных систем и сетей, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: guar.nike@mail.ru

Решетникова Нина Николаевна – кандидат технических наук, доцент, кафедра вычислительных систем и сетей, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: reni_07@list.ru

Аннотация. Обсуждаются проблемы подготовки и переподготовки кадров в области иммерсивных и интерактивных технологий, и рекомендации по применению ИИТ для представления культурного наследия.

Nikitin A. V., Reshetnikova N. N.

CULTURAL HERITAGE IN REAL-VIRTUAL CONTINUUM

Nikitin Alexander Vasilyevich – Ph. D. (Engineering), Associate Professor, Department of Computing Systems and Networks, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Reshetnikova Nina Nikolaevna – Ph. D. (Engineering), Associate Professor, Department of Computing Systems and Networks, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The paper discusses problems of training and retraining in the field of immersive and interactive technologies and makes recommendations for the use of ИТ to represent the cultural heritage.

Для сохранения и презентации материального и нематериального культурного наследия (КН) широко используются информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), на основе которых создается цифровое наследие. В последнее время в России виртуализация с использованием ИКТ различных объектов КН активно обсуждается на профессиональных конференциях, выставках и конкурсах культурного сообщества России, в правительственных документах декларируется создание виртуальных музеев, театральных площадок и концертных залов.

Проекты в области представления КН на основе ИКТ, как правило, выполняются междисциплинарными коллективами, проблемой ко-

торых является нахождение взаимопонимания между специалистами гуманитарной сферы и сферы компьютерных технологий в аспекте терминологии, выработки требований к продукту, этапов его реализации и оценки. От ее решения зависит пригодность использования разрабатываемого продукта.

В докладе авторы, опираясь на опыт использования ИКТ при реализации различных проектов в области культурного и цифрового наследия в археологии и истории, театре, медицине, науке и технике, предлагают свое видение решения указанной проблемы.

Анализируются различные реальности, в которых пользователь взаимодействует с объектами культурного наследия и его цифровыми моделями в контексте реально-виртуального континуума (РВК), представляющего собой различные комбинации реальных и виртуальных (цифровых) объектов в диапазоне «реальная среда – смешанная реальность (дополненная реальность и дополненная виртуальность) – виртуальная среда». Это позволяет определить все взаимосвязи и возможные взаимодействия объекта и его различных цифровых моделей, что создает условия как для упорядочивания терминологического аппарата, так и для повышения эффективности разрабатываемого продукта представления объектов КН.

Для моделирования виртуальной и смешанной реальностей используются иммерсивные и интерактивные технологии (ИИТ), которые обеспечивают погружение человека в искусственную или смешанную среду и взаимодействие с объектами среды с учетом его физических, сенсомоторных и других характеристик, что позволяет учесть индивидуальные особенности восприятия и обработки информации человеком, а также повысить эффективность приобретения индивидуальных и социальных знаний и умений.

В основе определений в контексте РВК виртуальных и смешанных объектов культурного и цифрового наследия в музеях (экспонат, экспозиция, музей), театрах (театральная площадка, спектакль) и кинематографе (производство, кинотеатр, фильм) также лежат понятия иммерсивность и интерактивность, комбинации которых в зависимости от степени погружения и уровня взаимодействия определяют спектр реализуемой продукции.

Рассматриваются особенности применения ИИТ в музеях, театральной деятельности и кинематографе. Приводятся примеры выполненных в лаборатории компьютерной графики, виртуальной и дополненной реальности ГУАП междисциплинарных проектов представления на основе ИИТ материального (Исторические реконструк-

ции крепости Ям – Ямбург) и нематериального (Реконструкция спектакля «Маскарад») культурного наследия.

Использование ИИТ для представления объектов культурного наследия позволяет:

– повысить доступность продукции культурного наследия (лекций, спектаклей, фильмов) для различных целевых аудиторий, качество и разнообразие форм представления продукции, возможность получения нового опыта и влияния на поведение пользователя (посетителя, зрителя) с целью увеличения количества использования продукции или посещений музея, театра, кинотеатра, а также улучшить продвижение продукта на российский и мировой рынок с учетом принятых международных стандартов;

– увеличить мотивацию и эмоциональную вовлеченность пользователей продукции, в том числе за счет возможности менять роли «зритель – участник – соавтор», улучшить у них формирование индивидуального и коллективного опыта, в том числе недоступными в реальном мире способами, с учетом индивидуальных особенностей.

Пекарникова М. М.

ФЕНОМЕН САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Пекарникова Маргарита Марковна – кандидат экономических наук, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: margarita.pekarnikova@gmail.com

Аннотация. Социальные сети являются одним из самых посещаемых ресурсов в Интернете, отправной точкой путешествия по бескрайним просторам информации; местом, где можно создать свою собственную реальность и принципиально другой образ себя.

Pekarnikova M. M.

PHENOMENON OF SELF-PRESENTATION IN MODERN INFORMATION SOCIETY

Pekarnikova Margarita Markovna – Ph. D. (Economics), Associate Professor, Department of Advertising and Modern Communications, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Abstract. Social networks are one of the most visited resources on the Internet, the starting point of a journey through the vast expanses of information; a place where you can create your own reality and a fundamentally different image of yourself.

Всю свою жизнь человек живет в мире иллюзий, которые, как правило, активно сам и создает. Мозг человека искажает картину мира, создавая свою реальность. В ряде экспериментов было продемонстрировано, что можно создавать ложные воспоминания с помощью простого монтажа фотографий (иллюзия памяти), то есть вполне можно переписать историю человека, изменить его прошлое путем фальсификации. В современном информационном мире еще одним механизмом создания иллюзий являются социальные сети. Они провоцируют человека на креативную деятельность, связанную с осуществлением самопрезентации другим личностям в различных чатах, форумах, блогах и аккаунтах социальных сетей.

Искусственно созданный образ – это один из способов проявить свое могущество, влияя на других. Политики, звезды шоу-бизнеса и спорта создают в сетях аккаунты с миллионами подписчиков, которые следят за каждым их действием. Распространенность образов, не имеющих сущностного наполнения, возбуждает наши ощущения, но заставляет нас испытывать духовный голод и вызывает еще более сильное желание принимать их образ за идеал, к которому стоит стремиться. По существу, реальность часто настолько искажается, что человек больше не знает, кому или чему верить.

Самопрезентация важный психологический феномен. Старый как мир, но никогда не теряющий свою актуальность. Каждая культура и эпоха озабочена проблемой того как себя правильно вести и производить нужное впечатление. Особенно актуальной эта проблема становится, когда меняются социальные условия и появляются новые правила поведения и новые технологии.

Как правило, под самопрезентацией понимают средство формирования образа-Я и поддержания самооценки [4]. Существует пять стратегий самопрезентации, каждая из которых направлена на получение определенного вида власти. Власть обаяния – такая стратегия обязывает быть дружелюбным к окружающим; власть эксперта – человек демонстрирует свои знания и компетентность; власть страха – демонстрация силы, обязывает окружающих подчиниться; власть наставника – демонстрация духовного превосходства; власть сострадания – демонстрация слабости.

Западные исследователи Фриндте и Келлер [3] выделяют набор факторов, оказывающих влияние на самопрезентацию и идентифи-

кацию в Сети: опыт взаимодействия с компьютером и опосредованного компьютерного общения; присутствие и анонимность аудитории; степень самосознания пользователя; идентификация с социальной группой/категорией пользователей компьютера (социальная идентичность).

Подчеркнем, что человек является сущностью, в отношении которого можно фиксировать определённые факты, то есть неизбежно является объектом биографического описания[1]. До появления социальных сетей биография в значительной мере создавалась задним числом и у индивида могла быть только одна биография, факты его деятельности не могли противоречить друг другу и быть не связанными между собой. В информационном обществе, процесс создания биографии происходит одновременно с самой жизнью (он-лайн) и в различных социальных сетях человек может публиковать различные факты о себе и фактически создавать параллельно разные биографии своей личности.

Следует обратить особое внимание на контраст между единственностью линии жизни и множественностью «я» (самостей), которую можно обнаружить в одном индивиде. Рассматривая его с точки зрения выполняемых им социальных ролей: при условии, что роль и аудитория четко разграничены, ему довольно легко удастся сохранять одновременно несколько своих «я» и порою даже говорить, что он – уже не тот, кем был когда-то [1].

По Гофману, что бы ни порождало человеческую жажду социальных контактов и компанейства, результат этого выражается в двух функциональных формах: потребности в аудитории, перед которой можно испытать лучшие проявления своего социального Я, и потребности в собратьях по команде, с которыми можно войти в отношения интимного сговора и закулисного совместного расслабления [2]. Поделившись в социальной сети неким неприятным событием из жизни, можно легко получить необходимое внимание и эмоциональный отклик, а также создать образ жертвы, свалив вину на другого, в итоге ощутив временное облегчение и чувство нравственной правоты.

Если мы видим, как другие люди получают удовольствие от использования социальных сетей, то даже если первая реакция была негативная, то со временем, избегая когнитивного диссонанса, она меняется. По мере того как пользователи продолжают делиться своей информацией, а также получать другую – архив их виртуальной жизни растет. Эта коллекция напоминаний об интересных моментах и полученном опыте со временем становится для человека

все более ценной. Следовательно, ему всю труднее покинуть ресурс и он все больше инвестирует в него свое время. Чем больше человек пишет о себе на конкретном сайте, тем сильнее привязывается к нему.

Библиографический список:

1. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
2. *Гофман И.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер М.С. Добрякова.
3. Гуманитарные исследования в Интернете/ Под редакцией А.Е Войскуновского – М., «Можайск-Терра», 2000. – 432 с.
4. *Михайлова Е. В.* Обучение самопрезентации. Гос. ун-т – Высшая школа экономики.- М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 167 с.
5. *Хотчис С.* Адская путина: Как выжить в мире нарциссизма / Пер. с англ. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс». – 248 с.

Понькина А. М.

**МУЗЫКА ДЛЯ САКСОФОНА ЭПОХИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Понькина Антонина Михайловна – кандидат искусствоведения, доцент, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия.

E-mail: ponkina_2006@mail.ru

Аннотация. Эстетические нормы и каноны эпохи информационного общества сыграли важную роль не только в эволюции художественного наследия для саксофона, но и определили расширение выразительной палитры инструмента путём внедрения огромного количества всевозможных нетрадиционных исполнительских приёмов, сущность которых заключается в умении музыканта производить довольно специфические действия с инструментом.

Ponkina A. M.

MUSIC FOR THE SAXOPHONE EPOCH OF INFORMATION SOCIETY

Ponkina Antonina Mikhaylovna – Ph. D. (Art Studies), Associate Professor, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Abstract. Aesthetic norms and canons of the information society epoch have played an important role not only in the evolution of the artistic heritage for the saxophone, but also have determined the expansion of its expressive palette by introducing a huge number of various non-traditional performing techniques. Their essence is the ability of a musician to perform quite specific actions with the instrument.

Последняя треть XX века – наиболее интересный и плодотворный этап композиторского творчества для саксофона. Изменения, происходящие в академической музыке для этого инструмента в эпоху информационного общества, поражают громадным спектром новаций. Довольно часто жанр опуса становилось возможным определить только благодаря названию сочинения, так как признаки жанровой модели были сильно размыты, а иногда и вовсе отсутствовали. Расширение границ жанра в данный исторический период происходит благодаря совмещению различных стилевых и жанровых моделей. Данные процессы способствовали появлению таких образцов произведений как соната-фантазия, концерт-соната, квартет-соната и др.[1].

Кроме этого, большинство жанров для саксофона отходит на второй план, а некоторые и вовсе исчезают из композиторской практики как не дающие основу для плодотворного экспериментирования. С учетом этих тенденций, продолжается эффективное экспериментирование в рамках ансамблевой музыки, а также жанров миниатюры, концерта, сонаты, сюиты. Происходит своеобразное преломление таких жанров барочной музыки, как например, *concertogrosso* и партита для саксофона.

Выразительная палитра инструмента расширяется путём внедрения огромного количества всевозможных нетрадиционных исполнительских приёмов, сущность которых заключается в умении музыканта производить довольно специфические действия игрового аппарата. В связи с чем, их воплощение расценивается с позиции технологического совершенствования инструменталиста [2]. Во многих произведениях, написанных в жанре концерта для саксофона [3], введением нетрадиционных исполнительских приёмов композиторы пытаются заменить исконно традиционные средства (такие, как например, техническая виртуозность) [4], являвшихся на предыдущих исторических этапах главными атрибутами концертирования.

Подтверждением того, что данные нововведения являются одной из характерных тенденций эпохи информационного общества, служит появление большого числа сольных произведений композиторов-саксофонистов (Р. Нода, К. Лоба, П. Итюрральде и др.), основанных на показе всех технически-виртуозных и выразительных возможностей инструмента, посредством использования всё тех же нетрадиционных исполнительских приёмов.

Таким образом, стоит отметить следующее. Эстетические нормы и каноны эпохи информационного общества сыграли важную роль не только в эволюции художественного наследия для саксофона, но и определили расширение выразительной палитры инструмента

путём введения новых исполнительских средств, как нельзя лучше отражающих тенденции анализируемого периода.

Библиографический список:

1. *Авилов В.Н.* Сольный концертный репертуар саксофониста: исторический обзор // Музыкальное мистецтво: збірка наукових статей. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2005. – Випуск 5. – С. 249–255.

2. *Крижанівський Ф.П.* Український концерт для тромбона в аспекті становлення та розвитку жанру : дис. на здобуття вченого ступеню кандидата мистецтвознавства. – Одеса, 2006. – 204 с.

3. *Понькина А.М.* Новые тенденции в концерте для саксофона 70-х – 90-х годов XX столетия // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2 (65). – С. 23–28.

4. *Weston R.R.* A Performance Practice Guide for Paul Chihara's «Concerto for Saxophone and Orchestra» : A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Musical Arts. – Los Angeles, 2013. – 80 p.

Степанова Е. В.

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРЕССА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
О КАМЕРНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ**

Степанова Елена Викторовна – кандидат искусствоведения, преподаватель Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: no_vikova@list.ru

Аннотация. В 1870-е годы именно в Санкт-Петербурге наиболее активно развивалась камерно-инструментальная музыка. Камерно-инструментальные произведения рассматривались критиками как особое направление, а насыщенное развитие камерно-инструментальной культуры Петербурга нашло свое отражение в различных жанрах критических выступлений в прессе.

Stepanova E. V.

**PETERSBURG PRESS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY
ABOUT CHAMBER-INSTRUMENTAL MUSIC OF DOMESTIC COMPOSERS**

Stepanova Elena Viktorovna – Ph. D. (Art History), teacher, Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg, Russia.

Abstract. In the 1870s, chamber-instrumental music developed most actively in St. Petersburg. Critics regarded the chamber-instrumental works as a special trend. The extraordinary development of the chamber-instrumental culture of St. Petersburg was reflected in various genres of critical publications in the press.

Вторая половина XIX века – один из важнейших этапов развития отечественной камерно-инструментальной музыки. Появление разнообразных камерных ансамблей, в том числе признанных классическими сочинений П.И. Чайковского и А.П. Бородина, их исполнение способствовали дальнейшему расцвету этой ветви инструментального искусства. Для некоторых композиторов камерная музыка стала одной из ведущих линий творчества. Однако, несмотря на значительное число появившихся ансамблей, определение их места в наследии композиторов, концертной жизни России, а также слушательской аудитории, во многом, возможно только при изучении материалов прессы рассматриваемого периода.

Развитие отечественной камерно-инструментальной музыки происходило неравномерно и внутри обозначенного временного периода, и в географии распространения. В отношении активности композиторского творчества и формировании концертной публики лидировал Петербург. Именно здесь с1870-х годов камерная музыка становится одной из ведущих линий концертной жизни. Популярности камерных концертов, наряду с развитием обществ камерной музыки и концертными выступлениями выдающихся ансамблей, способствовала обширная, постоянно растущая отечественная камерно-инструментальная литература. Значение данного фактора подчеркивалось в статьях и обзорах, публиковавшихся в периодических печатных изданиях.

Насыщенное развитие камерно-инструментальной культуры Петербурга нашло свое отражение в различных жанрах критических выступлений в прессе. Краткие анонсы, развернутые рецензии, обзоры деятельности обществ камерной музыки, публикации их уставов, объявления о конкурсах камерной музыки и сообщения их результатов позволяют получить представление о наиболее важных линиях развития отечественной камерно-инструментальной музыки второй половины XIX века.

Камерно-инструментальные произведения рассматривались критиками как особое направление, развивающее не только профессиональное мастерство композитора, но и воспитывающее вкусы музыкантов и слушателей. Появление новых произведений отмечалось особо, предоставляя возможность в рецензии отметить и качество исполнения, и, зачастую довольно подробно анализировать прозвучавшее сочинение. Постоянно расширяющийся круг отечественных камерно-инструментальных ансамблей позволял критикам также рассуждать о вопросах развития отечественной камерной музыки, выделять как отдельную жанровую ветвь «русские квартеты», определяя их значение в истории национального искусства.

НАУКА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЧЕЛОВЕК, ИНФОРМАЦИЯ, КОСМОС

Коробкова С. Н.

РОЛЬ ЭТИКЕТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: korobkova@hf-guap.ru

Аннотация. Автор акцентирует внимание на том, что роль этикета как регламентирующей системы возрастает в информационную эпоху, поскольку правила этикета выступают знаковой системой, сигнализирующая участникам общения о смысле передаваемой информации (интерпретативная парадигма).

Korobkova S. N.

THE ROLE OF ETIQUETTE IN INFORMATION SOCIETY

Korobkova Svetlana Nikolaevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The author focuses on the fact that the role of etiquette as a regulatory system increases in the information age, since the rules of etiquette are a sign system that signals participants of communication about the meaning of information transmitted (interpretive paradigm).

Этикет интуитивно связывается с правилами приличия и, в качестве такового, осмысливается как малозначительное явление, ибо обладает низкой степенью обязательности и высокой степенью вариативности.

В системе знания, этикет – составная часть этики и морали. Советский этикет, например, самым тесным образом был связан с идеологией и моралью и, тем самым, не допускал «разночтений». Это обеспечивало унифицированную среду общения и, следовательно, повышало степень взаимопонимания.

Современные словари определяют этикет как установленный порядок поведения и сводят его к правилам вежливости, суть которой, в свою очередь – в доброжелательности (см., напр. Большой энци-

клопедический словарь <https://dic.academic.ru/>). Такое толкование содержания данного понятия отражает его нормативную сторону и, в настоящее время, актуально для непосредственного общения.

В информационную эпоху общение приобретает сложную структуру. Причиной этого является технологизация, активное и даже директивное внедрение инфокоммуникационных технологий (ИКТ). Если в повседневности, человек имеет возможность самостоятельно определять форму взаимодействия, то в деловой, профессиональной среде – человек попадает в «сеть» в буквальном, метафорическом и моральном смысле. Человек вынужден использовать интернет-коммуникации, социальные сети для делового взаимодействия на фоне недостаточного опыта или (и) активного неприятия. Часто реальное общение осуществляется исходя из ложно понятых моделей взаимодействия в социальных сетях (абсолютная свобода, неуязвимость, неузнаваемость и т.п.)

Степенью принятия тех или иных форм современной коммуникации отягощается существующий объективно межпоколенный конфликт.

Человек в информационном обществе остро переживает феномен времени, соответственно ИКТ отвечает потребностям современного человека, сокращая расстояние (дистанцию) и скорость передачи информации. Негативные последствия этого – устранение дистанции вообще, т. е. диалога. Между тем, осознание «Другого» (субъект взаимодействия), «хронотопа» (пространственно-временные характеристики взаимодействия) являются необходимыми для определения «этикетной ситуации» и выбора модели взаимодействия (средств, способов, ритуалов). За «этикетными атрибутами» следует поле ценностных ориентиров (см. Лихачева Л. С. «Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход»).

Исследование феномена этикета как знаковой системы отражает интерпретативный уровень понимания. С философской точки зрения, этикет следует рассматривать в контексте теорий о символах и знаках: теория интеракции, семиотика, герменевтика (см. Лотман «Семиотика и типология культуры», «Семиотика бытового поведения»; Гадамер «Истина и метод: основы философской герменевтики», Дж.Мид «Философия действий»)

Можно предположить, что ценностные установки информационного общества, нравственные максимы будут сформированы по принципу «от противного»: от внешних правил поведения – к внутренним моральным убеждениям.

Актуальной становится задача выработки правил этикета профессиональным сообществом, конструирование структуры этикетных ситуаций, осмысление средств социального контроля.

Коломийцев С. Ю.

**ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ
НА УСТРОЙСТВО ВСЕЛЕННОЙ В МИРОВОМ И
ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА
И ФРАКТАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

Коломийцев Сергей Юрьевич – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: kolomiytsev@yandex.ru

Аннотация. В работе указаны основные этапы и открытия при изучении Вселенной и создании её моделей. Открытия конца XX века указывают на эффект кластеризации галактик. В работе делается вывод о том, что применение фракталов и фрактальной математики при исследовании космоса на определённых масштабах может стать полезным и продуктивным методологическим приёмом.

Kolomiytsev S. Yu.

**DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THEORIES ABOUT
THE STRUCTURE OF THE UNIVERSE IN THE WORLD AND RUSSIAN
NATURAL SCIENCE IN THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY
AND FRACTAL APPROACH**

Kolomiytsev Sergey Yurevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, Ph. D. (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The main discoveries in the Universe exploration and its main models are described in the article. Discoveries of the end of the XX century demonstrate the clustering of galaxies effect. Thus application of fractal analysis and fractal mathematical in space exploration on some scales can be a useful and productive method.

До начала XX века большинством ученых Вселенная представлялась вечной, неизменной, стационарной, бесконечной в пространстве и времени. Однако уже в середине XIX века в рамках данной модели были известны три космологических парадокса, предсказывающих ненаблюдаемые эффекты, которые не могли быть объяснены в рамках классической модели.

1) Парадокс Г. В. Ольберса (фотометрический парадокс) был сформулирован и популяризирован в 1826 году, однако к нему приходили и более ранние учёные (Ж.-Ф. Л. де Шезо, И. Кеплер, Э. Галлей и др.).

Согласно данному парадоксу, если бы Вселенная являлась бесконечной, то в ней должно было бы существовать бесконечное количество звёзд, следовательно, ночное небо, должно было бы быть таким же светлым, как и днём.

2) Парадокс Р. Клаузиуса (термодинамический парадокс) был сформулирован в 1865 году на основе взглядов У. Томсона (лорда Кельвина). Согласно парадоксу, из 2 закона термодинамики следует, что все горячие объекты во Вселенной должны остыть, холодные – нагреться, в результате чего все процессы во Вселенной должны прекратиться, и должна наступить «тепловая смерть Вселенной». Существует также точка зрения, согласно которой авторами данного парадокса, наряду с иностранными учёными, являются отечественные философы-естествоиспытатели Н. А. Умов и К. Э. Циолковский.

3) Парадокс К. Неймана – Г. Зелингера (гравитационный парадокс) сформулирован независимо друг от друга двумя учёными около 1895 года. Согласно ему, на каждое тело в бесконечной и однородной Вселенной должно действовать бесконечное количество гравитационных сил от других тел, что должно привести к нестабильности Вселенной или даже разрыву на части.

В рамках космологии в начале XX века были предприняты различные попытки создания новой теории, объясняющей устройство Вселенной и устраняющей парадоксы. Например, в 1917 году А. Эйнштейн предложил релятивистскую модель Вселенной, согласно которой трёхмерная Вселенная имеет конечные размеры, но неограниченна подобно тому, как двухмерная сфера является границей трёхмерного шара. Но самой успешной теорией стала модель расширяющейся Вселенной и теория Большого взрыва. Перечислим основные этапы её развития:

- 1912 год: В. М. Слайфер впервые обнаружил эффект «красного смещения»;
- 1922 год: А. А. Фридман математически показал, что Вселенная может расширяться или сжиматься;
- 1929 год: Э. Хаббл, изучив эффект «красного смещения», доказал, что галактики удаляются друг от друга, следовательно, когда-то в прошлом находились рядом;
- 1948 год: Г. Гамов выдвинул теорию, согласно которой Вселенная возникла 13,7 млрд. лет назад из плотного и горячего первичного вещества, и предсказал существование остаточного СВЧ-излучения;
- 1964 год: Р. Дикке и Дж. Пиблс предсказали, что должны наблюдаться последствия свечения ранней Вселенной в виде СВЧ-излучения с температурой около 4 К;

– 1965 год: А. Пензиас и Р. Вильсон независимо от Дикке и Пиблса обнаружили СВЧ-излучение, одинаковое от всех направлений Вселенной; данное излучение было названо И. С. Шкловским «реликтовым»;

– 1967 год: С. Хокинг и Р. Пенроуз доказали существование бесконечно плотного и тяжёлого вещества в начале существования Вселенной и назвали его точкой сингулярности.

Рассмотрим основные этапы исследования масштабов Вселенной:

– 1610 год: Г. Галилей, наблюдая через телескоп Млечный Путь, увидел, что он состоит из огромного количества звёзд;

– 1785 год: У. Гершель оценил размеры и форму Млечного Пути и выдвинул предположение, что некоторые туманности, состоящие из огромного количества звёзд, являются другими галактиками и находятся намного дальше Млечного Пути;

– 1837 год: В. Я. Струве вычислил параллакс Веги, доказав, что звёзды находятся намного дальше, чем планеты и Солнце;

– 1922 год: Э. Ю. Эпик вычислил расстояние до галактики Андромеды, доказав, что она находится намного дальше видимых звёзд Млечного Пути;

– 1924 год: Э. Хаббл доказал существование других галактик, классифицировал их и оценил расстояние до них;

– 1930-е годы: открыто существование скоплений галактик, разделённые пустотой (хотя некоторые скопления галактик наблюдались и ранее);

– 1960-е годы: открыто существование сверхскоплений галактик;

– конец XX века: открыты галактические стены (нити).

В СССР теория Большого взрыва долго не принималась рядом учёных и идеологов из-за влияния марксистской философии. Например, утверждалось, что отрицание бесконечности Вселенной является ненаучным и ведёт к идеализму, а утверждение, что у Вселенной есть возраст, приводит к идее творения [см.: 3]. Считалось, что поскольку материя первична и бесконечна, то Вселенная также должна быть вечной и бесконечной. Одной из попыток объяснения космологических парадоксов было принятие и развитие иерархической модели Вселенной Ламберта – Шарлье, появившейся ещё в XVIII веке. Согласно данной модели, Вселенная имеет бесконечную иерархическую структуру в виде систем (или гроздей) разных уровней. Отчасти эту теорию поддерживали, например, С. Т. Мелюхин, Г. И. Наан. По своей сути данная теория является частным случаем общей теории бесконечной вложенности материи, на данный момент не считающейся научной, подтверждённой и общепринятой.

Попыткой же объяснить эффект красного смещения, не принимая теорию Большого взрыва, являлась теория старения света [см.: 4]. Одним из создателей данной гипотезы являлся советский академик А. А. Белопольский [см.: 2]. Согласно его теории, выдвинутой в 1929 году, фотоны со временем теряют энергию пропорционально пройденному расстоянию, что и приводит к смещению спектральных линий в красную (длинноволновую) область. Также эту гипотезу поддерживал швейцарско-американский астрофизик Фриц Цвики. Данная теория хорошо вписывалась в материалистическое мировоззрение СССР, однако в данное время теория старения света считается устаревшей и ненаучной. С теорией старения света была связана гипотеза старения элементарных частиц, согласно которой значения параметров элементарных частиц меняются со временем, которая на данный момент также не является научной, опровергнутой экспериментально и противоречащей многим фундаментальным положениям квантовой физики.

Тем не менее, следует сказать, что идея расширяющейся Вселенной всё же поддерживалась рядом учёных (например, Я. Б. Зельдовичем, И. Д. Новиковым), и её популярность стала расти после открытия реликтового излучения. Я. Б. Зельдович внёс вклад в объяснение неоднородности структуры крупномасштабной Вселенной в результате гравитационной неустойчивости во время развития Вселенной.

Помимо конкуренции между теориями Вселенной, в истории науки XX века наблюдается спор, касающийся однородности и неоднородности Вселенной. Дебаты идут до сих пор, хотя существуют работы, которые претендуют на решение этого спора в пользу однородности Вселенной в самых крупных масштабах (более 100 Мпк) [см.: 6]. В то же время ряд учёных обращает внимание, что на масштабах примерно 1–1000 Мпк наблюдается эффект кластеризации галактик [1, с. 102]. Идея кластеризации галактик начала подробно обсуждаться, начиная со второй половины XX века, а в конце 1980-х стали появляться первые каталоги красных смещений галактик, благодаря чему появилась возможность измерять не только угловые координаты галактик, но и расстояние до них, то есть составлять трёхмерные карты. Значительным событием стала публикация Л. Петронеро в 1987 году каталога галактик, показавшего фрактальную структуру Вселенной в масштабах галактик, скоплений и сверхскоплений [5].

Как видно, удобным подходом при исследовании Вселенной может являться применение фракталов и фрактальной математики. Математические фракталы бесконечны. Физические же (природные)

фракталы конечны. При изучении Вселенной нижней границей фрактальности может считаться размер Галактик. Вопрос о верхней границе является более сложным и может варьироваться от размеров сверхскоплений галактик до размеров обозримой Вселенной целиком (15 Гпк). Идея фрактального распределения галактик впервые осмысленно предложена Б. Мандельбротом в 1970-е («Фрактальная геометрия природы», 1977). Фрактальный подход к пониманию структуры мира и Вселенной с учётом последних открытий в области космологии позволяет произвести синтез иерархичности и однородности Вселенной, дать ряд новых удобных методологических и математических решений в исследовании и описании мира. Не забывая о том, что концепция бесконечной вложенности материи не является актуальной, а физические фракталы, как и физический мир, должны являться конечными, фрактальный подход к исследованию и описанию некоторых областей мира может быть продуктивным.

Список литературы

1. Барышев Ю. В., Теерикорпи П. Фрактальный анализ крупномасштабного распределения галактик // Бюллетень Специальной астрофизической обсерватории РАН. – 2006. – Т. 59. – С. 92–160.
2. Белопольский А. А. Изучение спектром внегалактических туманностей // *Астрономические труды*. – М. – Л.: Гостехиздат, 1954. – С. 266–267.
3. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
4. Мельников О. А., Попов В. С. Недоплеровские объяснения красного смещения в спектрах далёких галактик // *Некоторые вопросы физики космоса*. Сборник 2. – М.: ВАГО АН СССР, 1974. – С. 9–32.
5. Pietronero L. The Fractal Structure of the Universe: Correlations of Galaxies and Clusters and the Average Mass Density // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications* – 1987. – Vol. 144. – Is. 2–3. – pp. 257–284. DOI: 10.1016/0378-4371(87)90191-9.
6. Scrimgeour M. I., Davis T., Blake C., James J. B., Poole G. B., Staveley-Smith L., Brough S., Colless M., Contreras C., Couch W., Croom S., Croton D., Drinkwater M. J., Forster K., Gilbank D., Gladders M., Glazebrook K., Jelliffe B., Jurek R. J., Li I-H., Madore B., Martin C., Pimblet K., Pracy M., Sharp R., Wisnioski E., Woods D., Wyder T. K., Yee H. K. C. The WiggleZ Dark Energy Survey: The Transition to Large-Scale Cosmic Homogeneity // *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*. – Volume 425. – Issue 1. – 1 September 2012. – pp. 116–134. DOI: 10.1111/j.1365-2966.2012.21402.x.

Битюцкая А. А.

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ КОСМИЗМ

Битюцкая Алла Альбертовна – магистрант, факультет философии и психологии, Воронежский Государственный университет, Воронеж, Россия
E-mail: alla-bituzk@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрены основные идеи философии Н. Ф. Фёдорова: философия общего дела, идея смерти и бессмертия, идея семьи как нравственной ячейки общества.

Bityutskaya A. A.

RUSSIAN RELIGIOUS COSMISM

Bityutskaya Alla Albertovna – Graduate student, Department of Philosophy and Psychology, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Abstract. In this paper, the main ideas of the philosophy of N. F. Fedorov are considered: the philosophy of the common cause, the idea of death and immortality, the idea of the family as a moral unit of society.

Невозможно рассматривать современную русскую философию без линии космизма. Термин «космизм» предполагал расположение человека в космическом поле и постижение этого поля. Предтечей отечественного космизма станет А.И.Герцен, показав перманентный логический реализм. К началу двадцатого века апокрифическая философия получит два вектора развития: научный в лице К.Э. Циолковским, А.Л. Чижевским, В.И. Вернадским, и религиозный во главе Н.Ф. Фёдоровым. Также к религиозно-философскому космизму можно причислить и В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, но их вклад был менее значим, чем идеи Фёдорова.

Н.Ф. Фёдоров станет ярким идеологом антисциентической линии. Он экспонирует обществу серебряного века «философию общего дела», в которой окружающая природа и естественный порядок вещей становится враждебными по отношению к человеку. Следовательно, в «философии общего дела» смерть была несправедлива и не нравственна. Вселенная должна быть разумно – управляемой и одухотворенной субстанцией. Философ предлагает два варианта существования в новом космосе: первый – воскрешение для умерших, второе – бессмертие для живущих. Объединяет две формы всеобщая идея бессмертия.

Идея бессмертия, по мнению Н.Фёдорова, предполагала такой процесс реализации: вселенная (научные силы) будет «воскрешать» человека сразу же после его смерти (после клинической смерти). Мыслитель вводит в мироустройство свой деонтологический принцип:

у каждого существующего человека есть персональный долг перед умершими отцами, которые заслужили жить вечно.

Долженствование обретает черты супраморализма, в котором целью становится воскрешение всех людей, даже тех, которые были «оставлены богом»: «...Мы даже обязаны поставить человечеству одну общую цель и утверждать необходимость, возможность и обязательность установления целесообразности не словом, а общим делом».[3, с. 456]. Многие современники воспринимали концепцию Н.Фёдорова в штыки: обвинения в эзотеризме и отрицании природы не воспринимались автором.

«Философия общего дела» должна была превратиться в «философию действия», в нравственный долг возвращения умершего. Добиться этого, по мнению мыслителя, можно было с помощью научных открытий. Яркое проявление позитивизма на русской почве: наука берет на себя функцию воскрешения умерших и покорения космоса. Когда произойдет окончательный процесс, в мире наступит всеединство, в котором фюсис не сможет умертвить даже одного человека. Всеединство поможет индивиду «...стать нераздельной и незаменимой частью всеединого целого, самостоятельным живым и своеобразным органом абсолютной жизни. Истинная индивидуальность есть некоторый определенный образ всеединства, некоторый определенный способ восприятия и усвоения себе всего другого» [2, с. 81]. Всеединство дополнялось чертами этического вечного братства, напоминавшего соборность у софиологов. Этика основывалась на творчестве воссоздания людей: воскрешении и бессмертии.

Особое место в «философии общего дела» занимал гендерный вопрос. Человек в данной парадигме был существом, хоронящим людей и чувствующим скорбь во время потери близкого родственника. Тоска была главным экзистенциалом несовершенства для личности. Для её уничтожения Н.Фёдоров предлагал отмену смерти, следовательно, приносящую отсутствию скорби. Главным нравственным императивом, помимо долга перед предками, был моральный запрет на акт размножения, расточающий энергию человека, которая должна была быть направлена в русло достижения бессмертия. Ведущий лейтмотив, направленный на созидание абсолютной родственности совсем не предполагал ассимиляцию брачного института, а наоборот открывал свежий взгляд на семейные отношения. «Брак, основанный на любви к родителям, имеет главной целью уже не рождение, а воскрешение, и такой брак (с целью воскрешения) имеет решительную всеобщность; ибо нет людей, у коих не было бы родителей, тогда как неимение детей – явление возможное и не очень редкое. Союз, основанный на совершеннейшей откровенности,

на ежедневной взаимной исповеди, без коей он немислим, ибо и тень лжи делает невозможным воскрешение, – такой союз и в этом отношении имеет решительное преимущество пред союзом для рождения, который не заключает в себе безусловного требования чистоты и душевной откровенности. Точно так же брак для воскрешения требует значительной подготовки, просвещения, тогда как рождение вовсе не нуждается в просвещении. Несмотря на такой тесный союз, в какой приводит долг воскрешения брачную чету, не может она враждебно относиться к другим подобным союзам, ибо всеобщее воскрешение – результат всеобщей любви; церковь – общество, основанное на взаимознании, психократия есть для нее первое, необходимое условие» [3, с. 411].

Также от семьи требовалось исключение флёра себялюбия: «У нас искренно или неискренно оправдывают свое личное существование необходимостью его для детей. Но что это за апофеоз поденщины эфемерного существования; даже с точки зрения личной, эгоистической свободы такое определение неудовлетворительно. Лишь тот достоин жизни и свободы, кто не только жизнь и свободу добывает трудом, но и самые орудия добывания их, словом, весь он есть плод собственного труда, т. е. полная свобода, самодеятельность тождественна бессмертию» [3, с. 430]. Семья, провозгласившая курс на бессмертие, должна стать нравственной ячейкой общества. Основной функцией этой межличностной группы становился труд строителя нового мира.

Первый этап состоял из «угасания половой страсти» и созидания персональной одухотворенности, с предварительным очищением от окружающей и разрушительной культуры. На втором этапе мыслитель хотел «одухотворить космос». Чтобы осуществить этот процесс требовалось населить космос отцами (потому что земля не располагала территориальными ресурсами). После массового переселения, космос станет сверхорганизмом. Для поддержания коммуникативной функции планеты станут «чувствующими и двигающими» элементами солнечной системы, появятся транспортные магистрали, по которым можно будет совершать вояжи к предкам. Конечно, такие инфантильные фантазмы Н.Фёдорова воспринимались, как «мечты сумасшедшего мыслителя». Но именно эти мечты в двадцатом веке станут реальностью, человек покорит космос и другие планеты, а «фантастический» философ получит заслуженно звание религиозного трансгуманиста.

Всё творчество Н.Ф.Фёдорова станет второй, после соловьёвской софиологии, стоящей концепцией в русской философии: «...Фёдоров – единственное, необъяснимое и ни с чем не сравнимое явление в умственной жизни человечества... Рождением и жизнью Фёдорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре

не повернется язык упрекнуть нас, что мы не бросили векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда...» [4, с. 7].

Если «София» В.С. Соловьёва не имела практического применения из-за многоликой гармонии всеединства, то «философия общего дела» станет первой реальной парадигмой, созданной не физиком и не математиком, а философом, которая повлечёт за собой научную революцию. Помимо успеха в сциентистской линии, в философской науке изучать и следовать заветам космизма продолжат легальные марксисты – «богоискатели» и некоторые представители философии зарубежья.

Космизм оригинальное явление русской действительности. Не зря Н.А.Бердяев отмечал, что только на русской почве могло появиться такое течение. Неподдельная гениальность Н.Ф.Фёдорова была моментально признанна вторым гением серебряного века – В.С.Соловьёвым: «Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа... Проект Ваш (речь идет о Федоровской идее воскрешения) я принимаю безусловно и без всяких разговоров... Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову. Я, со своей стороны, могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным»[1, с. 117]. Поразительно, что властитель умов символистов признает своим кумиром «сумасшедшего гения». Мне хочется упомянуть, что современники часто не воспринимали фёдоровский каприз всерьез, но как показало время – проект стал реальным. На мой взгляд, важная черта, которую пропускают сквозь пальцы, это то, что русский космизм – это самый дерзкий проект за всю историю русской философии. Тотальное действие во имя победы над смертью, безусловно, не было столь грубым, но «общее дело», подавившее окружающий прогрессизм и мистицизм, было поистине пугающим. Те, кто поверил вызывающим идеям, стали титанами космической эры. В подтверждение напомним о К. Э. Циолковском и о А.Л. Чижевском.

Этим и удивительна работа Фёдорова. Он раскрыл индивида с другой стороны: со стороны личной драмы, которая всегда остается трансцендентной.

Список литературы:

1. *Бердяев Н. А.* Трагедия и новое бытие / Н.А. Бердяев. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – с. 320- (Искусство и действительность).
2. *Соловьёв В.* Смысл любви: избранные произведения / Владимир Соловьёв. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 352 с.
3. *Федоров Н.* Сочинения. Том 1. – М.: Мысль, 1982. – 709 с.
4. *Федоров Н.* Собрание сочинений. Том 1. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 544 с.

Бурова М. Л.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. В. ИЛЬЕНКОВА

Бурова Мария Леонидовна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: marburova@yandex.ru

Аннотация. Обращение Ильенкова к гносеологическим и онтологическим проблемам научного познания происходило в рамках критики позитивистских концепций и исследования проблемы идеального и материалистической диалектики. Наиболее разработанными являются вопросы природы научного понятия и логики развития научного знания

Burova M. L.

PROBLEMS OF PHILOSOPHY OF SCIENCE IN THE WORKS OF E. V. ILYENKOV

Burova Maria Leonidovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, PhD (Philosophy).

Abstract. Ilyenkov's appeal for the gnoseological and ontological problems of scientific cognition took place within the framework of criticism of positivist concepts and the study of the problem of ideal and materialistic dialectics. The most developed issues are the nature of scientific concepts and the logic of the development of scientific knowledge.

Проблемы философии науки в работах Э. В. Ильенкова неотъемлемо связаны с исследованием процессов мышления и познания, сущности идеального и диалектики абстрактного и конкретного. Мышление рассматривается философом как непрерывный процесс, как специфическая деятельность по особому рода переработке чувственно данных фактов, смысл и цель которой с самого начала состоит в постижении «эмпирического в его синтезе» [4]. И в то же время мышление есть объективированный результат совместной деятельности людей, противостоящий им же самим *как особая*, отделившаяся от них «сила» и «власть», диктующая индивидуальному мышлению свои законы, законы логики [1, с. 140]. В исследовании философом гносеологических и онтологических проблем научного познания, в критике концепций философии науки представляется важным выделить два основных момента: природа научного понятия и логика развития научного знания

1. Вопрос о происхождении и природе научных понятий рассматривается философом в сравнении эмпирической (метафизической) и диалектической традиции в гносеологии. Научное понятие – не слово и не выраженное в нем общее представление, не абстракция. Диалектика видит в понятии отражение единичного предмета со стороны его особенности, благодаря которой он и оказывается необходимым элементом некоторого целого и единичным (односторонним) выражением конкретного целого, выражая отличие, а не абстрактное сходство. Как логический процесс образование понятий есть совпадение «анализа» с «синтезом» [4]. Ошибочным являются требование «чистого анализа» и «конкретности анализа», которые приводят либо к образованию слов как выражению чувственно воспринимаемых фактов, либо к нереализуемой в действительном познании предельной полноте подробностей и деталей. Следствием неверного, унаследованное от эмпиризма понимания сути абстрактного и конкретного, является, полагал Ильенков, агностицизм, ликвидация теории как таковой, обреченной оставаться в сфере более или менее субъективных абстракций и никогда не улавливать объективной конкретности.

Критикуя свойственное эмпиризму понимание логики как системы правил, обеспечивающих построение внутренне непротиворечивой иерархии понятий, на вершине которой стоит самое общее, абстрактное как таковое, а в фундаменте конкретное, как таковое в виде безбрежного моря индивидов, философ указывает, что конкретное в виде суммы неповторимых фактов оказывается неопределенным и может только чувственно переживаться. Тем самым Ильенков обнаруживает связь средневекового номинализма через системы Локка, Беркли, Кондильяка, Д. С. Милля, и неопозитивизма («методологический солипсизм» Р. Карнапа). Отождествление конкретного с индивидуальным переживанием ведет к психологизму, а отождествление абстрактного с чистой «формой мышления», общим термином, «знаком» языка – к конвенционализму. Все это заставляет обратиться к онтологическому статусу абстрактных или идеальных объектов, как эмпирически «неверифицируемых» значений общих терминов «языка современной науки», что для неопозитивистов является результатом логического конструирования [2, с. 278–279].

Критикуя подобный взгляд, Ильенков отмечает, что в разряд «конструктов» попадают важнейшие понятия современного естествознания, при этом существование конкретного объекта, соответствующего этим понятиям (терминам) допустить нельзя, ведь в чувственном опыте (в переживании) отдельного индивида такие объекты

не встречаются и могут лишь «мыслиться» как вербальный феномен. Поскольку научная картина мира опирается в представлении о действительности на такие «абстрактные» объекты, а «конкретное» как чувственное переживание есть субъективная форма проявления некоего абстракта, то, по мнению философа, это ведет к возрождению средневекового реализма, когда общее становится прочнее, устойчивее единичного.

На примере объектов математического знания философ предложил рассматривать «абстрактный объект» как «идеальный», обратившись к самому понятию идеального. Для математиков под идеальным объектом понимаются все наиболее важные объекты математического мышления (топологические структуры, мнимые числа, регулярности). Это послужило основанием утверждения, согласно которому специфическим предметом математики и современной науки, в отличие от естествознания прошлых эпох, является исключительно мир «идеальных объектов», что служит для неопозитивистов аргументом против материализма. Стихийный, не диалектический материализм, полагающий, что объектом математики, как и любой науки, является реальный, материальный мир, рассматриваемый под специально-математическим, углом зрения, склонен считать идеальное психическим или психофизиологическим феноменом, событием, протекающее лишь в сознании. Такое понимание ведет к субъективному идеализму, и тогда математика никак не связана с существующим вне сознания миром. В то же время объекты размышлений математиков не являются материальной действительностью, ведь материальный объект отличается от математических конструкций, которые не обнаруживаются в мире чувственных объектов и физических фактов. Сам же математик понимает, что топологическая структура не может считаться исключительно *психическим* явлением (к чему склоняется субъективный идеализм, в частности «методологический солипсизм» Рудольфа Карнапа) — поскольку это лишает математическую науку, математическое естествознание объективного и необходимого значения ее построений. Наука, в том числе математическое естествознание нуждается в правильном понимании диалектического тождества и различия «идеального» и «материального», а метафизический материализм неизменно будет проигрывать в понимании мира «идеальных объектов» современной науки Карлу Попперу [7].

«Третий мир» Поппера—и не «физический мир», и не «психический мир», существующий каким-то загадочным образом наряду с двумя перечисленными и от них обоих явно отличающийся. Его бес-

телесность, «интеллигибельность», организованность, объективность и необходимость позволяют определить эту концепцию Ильенкову как вариант архаического объективного идеализма,

Опираясь на трактовку К. Марксом идеального как материального, пересаженного в человеческую голову, и преобразованного в ней, Ильенков дает свое истолкование идеального как результата преобразования материального, в том числе, в языке, который сам есть лишь *форма выражения* идеального, его вещественно-предметное бытие. Но идеальное не может быть отождествлено с языком, как с системой терминов и высказываний. Язык понимается в широком смысле, включая язык схем, чертежей, моделей. Необходима и активная форма деятельности человека с реальным предметом. Предмет оказывается идеализованным лишь там, где возникает способность активно воссоздать его, опираясь на язык слов и чертежей, способность превращать слово в дело, в вещь [6, с. 217]. Идеальное – и форма внешнего предмета, и субъективный образ, бытие, равное небытию [5, с.172–173].

Полезность и актуальность методологии философа можно продемонстрировать, исследуя такие понятия, как информация и виртуальная реальность. Так в становлении понятия информация можно увидеть переход от эмпирического обобщения в виде сигнала, более абстрактного в виде кода, появление негативного и одновременно самотождественного определения, трактовка на уровне абстрактно-всеобщего в виде знания, порядка, коммуникации, и наконец, раздвоение на техническую и социальную стороны в рамках единой системы.

Идеальность двойственна, ее природа и происхождение чисто социальные, и вместе с тем, идеальное в форме знания отражает объективную реальность, не зависящую от человечества, является и формой вещи и формой деятельности человека, вне вещи и человека. В этом смысле наука идеальна, являясь накопленным человечеством опытом познания, а не изобретением сознания и воли ученого, выступая как всеобщее, а не индивидуальное богатство человечества [3, с.256].

Наука «опредмечена» не только в знаковой форме, «не только в виде институтов и академий, но и в конструкциях реальных машин и автоматических линий, в грозном вооружении армий и прочих органов государственной власти и даже в правовой структуре реального государства». Выступая как реализованное мышление и овеществленная сила знания, наука противостоит индивиду с его волей, сознанием и психической способностью как «сила» [1, с.140]. Но наука – не только готовое завершённое знание, она развивается, что

может быть раскрыто как диалектика абстрактного и конкретного, теоретического и эмпирического, логического и исторического.

2. Откуда берется новая теория, новое теоретическое понимание фактов? Не из самих фактов, не на пустом месте, а только через строжайшую критику старого теоретического понимания этих фактов с точки зрения этих фактов. Как утверждает философ, критика ранее развитых теорий есть единственно возможная форма теоретического анализа реальных фактов и необходимая форма разработки самой теории. Два момента научного исследования, анализ эмпирических фактов и анализ ранее развитых теоретических понятий, совпадают органически, по существу, сливаются в один процесс. Без анализа эмпирических фактов нельзя осуществить критический анализ понятий, и теоретический анализ эмпирических фактов невозможен без анализа выражающих их понятий. Ильенков особо выделяет роль исходного понятия в науке, которое предопределяет с позиции данной науки и ее познавательных задач отбор и истолкование абстрактно выделенных как существенных чувственно воспринимаемых свойств.

Использование диалектики абстрактного и конкретного позволяет понять процесс движения познания как процесс развития от абстрактного выражения объективной истины к все более и более конкретному ее выражению. В развитии науки, в «конкретизации» есть эволюционное и революционное (открытия). Революционные перевороты, когда ломаются старые понятия и, на первый взгляд, прерывается всякая нить преемственности в развитии, есть естественные и необходимые формы, в которых осуществляется преемственность процесса движения к все более и более конкретной истине.

При этом допустимо противоречие в самих понятиях, поскольку противоречив и предмет исследования. Стремление убрать противоречия за счет уточнения понятий лишь переводит их в другую плоскость. Развитие науки нужно рассматривать через диалектику логического и исторического. Утверждая, что, логическое развитие теоретических определений должно непосредственно выражать конкретно-исторический процесс становления и развития предмета, Ильенков рассматривал два основных варианта отношения исторического и логического в своеобразных системах отсчета, где элементами являются предмет и теория. Для естественных наук скорость развития теории несопоставима со скоростью изменения предмета изучения. Его устойчивость позволяет теоретику анализировать понятия и факты логически, поскольку в созерцании они не изменились.

Прежняя теория с ее категориями рассматриваются как неполное, одностороннее, абстрактное выражение истины. Новая же теория предстает как более полное, как более конкретное теоретическое выражение существа тех же самых фактов, того же самого предмета. «Рациональное зерно» прежней теории включается в новую теорию на правах ее абстрактного момента, а не исчерпывающего выражения сущности фактов. Старая теория в ее «рациональном зерне» превращается в частный случай всеобщего принципа новой теории. В современной физике этот закон развития научного познания принимается как принцип соответствия.

Для общественных наук историческое время развития предмета совпадает с историей изменений в науке. Факты относятся к одному и тому же предмету, но предмет дан науке на разных ступенях своей зрелости. При сохранении законов, управляющих его развитием, меняются формы их обнаружения. Это позволяет сделать допущение, что предмет в его «сущности» остался одним и тем же, и что теоретик, мысливший о нем десятки и даже сотни лет назад, имел дело с тем же самым предметом, с каким имеет дело и ныне мыслящий теоретик [4]. Данное истолкование единства исторического и логического представляется важным для исследования информационного общества.

Можно утверждать, что разработанные Ильенковым концепция идеального и диалектика абстрактного и конкретного сохраняют свою актуальность в условиях современного состояния философии науки.

Список литературы

1. Ильенков Э. В. Вершина, конец и новая жизнь диалектики / Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
2. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного / Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
3. Ильенков Э. В. Диалектика идеального / Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
4. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: РОССПЭН, 1997. – 468 с.
5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. М.: Издательство политической литературы, 1984. – 320 с.
6. Ильенков Э. В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики / Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
7. Ильенков Э. В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

Выжлецов П. Г.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vyzhletsov@mail.ru

Аннотация. Обозначаются основные смыслы, которыми наделяют понятие «философская антропология» в отечественной специальной литературе 1990 – 2000-х гг. То есть, философская антропология понимается как направление; дисциплина; область философского знания и философские учения о сущности и природе человека.

Vyzhletsov P. G.

THE DEFINITION PROBLEM OF “PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY”

Vyzhletsov Pavel Gennadyevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, Ph. D. (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The basic meanings of the “philosophical anthropology” concept in the domestic special literature of the 1990s-2000s are indicated. Philosophical anthropology is understood as a direction; discipline; field of philosophical knowledge and philosophical studies about the essence and nature of humans.

Обратимся к тем смыслам, которыми наделяется понятие «философская антропология» в первую очередь в отечественных источниках 1990-х – нач. 2000-х гг.

«Философская антропология» – это философское направление, сложившееся в Западной Европе, прежде всего в Германии, с 1920-х по 1960-е гг. и, как следствие развития направления, – особая дисциплина. Ее основоположники, признаваемые, все же не всеми, – М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен. Например, Б. В. Марков относит к их числу тех трех авторов, кто внес «особо важный вклад» в становление философской антропологии не А. Гелена, а К. Лёвита (соч. «Индивидуум в роли человека (Mitmenschen)» (1926)). [1, с. 40].

Отметим, что М. Шелер обозначал «философскую антропологию», как дисциплину еще тогда, когда она таковой, наверное, еще не стала. Он подчеркивал: «Но между метафизикой пограничных проблем математики, физики, биологии ... и метафизикой абсолютного стоит еще одна важная дисциплина ... “философская антропология”. Ее главный вопрос ... – “Что такое человек?”» [2, с. 11].

В результате становления «философской антропологии» как дисциплины, и, возможно, вследствие ее признания таковой, она стала сразу обозначаться как отчасти самостоятельная отрасль, область современного философского знания в ряду с другими: онтологией, гносеологией (эпистемологией), аксиологией и т. д.

Также распространена ситуация, когда понятие «философская антропология» расширяют до термина «философия человека» вообще, то есть до любых философских учений о нем, сложившихся в истории мысли.

Порой данное понятие осмысливают «...как конкретный метод мышления, принципиально не подпадающий под разряд ни формальной, ни диалектической логики». Этот метод предполагает выработку особой антропологической установки, которая исходит из человека и из «чисто антропологических принципов» в познании мира. [3, с. 15]. Такая антропологическая установка начала складываться с середины XX века.

Таким образом, при первом приближении, можно выделить четыре основных смысла, которые придают понятию «философская антропология».

Вместе с тем, некоторые вопросы вызывает расширенное истолкование понятия «философская антропология».

Во-первых, потому, что в античности сущность и природа человека осмысливались, в частности, через призму космологии, этики и политики. В Средние века – посредством теизма, этики, философско-богословского осмысления истории и политики. После Н. Макиавелли, – в русле метафизики, физики, этики и т. д.

Во-вторых, вследствие того, что сам термин «антропология» сложился в поле научно-философской мысли лишь в эпоху Возрождения; причем, согласно ряду источников в 16 веке. В вопросе о том, когда именно впервые появился термин «антропология» и кто был его автором, исследователи расходятся.

Так, одни обнаруживают первое упоминание об антропологии, как «трактате о душе и теле человека», изданном на территории будущей Германии в 1501 г. В нем термин «антропология» связывался с воззрениями, касающимися «анатомии и психологии человека» [4, с. 15]. В свою очередь М. Ландманн утверждает: «Понятие “антропология” восходит ко времени гуманизма: протестантский гуманист О. Гасманн в 1596 г. опубликовал книгу с таким названием» [5]. Вследствие сказанного, например, характеристика идей Августина Аврелия, как антропологических, так и философско-антропологических, представляется несколько не корректной. Она не совсем корректна с точки зрения истории философии, и точнее, скажем, с позиций неко-

торой исторической эпистемологии и историографии, предполагающих изучение процесса формирования философских и научных понятий. Ведь понятия и категории выступают в качестве основных форм и организующих принципов [6, с. 251] философского мышления. Поэтому, в обобщенном смысле по отношению к истории философской мысли представляются более корректными термины философия/метафизика человека.

Библиографический список:

1. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Лань, 1997. – 384 с.
2. Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
3. Гуревич П. С. Антропологический ренессанс // Феномен человека: Антропология. М.: Высшая школа, 1993. – 349 с.
4. Белков П. Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. – СПб.: Наука, 2009. – 281 с.
5. Ландманн М. Философская антропология. Представления человека о самом себе в прошлом и настоящем. Рукопись. Перевод О. В. Сапенюк.
6. Спиркин А. Г., Ярошевский М. Г. Категории // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Гришина Т. А.

**СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В РУСЛЕ ПРЕДВИДЕНИЙ РУССКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Гришина Тамара Александровна – учитель истории и обществознания, АНОО «школа «Сосны» Одинцовского района Московской области, Россия.
E-mail: tomilica@yandex.ru

Аннотация: Изменения социальной системы, чрезвычайно актуальные в современную эпоху информационного общества, приводят к практическим действиям. В условиях таких изменений интериоризация общечеловеческих ценностей, основанная на предвидениях русских философов, может обеспечить возможность её материализации в идеопрактиках.

Grishina T. A.

**MODERN SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE FORESIGHT
OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION**

Grishina Tamara Alexandrovna – teacher of history and social studies, “Sosny” school, Odintsovsky District, Moscow Region, Russia.

Abstract: Changes in the social system, which are extremely relevant in the modern era of information society, result in practical actions. In the conditions of such changes, the internalization of universal values, based on the predictions of Russian philosophers, can ensure the possibility of its materialization in ideopractices.

Проблема социальных трансформаций является чрезвычайно актуальной в современной социально-экономической ситуации. Предвидения русских философов о необходимости социальных трансформаций, о возможном ходе социальных преобразований и их последствиях могут позволить нам избежать социальных ошибок или выйти из кризисной ситуации с наименьшими социальными затратами.

Космическая экспансия – одна из частей современной геополитической грандиозной программы. Однако в самой установке на «экспансию» есть отступление от идей русской философии, в которой присутствует тенденция освоения, контакта, сотрудничества, использования, но нет захвата, насилия, завоевания. Космисты в своё время сумели соединить заботу о большом целом – Земле, биосфере, космосе с глубочайшими запросами высшей ценности – формирования и совершенствования конкретного человека. В.И. Вернадский ввел в науку под именем «принцип Дана» обоснование совершенствования мыслительной деятельности человека, а идеи Учения «Всемира» А.В.Сухова-Кобылина предполагают неуклонное (без откатов назад) усложнение, усовершенствование нервной системы, в частности, головного мозга. Эти предвидения выдающихся русских космистов получают особое звучание на фоне современных трансформаций в области социального формирования и развития человека, в сфере небывалых ранее форм межличностных и разнообразных социальных изменений.

Изменения социальной системы, трансформации мировоззрения, изменение сознания влекут за собой практическую деятельность, шкала ценностей в которой играет немаловажную роль. Успешная интериоризация общечеловеческих ценностей может обеспечить возможность её материализации в идеопрактиках. И выступит фактором стабилизации социальных процессов и позитивного изменения материального мира с учётом предвидений русской философской традиции.

Добротворский А. С., Хрестина М. П.

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ И DATA-MINING ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Добротворский Алексей Сергеевич – МИРЭА – Российский технологический университет, ведущий инженер, Москва, Россия.

E-mail: aleksey.dobrotvorskiy@gmail.com

Хрестина Марина Павловна – МИРЭА – Российский технологический университет, ведущий инженер, Москва, Россия.

E-mail khrestinam@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен описанию решения задачи выявления мошенничества при проведении банковских операций с помощью методов анализа данных и машинного обучения, применяемых к данным, представленным в виде графа банковских операций и социального графа участников банковских операций. Разработанные алгоритмы обеспечивают расчет признакового пространства графов, выявление отклонений, подграфов, характерных для незаконных банковских операций. Описана программная реализация разработанных алгоритмов и результаты экспериментальных проверок на наборе реальных и синтетических данных.

Dobrotvorskiy A. S., Khrestina M. P.

USE OF NEURAL NETWORKS AND DATA-MINING TO PREVENT FRAUDULENT BANKING OPERATIONS

Dobrotvorskiy Aleksey Sergeevich – Leading Engineer, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia.

Khrestina Marina Pavlovna – Leading Engineer, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia.

Abstract. The paper describes the solution to the problem of identifying fraud in banking operations using data analysis and machine learning methods applied to data presented in the form of a graph of banking operations and a social graph of participants in banking operations. The developed algorithms provide the calculation of the characteristic space of graphs, the identification of deviations, subgraphs, characteristic of illegal banking operations. The software implementation of the developed algorithms and the results of experimental tests on a set of real and synthetic data are described.

Мошенничество с банковскими операциями наносят существенный экономический и репутационный ущерб финансовым учреждениям. К наиболее распространенным видам мошенничества относятся: отмывание денежных средств, мошеннические списания с банковских карт, случаи первого мошенничества (First Party Fraud). В рамках настоящей работы исследования ограничились только вы-

явлением отмыывания денежных средств, так как несвоевременная идентификация данных схем может повлечь для банка санкции со стороны регулятора вплоть до отзыва лицензии.

Традиционные системы выявления отмыывания денежных средств (AML) не способны обеспечить эффективный поиск и выявление подозрительных транзакций, так как работают на основе формируемых вручную правил. При современном развитии цифровой экономики и усложнении схем взаимодействия участников финансовых процессов, правила, задаваемые на основе известных «вчера» схемах отмыывания денежных средств, «завтра» становятся уже неактуальными.

Целью настоящего исследования является разработка нового поколения программных средств, способных в автоматизированном режиме обнаруживать как известные схемы отмыывания, так и выявлять новые, ранее не встречавшиеся в практике финансовых организаций.

Для достижения поставленной цели в рамках исследований были использованы следующие методы анализа данных:

- нейронные сети;
- data-mining, а именно выявление аномалий.

Массив исследуемых транзакций представлялся в виде графа. Вершинами графа являлись участники транзакций, ребрами – транзакции. Для построенного графа рассчитывалось признаковое пространство, включающее 54 признака. Таким образом, каждая транзакция представлялась в виде 54-мерного вектора. Далее данные подавались на вход алгоритмов на основе нейронной сети и выявления аномалий.

Нейронные сети применялись для поиска ранее обнаруженных видов отмыывания денежных средств на основе ретроспективной базы транзакций с размеченными отмыывочными транзакциями. Применение математического аппарата нейронных сетей позволяет исключить этап ручной формализации признаков той или иной схемы отмыывания денежных средств для формирования правил их поиска. При обучении нейронной сети на ретроспективной выборке этот процесс выполняется автоматически. Кроме того, при выявлении нового вида отмыывания денежных средств, достаточно переобучить нейронную сеть на новых данных.

Выявление аномалий применялось для поиска схем, которые ранее были неизвестны либо отсутствовали в обучающей выборке. Были применены метод LOF и метод оценки сообществ. С их помощью выделялись транзакции являющиеся статистически аномальными по отношению к массиву заведомо законных транзакций. Обнаруженные таким образом транзакции требуют дальнейшей обязательной экспертной верификации, однако проведенные исследования

показали наличие значительной корреляции между аномальными и отмывочными транзакциями.

Была выполнена программная реализация алгоритмов с помощью Apache Spark и выполнена проверка работы алгоритма на обезличенных данных о банковских транзакциях. Размер тестовой базы составил 1430 транзакций (50% – подозрительные, 50% – законные). Для обучения использовано 70%, для проверки – 30% транзакций. Полученная точность классификации (доля правильно классифицированных объектов) составила 97,7%, ошибка первого рода (показатель ложно классифицированных законных транзакций, FPR) 4,2%, ошибка второго рода (показатель ложно классифицированных подозрительных транзакций, FNR) 0%.

Настоящие исследования проводятся при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение №14.574.21.0142) Уникальный ID прикладных научных исследований (проекта) RFMEFI57417X0142. Ответственность за представленные данные, результаты и выводы несут исключительно авторы исследования.

Список литературы:

1. Ray, A. and Katkov, N. 2016. Artificial Intelligence in KYC-AML: Enabling the Next Level of Operational Efficiency, www.celent.com/insights/567701809.
2. Suryanto, T. 2016. Audit Delay and Its Implication for Fraudulent Financial Reporting: A Study of Companies Listed in the Indonesian Stock Exchange. *European Research Studies Journal*, 19(1), 18–31.

Душабаев З. Р.

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Душабаев Зафаржан Раимжанович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: zrdushabaev@mail.ru

Аннотация. В работе выявляются недостатки общепринятой модели процесса зрительной перцепции. На основе экспериментов выдвигается гипотеза о существовании у глаза функции проецирования зрительного изображения во внешнее пространство. Новая модель зрительного восприятия объясняет, почему конечный результат или образ зрительного процесса оказывается вне пространства оптической системы глаза.

Dushabaev Z. R.

PROCESS AND RESULT OF VISUAL PERCEPTION

Dushabaev Zafarzhan Raimzhanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, PhD.(Psychology), Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The paper reveals the disadvantages of the generally accepted model of the visual perception process. Based on experiments, a hypothesis is put forward about the existence of the function of projecting a visual image into outer space in the eye. The new model of visual perception explains why the final result or image of the visual process is outside the space of the optical system of the eye.

Процесс зрительного восприятия начинается с отражения объектом потока солнечных лучей. Отраженные лучи проникают в зрительный рецептор. При этом после прохождения зрачка и хрусталика световая копия объекта на сетчатке уменьшается и переворачивается. Сетчатка глаза кодирует, то есть преобразует световую информацию об объекте в электрические нервные импульсы и посылает их по зрительному нерву в мозг. Далее, согласно общепринятой точке зрения, в мозге на основе сетчаточного изображения формируется зрительный образ внешнего объекта.

Существующие представления о механизме зрительной перцепции противоречат и не могут объяснить многие феномены зрительного восприятия. Первое противоречие заключается в том, что зрительный образ якобы формируется из пришедших в мозг нервных импульсов, а на самом деле то, что видит субъект, имеет световую, а не нервно – импульсную природу или «соткано» из фотонов. Внутри мозга нет никаких фотонов, поэтому визуальный образ объекта не может существовать среди мозговых клеток. Информация об объекте, содержащаяся в нервных импульсах, должна быть, согласно представлениям Л.М. Веккера, в какой – то инстанции декодирована, то есть, в данном случае преобразована в совокупность состояний света.

Второе противоречие состоит в том, что хотя процесс работы зрительной системы находится в одном месте пространства, конечный продукт работы органа зрения или то, что видит субъект, располагается в другом месте пространства. По аналогии можно сказать, что то, что «видит» фотоаппарат, находится на его дисплее, а то, что видит субъект, располагается вне зрителя, то есть в другом месте физического пространства. Третье противоречие заключается в том, что на сетчатке глаза изображение перевернуто, в то время как то, что видит субъект, не перевернуто с ног на голову. Четвертое несоответствие в следующем: то, что видит зритель, значительно крупнее сетчаточного изображения.

Пятое противоречие проявляется в том, что субъект видит вещи окрашенными в цвет, хотя на самом деле, объективно цвета у материальных предметов нет. Итак, главный парадокс работы зрительной системы заключается в том, процесс зрения начинается с проникновения лучей света в глаз зрителя, а завершается тем, что конечный продукт зрительного акта, загадочным способом перемещается из органа зрения в другое место внешнего физического пространства.

Для выяснения процесса деятельности органа зрения нам представляется важным уточнить природу конечного эффекта зрительной системы или, иначе говоря, выяснить содержание того, что видит зритель. Нам думается, что вопрос можно сформулировать так: «что видит зритель?». Здесь известны два варианта ответа. Материалистический вариант: «зритель видит предмет объективного мира». В.И. Ленин: «Материя есть объективная реальность данная нам в ощущении» [4, с. 149]. Идеалистический вариант Д. Беркли: «зритель воспринимает образы восприятия» [2, с. 42]. Практика на стороне материалистической концепции. В самом деле, если кот видит мышь, то опыт поедания видимых грызунов подтверждает материалистическую интерпретацию. Однако есть факты в пользу идеалистической гипотезы природы зрительного восприятия. Достаточно обратиться к вышеприведенному феномену видимого цвета у рассматриваемых объектов. Субъект видит вещи окрашенными в цвет, хотя на самом деле, то есть объективно, цвета у материальных предметов нет. Цветовая гамма воспринимаемого мира формируется с помощью соответствующих колбочек сетчатки глаза. Исходя из феномена цветового восприятия, следует, что субъект видит то, чего на самом деле или объективно (то есть само по себе) не существует. Отсюда вполне обоснован вывод: зритель видит не объективный материальный предмет, а созданный глазом образ. В этом споре с нашей точки зрения ближе к истине идеалистический подход. Однако, остается не понятным каким способом зрительное изображение из оптической системы глаза перемещается в то место пространства, в котором находится рассматриваемый объект.

Исходя из работ Б.Г. Ананьева [1] и Л.М. Веккера [3], мы сформулировали гипотезу кольцевой модели работы зрительной системы. Согласно этой гипотезе, информация из глаза, достигнув мозга, вновь по зрительному нерву возвращается в сетчатку глаза, где декодируется (превращается) в цветовое изображение. Это цветовое изображение, проходя через хрусталик и зрачок, переворачивается, увеличивается и проецируется во внешнее физическое пространство, то есть туда, где расположены рассматриваемые объекты. Предполагается, что

глаз функционирует не только как фотоаппарат, но и как проектор, помещающий световой образ на поверхность отображаемого объекта. Гипотетическая кольцевая модель механизма зрительного восприятия подлежала экспериментальной проверке.

Экспериментальное исследование было выполнено в 2009–2013 гг. на 12 умеющих рисовать студентах Санкт – Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств. В качестве продукта зрительного восприятия мы использовали «отрицательный последовательный образ». Стимульным материалом служили негативные версии хроматических рисунков розы, мака и других цветов, а также негативные изображения черно-белых портретов человека.

Процесс зрения изучался монокулярно. Ведомый глаз только рассматривал стимульный материал, а ведущий, получив информацию из мозга, проецировал отрицательный последовательный образ на лист белой бумаги, служивший в качестве экрана. Испытуемый на листе бумаги рисовал увиденное. Гипотеза заключалась в том, что если у зрительной системы существует функция проецирования, то глаз, не видевший стимульный материал, получив информацию из мозга, создаст световое изображение и спроецирует его на экран. При этом изображение не будет перевернуто, то есть адекватно воспроизведет пространственную ориентацию объекта, и будет соответствовать размерам оригинала. Эксперименты выявили, что рисунки художников адекватно воспроизводили пространственную ориентацию, цвет и величину оригинала, если экран находился на том же расстоянии, какком предъявлялся стимульный объект. Таким образом, наши эксперименты подтверждают идею о том, что глаз не только фотографирует, но и проецирует зрительный образ в то место, где находится рассматриваемый объект. Благодаря этой проекции, у субъекта возникает иллюзия, что он видит не образ, а материально существующую вещь. С нашей точки зрения зрительная система состоит не из трех элементов «глаз – нерв – мозг», а из пяти составных частей «глаз – нерв – мозг – нерв – глаз». Если существующую модель работы зрительной системы «глаз – нерв – мозг» можно назвать линейной, то выдвигаемую нами модель работы зрения можно обозначить как кольцевую.

Список литературы:

1. *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 454 с.

2. Беркли Д. Сочинения / [Сост., общ. ред. и вступ. статья, И.С. Нарского]. – Москва: Мысль, 1978. – 554 с.

3. Веккер Л.М. Психические процессы: [В 2 т.]: Т. 1- / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград: Б. и., 1974. – 334 с.

4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Т. 18. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 525 с.

Королькова Е. А.

АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ж.-Ж. РУССО

Королькова Елена Антоновна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: elena.a.korolkova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен опыт осмысления идей Ж.-Ж.Руссо о сущности и предназначении человека в мире.

Korolkova E. A.

HUMANS' APOLOGIA IN THE CONTEXT OF J.-J. ROUSSEAU'S WORKS

Korolkova Elena Antonovna – State University of Aerospace Instrumentation, PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Saint Petersburg, Russia.

Absrtact. The article presents an analysis of Rousseau's thoughts about human's essence and destination in the world.

Данная статья представляет собой опыт осмысления идей французского философа Жан Жака Руссо о сущности и предназначении человека в мире. Руссо занимает особое место среди творцов эпохи Просвещения, согласно которым критический разум способен разоблачить различного рода суеверия, искоренить пороки людей и тем самым сделать их лучше и счастливее. Руссо ставит под сомнение мысль о всемогуществе человеческого разума, ведь расширение границ знания о вселенной не решает вопрос о смысле существования человека. Напротив, чем глубже человек проникает в глубины своей сущности, тем «более ничтожным он себе кажется». Автор книги «Эмиль, или О воспитании» пишет о том, что чувства предшествуют

разуму, а идеи разума возникают посредством и на основе чувственного знания. Тезис своего соотечественника Декарта «Я мыслю, следовательно, существую» Руссо заменяет на другой принцип: «Существовать для нас – значит чувствовать».

Руссо выдвигает положение о неоднозначном влиянии наук и искусств на формирование человека. Если благо очевидно от расцвета наук, то зло скрывается под маской абсолютной пользы научного прогресса. Автор работы «Рассуждения о науках и искусствах» снимает эту маску и показывает опасность технической цивилизации для нравственного совершенства человека. Женевский мыслитель справедливо замечает тенденцию развития общества: рациональный дух науки господствует над личностью, подчиняя себе все склонности души человека. Рациональный дух не только разрывает непосредственные отношения человека с природой, но и преобразует саму природу человека. Развитие наук в большей степени связано не с истиной, а с волей человека к могуществу над миром. Современный человек все сильнее погружается в искусственную среду и большую часть своей жизни, как в рабочее время, так и на досуге, находится в виртуальном мире.

Руссо обостряет конфликт между развитием целерациональной деятельности человека и нравственным совершенствованием личности. В качестве «мысленного зеркала» человека философ выбирает античную мудрость, для которой истина должна быть в единстве с благом и красотой, а воспитание определяется принципом калокагатии. Как и Пифагор, он считает, что, прежде всего, надо быть человеком, а ученым тогда, когда для этого будет свободное время. Педагог Руссо разрабатывает концепцию последовательного, неторопливого и свободного развития человека от рождения и до зрелых лет. В своей теории личности автор утверждает мысль о том, что люди в различный период своей жизни воспринимают мир по-разному, у них существует различный уровень физического, интеллектуального и нравственного опыта жизни. Так, он отстаивает особенность детского периода жизни, в котором мир глазами ребенка воспринимается иначе, чем взрослыми. Дети видят, чувствуют и думают по-своему. Нельзя отягощать ум детей знанием, в котором они ничего не понимают. Надо стремиться не к многознанию, а к пониманию. В ранний период жизни важно обратить внимание на воспитание чувств как основу жизнедеятельности. Руссо писал, как многое в мире воспринимается чувствами, которые невозможно выразить словами! Нужно приучать себя чувствовать прекрасное и великое, ведь от созерцания красоты и подражания лучшему человек возвышается над самим собой.

Общеизвестно, что Руссо писал о врожденном чувстве добра, о том, что стремление к хорошему поведению заложено от природы. Человек же совершает зло по причине искажения своей изначально доброй природы. У каждого человека есть голос совести, благодаря которому он оценивает свои и чужие поступки, судит их с точки зрения добра или зла. Философ пишет о том, что все больше появляется людей, которые в силу определенных предрассудков отрицают силу совести, поскольку не слышат ее голос. В оценке сущности человека Руссо как гуманист утверждает, что нет на свете столь испорченного человека, который бы ни разу не поддался искушению сделать доброе дело. Свершение нравственного поступка наполняет сердце чувством любви не только к другому, но и к самому себе. И это чувство любви открывает человеку его подлинный смысл существования!

Список литературы

1. Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / Сост., вступ. статья, библиография и комментарии А. А. Златопольской. – СПб.: РХГА, 2005. – 832 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – М.: Захаров, 2004. – 704 с.

Кравченко В. И.

ЧЕЛОВЕК ПО ПОЧЕРКУ: ФИЛОСОФСКО-ГРАФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кравченко Владимир Иосифович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: harisma52@mail.ru

Аннотация. Представлена авторская методика исследования почерка и подписи человека как родового существа; анализ осуществляется с позиции графологии. «Человек пишет не руками, а мозгами», – утверждает автор и доказывает обоснованность данного высказывания на примерах повседневно-сти.

Kravchenko V. I

A PERSON'S HANDWRITING: PHILOSOPHICAL AND GRAPHOLOGICAL ASPECT OF THE STUDY

Kravchenko Vladimir Iosifovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, Associate professor, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The paper presents the author's method of studying the handwriting and the signature of a person as a generic creature; the analysis is carried out from the standpoint of graphology. "Humans write not with their hands, but with their brains," the author states and proves the validity of this statement with some examples from everyday life.

В действительности проблема исследования человека настолько многогранна, что любые попытки рассмотреть её порождают больше вопросов, чем желательных ответов. Очевидно, будет одинаково ошибочным стремиться только к психологическому или только к морфологическому и физиологическому понятию человека, поскольку необходим другой нестандартный подход в исследовании, например, с позиции графологии, которая изучает человека по его почерку (следу).

Дело в том, что почерк улавливает такие смыслы, средства для выявления которых в европейской культуре довольно немного. В основном все эти смыслы – как и неизбежно сопровождающие их чувства – мы, европейцы, видим «боковым» зрением. Однако даже то, что доставляет нам «боковое» зрение, входит в общую картину переживаемой реальности и может быть, даже очень действенным компонентом. Есть множество свидетельств тому, что это было замечено издавна. Так, у Гёте в «Избирательном средстве», когда Отличия переписывает бумаги Эдуарда, ее почерк из любви уподобляется его почерку. За этим, конечно, стоит представление о почерке как о средстве единения с человеком. Есть масса свидетельств связывания манеры писать с личными качествами человека или с его социальным статусом.. Сухово-Кобылин в «Свадьбе Кречинского» говорит о «хамском» почерке купца Щебиева; у Лескова упоминается «нещегольской» почерк, каким будто бы «пишут на Руси неграмотные самоучки»; Тургенев в «Дыме» называет «решительным» почерк Ирины; он же описывает почерк Фета как «поэтически-безалаберный и кидающийся с пятого этажа». Петр I приказывает боярам писать бумаги лично «дабы дурь каждого была видна». Этому, безусловно, соответствует некоторое чувство человека через его графические движения, в котором, как и во всяком подобном чувстве, сам воспринимающий человек отражается ничуть не меньше – а то и больше, – чем тот, кого он воспринимает. Только объяснить себе такое чувство, указать на конкретные его источники в почерке человек может не всегда, да не всегда и старается.

В XIX веке привычно было думать иначе. Считалось, что «наука» высшая, если не единственно настоящая, форма всякого знания. Из графологии науку делали, по крайней мере, двояким образом. Во-первых, вводили измерение и эксперименты. Эта тенденция развилась

и усилилась в XX веке и принесла обильные плоды. Особенно в этом преуспели немцы, продолжавшие линию Людвиг Клагеса, философа и классика экспериментальной графологии. Однако, по вопросу о том, что именно, как и зачем следует измерять, мнения многочисленных исследователей расходились. Например, французский врач Э. Малеспин – создатель так называемой графографии – 30 лет (1921–1951) проводил экспериментальные исследования нажима при письме. Он пришел к выводу о том, что у каждого пишущего есть индивидуальная кривая нажима (графограмма) и постоянный средний показатель давления, а у каждой буквы – характерная «графографическая» кривая, которую, при подражании, допустим, чужим подписям, невозможно вполне воспроизвести.

Современная графология рассматривает нажим в почерке или подписи как признак доминирования в человеке физической нагрузки по сравнению с интеллектуальной, например, профессии связанные с физическим трудом. С позиции современной графологии можно утверждать, что гармонично выполненные закругления повествуют о творческом потенциале человека, о его мнительности, эгоизме, ревности, болезненном восприятии неудач, слабоволии и в определенной привычке находить утешения в алкоголе или наркомании. У человека с обостренной нервной чувствительностью, порывистостью, деятельность которого отличается неравномерностью приложения энергии, также и почерк будет отличаться неравномерностью, геометрической невыдержанностью (в нажиме, который будет распределен неравными по силе мазками, размере букв в одном слове и т. п.). Поэтому профессор Шнейдемилль в своем труде, посвященном школьному воспитанию («Графология на службе школы»), советует родителям и воспитателям особенно бережно и осторожно относиться к ребенку, почерк которого содержит подобные особенности.

Сегодня графология по праву считается наполовину наукой и наполовину искусством, и поскольку графолог использует самые широкие знания из области общественных наук при анализе почерка, то логично будет говорить о философии почерка, когда графолог «препарирует» человека как родовое существо, ориентируясь на его «след» почерк.

Например, если почерк крупный – это указывает на склонность человека к экспансивности, к тенденции «думать о главном». Другие отличительные особенности того же почерка, в частности левый наклон, помогают определить, наличие упрямства в человеке. Наличие большинства круглых букв характеризуют человека как коммуникабельного, отзывчивого, сочувствующего другим, иногда сенти-

ментального. Преобладание угловатых букв подтверждает строптичность человека, лидерство во всем, упрямство и даже грубость. В случае, когда человек пишет прямо как «забор», при этом буквы остроконечные и выстроены в шеренгу, его почерк говорит об уставном характере. Такому человеку всегда комфортно там, где существует строгий устав, определенные рамки. Прямые строки письма показывают – уравновешенность, сдержанность, последовательность, самообладание, целеустремленность. Волнистые – дипломатичность, гибкость мышления, коммуникабельность, умение подмечать слабые стороны в людях. Помимо почерка, человек оставляет подпись на бумаге, которая тоже представляет собой разновидность почерка. В этом случае важную роль играет также росчерк, различные украшения в виде завитушек, птичек, которые, как правило, многие люди оставляют в своей подписи.

В самом общем виде подпись можно рассматривать в виде «файла», который графолог помещает в свой «компьютер», после чего «сканирует» испытуемого по его подписи «файлу». Существует несколько правил (законов) расшифровки подписи, которые усваиваются в процессе практического освоения графологии как науки. Приведем лишь некоторые особенности подписи в качестве иллюстрации.

1. Чем больше читаемых букв в подписи, тем больше открыт человек к общению и наоборот.

2. Подпись выполнена со стремлением вверх, говорит о том, что в характере человека преобладает оптимизм, он полон энергии и стремится достичь поставленной цели.

3. Буквы в конце подписи имеют уменьшение и «заваливаются» по нисходящей – это признак пессимизма в характере человека.

4. Хвастливость человека, его психология «павлина» проявляется в чрезмерном и ненужном украшении своей подписи в виде завитушек, крючков, ленточек.

В докладе на конференции будут представлены и другие особенности подписи и почерка, а также образцы подписей знаменитых людей: Наполеона, Пушкина, Трампа, Жириновского, Путина и др. в качестве иллюстраций.

Следует отметить, что графология в ее классическом, традиционном виде сегодня обращена к очевидностям обыденного сознания, к характерным для него привычкам связывания понятий и образов, работает с его смыслами. Она – любопытный результат симбиоза представлений и повседневного здравого смысла с его условностями. Графологические построения очень во многом – явления обыденного здравого смысла, мимикрирующие под «науку» в том же обыденном

представлении о ней в силу ее высокого культурного статуса. На примере графологии, возможно, мы могли бы понять хотя бы некоторые закономерности симбиоза обыденного здравого смысла с другими культурными формами, способами моделирования мира.

Кудрин В. Д.

ПОСТЧЕЛОВЕК КАК ФЕНОМЕН КЛОНА

Кудрин Вадим Дмитриевич – аспирант кафедры истории и философии Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail:foronvu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции, ведущие в направлении кардинальной трансформации человека в некое иное существо, иной вид, который условно именуют постчеловеком.

Kudrin V. D.

POSTHUMAN AS A CLONE PHENOMENON

Kudrin Vadim Dmitrievich – post-graduate student, Department of History and Philosophy, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The article discusses trends leading in the direction of a cardinal transformation of a person into some other being, a different kind, which is conventionally called a postman.

Современный человек пытается взять под контроль присущие животные инстинкты. Пытается взять под контроль то, что заложено в него природой. Иногда это получается довольно успешно и человек, управляя своим внутренним «Я» стремится к лучшему, к высшему благу. Однако у каждого человека свое видение на этот счет. Только у одних достижение высшего блага познается через созидание, а у других через разрушение. Природа человека предопределена. В нем есть склонность и к добру, и к злу. В нем заложен потенциал героя и труса, дьявола и ангела. И какой путь выбрать – зависит только от человека.

Как правило, воля к изменению возникает в кризисные, переходные, катастрофические эпохи. Для современной российской философской антропологии характерен катастрофизм [1]. Число тенденций на кардинальное понижение социализации человека неукоснительно растет, а их виды разнообразны. К таким относятся психоделические

и духовные практики, виртуализация сознания. Таким образом, человек отказывается от своей личности, своего внутреннего «Я». Все это связано с техническим прогрессом, в котором перестают раскрываться потенциальные возможности человека.

В результате внедрения различных технологий в области биотехнологий вырисовывается образ Постчеловека, в котором отсутствует человеческий облик. Информационные технологии входят в адриологию, расширяя при этом границы человеческого разума, в частности, мыслительную функцию. И, в конечном итоге, будет иметь схожесть с Киборгом – первым видом постчеловека.

С дальнейшим развитием технологий и изучением генома человека откроются новые возможности в эволюционировании постчеловека. Точно так же, как животные и растения мимикрируют и приспосабливаются в окружающем мире и в окружающей обстановке, точно также и постчеловек, с измененным набором генотипа будет иметь более развитые навыки и способности к усовершенствованию. И вот тогда появится второй вид постчеловека – Мутант.

Эти же возможности ведут к возможному появлению нового экзотического существа – Клона, Двойника – точной копии человеческого организма. Хоружий С.С. считает, что феномен Клона – есть смерть уникальности и травма идентичности. Данный аспект наиболее притворяет его антропологическую суть и риски связанных с ним стратегий [2]. Автор этой статьи выражает несогласие с мнением Хоружия.

Доподлинно известно, что любой человек уникален, так как любая реакция человека на то, что принято называть счастьем или стрессом, а также на все происходящее вокруг – опытом. Поэтому, если мы возьмем настоящего человека и клона и заставим их испытывать различный опыт, то их действия, мысли и эмоции будут совершенно разными. Опять же, потому что опыт, равно как и знание, есть результат прочной нейронной связи в мозге человека. Мозг знает только лишь по опыту, что делать в похожей, но не в точной ситуации. И человек никогда не сможет узнать какой исход был бы, если бы сделан другой выбор. Также нельзя однозначно сказать, как поступил бы человек в похожей ситуации. Огромное количество условий влияет на принятие решений. Например, эмоции или мысли. Отсюда следует вывод, что хоть клон и настоящий человек будут обладать полностью идентичными характеристика, опыт у каждого будет разным.

Совместное использование технологий и человеческого тела позволит расширить границы физических и умственных возможностей постчеловека. Сравнительно давно люди используют имплантаты.

Современная медицина дала ответ на то, как устроен мозг и на то, что же там происходит в мозге человека. Благодаря нейробиологии и биохимии мы знаем, что мысли, эмоции и действия человека выполняются не на полном автомате. Каждая мысль человека – определенная последовательность (набор) электрохимических реакций на участки мозга. При создании технологий, позволяющих воздействовать на сам мозг и его участки, необходимо помнить о том, что существует большой риск. С желанием тотального контроля за эмоциями может последовать тотальная бесконтрольность действий. В одних случаях, управление эмоциями позволит постчеловеку получить большее преимущество перед настоящим человеком [3]. В других же, таким образом, утратится полностью личность человека. Он перестанет быть тем живым существом, испытывающим всю гамму эмоций.

Концепция трансгуманизма, обосновывающая необходимость и возможность создания «постлюдей», и глобальное социальное движение за ее реализацию возникло в конце прошлого тысячелетия. Действительная опасность – отнюдь не прогресс науки, а явно обогнавшаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя).

Библиографический список:

1. Горбачев В. Г. Философская антропология в контексте антропосоциального кризиса // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 2. – С. 7–13.
2. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 10–31.
3. Комлева Н. А. Постчеловечество vs человечество // Пространство и Время. – 2013. – №2 (12). – С. 89–92.

Меньшикова Л. В., Левченко Е. В.

РОЛЬ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ В РАЗВИТИИ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Меньшикова Лариса Владимировна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: melavl@mail.ru

Левченко Евгений Васильевич – Магистр психологии, священник, Православный Приход во имя св. апостола Андрея Первозванного, Новосибирск, Россия.

E-mail: pevl@narod.ru

Аннотация: В работе рассматриваются взгляды основных современных психологов, стремящихся объединить научные теории с христианским учением. Обращение современных исследователей к свято-отеческому наследию может помочь развитию теорий о личности и способствовать более глубокому пониманию сущности человека.

Menshikova L. V., Levchenko E. V.

THE ROLE OF RUSSIAN THEOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE ON THE PERSONALITY OF A HUMAN BEING

Menshikova Larisa Vladimirovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

Levchenko Evgeniy Vasilevich – Master of Psychology, Priest, Orthodox Parish in the name of St. Apostle Andrew the First-Called, Novosibirsk, Russia.

Abstract. The paper examines the views of the main modern psychologists seeking to combine scientific theories with Christian doctrine. Modern scholars appealing to the holy fatherly legacy can help the development of theories about the personality and contribute to a deeper understanding of the essence of humans.

Изменение онтологии человеческого существования в последние годы отмечается почти всеми исследователями. Это проявляется в трансформации временных, пространственных и информационных характеристик, определяющих жизненное пространство современного человека. В свое время Э. Тоффлер предсказал появление «шока будущего», связанного с темпами изменений, когда скорость изменения социальной жизни превращает ее в «постоянно исчезающую ситуацию». Ощущение дефицита времени порождает ощущение утраты контроля над временем, ситуацией, своей жизнью. Человек теряет ощущение подлинности, реальности происходящего, не может в полной мере оценивать действительность с позиции морального выбора между добром и злом. Быстрое развитие информационных технологий и переход к стадии постиндустриального (информационного) общества еще более обостряют личностные проблемы современных людей. Почти во всех исследованиях, посвященных этому вопросу, подчеркивается негативное воздействие новых информационных технологий и образа жизни, навязываемого новой информационной реальностью, на психику и личность человека. Это проявляется в потере жизненных ориентиров, часто наблюдаемом отчуждении от реальности и замещении ее виртуальным пространством, ослаблении способности принимать жизненно важные решения, повышении внушаемости и подверженности манипулятивным воздействиям (особенно со стороны СМИ).

Вся совокупность неблагоприятных внешних воздействий, возникающих в ходе все убыстряющего общественного развития, в очередной раз со всей остротой ставит перед людьми вечный вопрос о том, что собой представляет личность человека и в чем смысл его бытия. Попытки осмыслить основы человеческого существования предпринимались как в философии, психологии, литературе, искусстве, так и в сфере богословия. Одним из наиболее известных научных направлений, сконцентрированных на вопросах смысла человеческого бытия, является экзистенциальная психология, в которой дано описание основных личностных проблем человека, возникающих в процессе его поисков самого себя и своего места в мире. Однако экзистенциальная психология, испытывая влияние эклектики, всепроникающих постмодернистских настроений, дефицит осознанных и ясно выраженных идеалов, не смогла найти позитивный ответ на главный вопрос – о том, как жить в этом мире.

В этих условиях очевидно стремление многих философов и психологов опереться на твердые духовные основания религиозного учения о человеке. Понимая недостаточность современных научных знаний о человеке, они обращаются к религиозной парадигме, в которой проблемы бытия, смысла жизни, соотношения добра и зла в мире и в человеке всегда были ведущими.

Так Б.С. Братусь размышляет о возможности интеграции психологии с христианским учением о человеке. Он пишет о том, «что «душа» при изучении ее учеными обернулась для них «психикой», то есть редуцированным пространством, из которого вычли метафизическое измерение и свет высшего смысла. И надо ясно понять, что это произошло не вдруг, не по чьему-то злому умыслу, а вследствие долгой и сложной истории, в которой ученые стремились все более точно и строго подойти к исследованию души, сделать его отвечающим требованиям опытной науки. Но чем сильнее и успешнее они стремились к выражению точности и строгости, тем больше удалялись от невыразимого, неуловимого в опыте, то есть от сокровенности души – в сторону психики».

В. И. Слободчиков также подчеркивает, что в ситуации мировоззренческого вакуума психологам необходимы обращение к вечным непреходящим ценностям, которые сохранило христианство, а также выстраивание пространства взаимодействия академической психологии со свято-отеческим учением о душе и личности человека.

Святыми Отцами и современными богословами особо подчеркивалось различие природы и личности. Личностность человека, согласно В. Н. Лосскому, есть «нечто, благодаря чему человек несводим к своей природе. Не следует ни отождествлять, ни отделять личность от при-

роды, но, в согласии с догматом веры, утверждающим неизглаголанное различие трех Лиц и единой Природы в Боге, надо находить то же таинственное различие и в существах, созданных по образу Божию».

Отечественные православные мыслители XIX–XX вв., такие как свт. Филарет (Дроздов), свт. Игнатий Брянчанинов, свт. Феофан Затворник, св. прав. Иоанн Кронштадтский, А. Лосев, В. Лосский, архим. Киприан (Керн), прот. Георгий Флоровский, прот. Александр Шмеман, архим. Софроний Сахаров и многие другие, в своих трудах раскрыли глубокое содержание понятия личности.

Необходимо подчеркнуть, что восточно-христианское, православное понимание устройства человека существенно отличается от понимания западного, католического или протестанского. А это отличие основывается на разных типах богословствования, на разных парадигмах. Если восточно-христианский подход от представлений о Боге ведет к пониманию устройства человека, то западная, августиновская логика, наоборот, от спекулятивных антропологических теорий пытается подойти к пониманию Бога. Отсюда можно понять, как бережно следует обращаться с понятием личности в христианской психологии, понимая исходные предпосылки его формирования.

Богословское учение о личности дает совершенно особое понимание предназначения и смысла жизни, которое заключается в преображении личности человека и приближении его ко Христу, что снимает проклятие эгоцентризма и исправляет природу человека, поврежденную грехом. Обращение к свято-отеческому наследию расширяет представления современных философов и психологов об истории развития учений о личности и может способствовать более глубокому пониманию сущности человека.

Миловзорова М. Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОКРАТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ В РУССКОЙ НАУКЕ

Миловзорова Мария Николаевна – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Менеджмента организации, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: znaumeru@yandex.ru

Аннотация. В работе обозначены особенности русской науки, основанные на особом восприятии мира. Обращается внимание, что в начале XXI века в центр научно-теоретической рефлексии ставится понятие ноосферы.

Milovzorova M. N.

PROSPECTS OF THE APPLICATION OF THE SOCRATIC METHOD OF COGNITION IN RUSSIAN SCIENCE

Milovzorova Mariya Nikolaevna – Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Department of Organization Management, Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D. F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The paper identifies features of Russian science based on a special perception of the world. It is noted that at the beginning of the 21st century, the noosphere concept is placed at the center of scientific and theoretical reflection.

По результатам систематизации результатов исследований категорий основания и обоснованного [5] в работах Г.В. Лейбница, Г.Ф.В. Гегеля, А. Шопенгауэра, можно сделать вывод о том, что именно взаимосвязь познаний отличает науку от информированности, т. е. суммы сведений, примитивного одномерного «агрегата» знаний. В этой связи поднимается вопрос о необходимости применения диалектического метода в научном постижении мира. Б.П. Вышеславцев пишет о «русском подходе» в философии как особом способе переживания и обсуждения мировых философских проблем, истоком такого подхода считая «связь с сократическим методом, с античной диалектикой платонизма» [2, с. 154]. Такой тезис вполне обоснован, поскольку ознакомление с подробностями биографий корифеев научной мысли показывает, что вся их жизнь наполнена непрекращающимся диалектическим познанием мира – постановкой вопросов, поисками ответов, из которых, в свою очередь произрастают новые вопросы.

О. Шпенглер блестяще раскрыл важнейший тезис о ложности, абсурдности и недопустимости догматизма в научных исследованиях, где, по его мнению, не может быть ничего постоянного, всеобщего, общеобязательного и одномерного: «Вот чего недостает западному мыслителю и чего как раз ему-то и не должно было недоставать: прозрения в исторически относительный характер собственных выводов, которые и сами являются выражением одного-единственного и только этого одного существования; знания необходимых границ их значимости; убеждения, что его «непреложные истины» и «вечные достижения» истинны только для него и вечно в его аспекте мира и что долг его – искать за ними истины с такою же уверенностью высказанные человеком других культур. Это требуется для полноты любой философии будущего» [7, с. 153].

И.А. Ильин полагал, что русский ученый, по примеру Ломоносова, Пирогова, Менделеева и других титанов науки, призван быть «не ремесленником и не бухгалтером явлений, а художником в исследовании,

ответственным импровизатором, свободным пионером познания» и строить фундамент своих научных исканий на началах любви, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести, что позволит русской науке не превратиться в мертвое ремесло, балласт сведений, безразличный материал для произвольных комбинаций, техническую мастерскую, школу «бессовестного умения» [4, с. 326]. Русский ученый призван созерцать жизнь природного организма; видеть математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою правовую интуицию; видеть целостный экономический организм своей страны; созерцать целостную жизнь изучаемого им языка; врачебным зрением постигать страдание своего пациента [4, с. 326].

Область интуиции в психике русского человека занимает исключительное место. Сам же процесс производства, продуцирования нового знания, по существу, обеспечивается силой воображения. И здесь, в поле действия интуиции и воображения, обнаруживается диалектика как подлинная схема производящей, активно-субъективной способности человека познавать и переделывать мир образов и понятий науки [3, с. 109].

В работе «Русская идея: продолжим ли прерванный путь?» В.Н. Сагатовский показывает, что ценности – это «такие состояния человеческого духа (общества или личности), которые отвечают на вопрос, во имя чего совершается человеческая деятельность, и являются в данной культуре незыблемой основой выбора целей и средств деятельности» и приходит к следующему выводу: «Нам нужна такая Идея, которая даст благодатный свет и непреложный ответ на вопрос: во имя чего?», поскольку общество может развиваться нормально только тогда, когда «система технико-технологических средств (как делать?) служит его внутренним органически принятым ценностям, определяющим, во имя чего надо (или не надо) что-либо делать» [6, с. 14, с. 6, с. 17].

Мы полагаем, что вопрос «Зачем мы живем?» (а отнюдь не импортируемые вопросы западной цивилизации «Кто виноват?» и «Что делать?»!) всегда был стержневым вопросом русского бытия. И выявленное Н.Я. Данилевским в работе «Россия и Европа» русское ядро как камень преткновения любых наших антагонистов даже типичные для Запада вопросы перерождает и формулирует по-новому: вместо инквизиторского вопроса «кто виноват?», ответ на который предполагает крестовые походы, террор и охоту на ведьм, мы задаем иной вопрос: «если виноват, то отчего?»; вместо тейлористско-бихевиористского вопроса «что делать?», ответ на который выражается

в содержащихся в инструкциях алгоритмах поведения, ставящих пределы человеческому мышлению, мы ставим совершенно другие вопросы: «во имя чего делать; с какой целью делать; заслуживает ли это того, чтобы делать?» Не случайно И.А. Ильин отмечал: «Русская наука – не призвана подражать западной учености, ни в области исследований, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследовательство. Это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или разрушительное безобразие» [4, с. 326].

В центр научно-теоретической рефлексии над способами выживания человека разумного в XXI веке становится категория ноосферы. Ноосфера не может быть воспринята как реально существующее явление и умозрачительно вследствие того, что она не является вещественным объектом, хотя при этом является генератором и носителем процессов управления течением геологических, биосферных и социокультурных событий в общепланетарных масштабах. Сама ноосфера в аспекте материальности – совокупность физических полей, генерируемых планетой Земля, ее биосферой и компонентами биосферы. Ноосфера в аспекте информации – совокупность целей (образов будущего) существования Земли и составляющих ее биосферы, т. е. смысл их жизни, а также – память планеты. Ноосфера в аспекте меры – совокупность алгоритмики достижения целей, т. е. реализации смысла жизни. Академик Н.М. Амосов выявил, что интеллект как «аппарат управления сложными системами через действия с их моделями для достижения максимума критериев оптимальности «может быть воплощён различными материальными средствами от биологических до технических» [1, с. 217]. Но это определение интеллекта Н.М. Амосовым как феномена можно расширить, предположив, что интеллект может быть свойственен и естественно-природным, но не биологическим в общепринятом понимании, системам. В этом случае интеллекты будут отличаться друг от друга их материальным носителем, частотным диапазоном, в котором протекают процессы обработки информации каждым из них, системами кодирования информации. Соответственно взаимопонимание интеллектов возможно при наличии материальных носителей каналов информационного обмена между ними, при совпадении частотных диапазонов работы, и согласованности систем кодирования информации. При определённых

условиях в результате взаимодействия разных интеллектов может возникать коллективный интеллект, как одна из компонент коллективной психики, возможности которого могут на порядки превосходить возможности интеллектов-участников, что может находить своеобразное выражение в ноосферных проявлениях в жизни Природы и человеческих обществ. Такое расширение понимания интеллекта по отношению к определению, данному академиком Н.М. Амосовым, даёт наиболее широкое представление о ноосфере Земли, которая взаимодействует с не менее разумным Космосом, а их частью является каждый человек и человечество в целом, несущее свой – специфический – сегмент ноосферы Земли.

Список литературы:

1. Амосов Н.М. Алгоритмы разума. – Киев: Наукова думка, 1979.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ.ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994. – 368 с.
3. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
4. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
5. Миловзорова М.Н. Значение категорий основания и обоснованного в познании // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2015. – №10. – С. 111–116.
6. Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: Петрополис, 1994. – 217 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. / Пер. с нем. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

Плотникова В. А.

**КОЭВОЛЮЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХИЧЕСКОГО
В ТРУДАХ В. М. БЕХТЕРЕВА**

Плотникова Валентина Александровна – старший преподаватель, кафедра истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: valya.plotnikowa@yandex.ru

Аннотация. Автор реконструирует идею В. М. Бехтерева о параллельном развитии психического и физического в живых организмах, представленную в трудах ученого, посвященных выяснению отношения психики к процессу жизни в целом.

Plotnikova V. A.

COEVOLUTION OF THE PHYSICAL AND MENTAL IN THE WORKS OF V. M. BEKHTEREV

Plotnikova Valentina Aleksandrovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Assistant Professor.

Abstract. The author reconstructs the idea of V. M. Bekhtereva about the parallel development of the mental and physical in living organisms, presented in the scientist's works, which clarify the attitude of the psyche to the process of life as a whole.

1. В работах В.М. Бехтерева психика представляется неотделимой от понятия жизни. «Мы признаем психику основным проявлением жизни и полагаем, что в мире нет живого существа без психики...» [1]. Психический и физический уровень организации живого существа предполагаются эволюционирующими параллельно друг другу. При этом развитие психики не следует напрямую из развития нервной системы, поскольку психика не является ее субстратом.

2. В связи с этим подлежат решению несколько вопросов. Во-первых, каков критерий, согласно которому будет определяться степень психического и физического совершенствования; во-вторых, чем обуславливается и объясняется подобное взаимосвязанное развитие?

3. В своих трудах В.М. Бехтерев уделяет большее внимание определению критерия физического совершенствования. За таковой принимается «большая или меньшая дифференцировка и развитие органов чувств и движений» [1]. В качестве критерия развития психики может приниматься увеличение дифференцированности психических переживаний от общего неясного самочувствия у простейших до развития сознания, воли и морально-нравственных качеств у человека.

4. Классическая эволюционная теория Дарвина, по мнению Бехтерева, не способна объяснить развития психики и только частично объясняет физическое совершенствование живых организмов. «В эволюции должен принимать участие и психизм» [2].

5. В.М. Бехтерев выделяет 4 уровня приспособления организма;

Пассивное приспособление;

Активно-пассивное приспособление;

Активное приспособление;

Целесообразное приспособление окружающих условий.

Два последних уровня являются видами психического приспособления и определяют психическую изменчивость видов.

6. Наследственная передача прижизненно приобретенных психических признаков обеспечивается собственно психическими факто-

рами, в основе которых лежит способность к подражанию. С другой стороны, «...не исключена возможность того, что те или иные другие изменения нервной системы, лежащие в основе привычек, сложившихся в течение индивидуальной жизни под влиянием жизненного опыта, должны также отражаться на потомстве наследственным путем в форме хотя бы облегченного приобретения при соответствующих условиях тех же самых привычек» [1].

7. В дополнение к естественному отбору Бехтерев вводит понятие «психического отбора» как результата активного приспособления организма к условиям окружающей среды, борьбы с негативными воздействиями среды, а также межвидовой психической конкуренции. Таким образом, обосновывается психическое совершенствование живых существ наравне с физическим развитием.

8. Параллелизм психического и физического совершенствований объясняется Бехтеревым взаимным влиянием данных сторон организма на количественное и качественное усовершенствование друг друга через явление упражнения. Первоисточником упражнения как способности является психика. Путем упражнения достигается большее дифференцирование двигательной сферы, что, в свою очередь, отражается и на пользовании органами чувств, так как правильное восприятие подразумевает под собой участие активного и точного движения. Кроме того, упражнение оказывает непосредственное влияние на развитие и совершенствование психики в виде воспитания и образования. «Здесь упражнение и развивающаяся под его влиянием привычка являются в роли факторов, обеспечивающих более быстрое ориентирование в окружающих условиях и, в то же время, дающего возможность осуществлять целесообразные двигательные акты с большей быстротой и меньшей затратой энергии» [1].

Список литературы:

1. *Бехтерев В. М.* Биологическое значение психики // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма, 1904, вып. 1, с.1-12; вып. 2, с.83-89; вып. 3, с.114-123.
2. *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. – Изд. 2-е, знач. доп. и частью перераб. – СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1904. – 206 с.

Сатухин В. И.

«МЕРНОСТЬ» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ В ФИЛОСОФИИ ПАВЛА НЕКРАСОВА

Сатухин Валерий Иванович – кандидат философских наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, старший преподаватель, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: satukhin@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются онтологический, гносеологический, антропологический и социально-философский аспекты понятия «мерность», являющегося системообразующим в философии П. Некрасова.

Satukhin V. I.

“DIMENSION” AS A SYSTEM-FORMING CONCEPT IN PAUL NEKRASOV’S PHILOSOPHY

Satukhin Valeriy Ivanovich – Ph. D. (Philosophy), Assistant Professor, Leningrad State University named after A. S Pushkin., Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The paper discusses the ontological, epistemological, anthropological and socio-philosophical aspects of the notion of “dimension”, which is a backbone in P. Nekrasov’s philosophy.

В научно-философской концепции Павла Некрасова присутствует понятие «мерность». Данное понятие у Некрасова является системообразующим.

Концепция Некрасова многоаспектна: имеет онтологический, гносеологический, антропологический, социально-философский аспект. Мерность, по Некрасову, применима к каждому из аспектов его философии, взятому в отдельности. Однако будучи многоаспектной, философия Некрасова системна: каждый аспект органично взаимосвязан с другими аспектами, и одним из средств реализации такой взаимосвязности служит понятие «мерность». Таким образом, данное концептуальное понятие есть понятие связующее и ключевое, универсальное, как уже отмечено – системообразующее.

Способность к знанию меры, по Некрасову, есть способность математическая. Математические способности человеку врождены, естественны. Следовательно, знание меры есть естественная способность. Естественность, таким образом, может быть выражена математически, и Некрасов, усматривая математическое выражение мерности в законе достаточного основания, предлагает математическую версию термина «мерность» – «математическая дедукция».

В библейской версии, мерность, актуализируется ее естественность; в научной версии, математическая дедукция, актуализируется ее абстрактная сущность.

Мерность в онтологии Некрасова

Принцип онтологических построений Некрасова следующий: Истина – это христианский Бог, Абсолют; мир, бытие – иерархия сложных духовно-телесных субстанций, узаконенная и структурированная Абсолютом. Цитируя Св. Писание – «Творец все расположил мерою, числом и весом», – Некрасов постулирует принцип мерности бытия. Обоснование данного постулата у него математическое, – бытие, по Некрасову, аритмологично («аритма» – цифра, число).

Мерность в гносеологии Некрасова

Гносеология Некрасова производна от его онтологии. Поэтому исходной точкой гносеологии у Некрасова оказывается Абсолют. Мерность познания, подобно мерности бытия, Некрасов также возводит к библейской мудрости: «Слова благоразумных взвешиваются на весах» (Прем. Сираха, XXI, 28).

В гносеологии Некрасов на принципе мерности разрабатывает собственный метод, математическо-диалектическо-эмпирический; снимает противопоставление знания и бытия, субъекта и объекта; обосновывает возможность универсального знания. Универсальность явлена в синтезе религии, философии и науки, конкретно – в синтезе христианской догматики, философского рационализма и математической аргументации. По Некрасову, знать меру – это:

на языке христианской догматики значит уметь всякий раз соотнести собственные воления с волей эталона, Творца;

на языке науки, математики, значит скоординировать сознание, прибегнуть к его «математической координации», которая явлена чувственным миром в законах теории вероятностей;

на языке философии значит реализовать «этическую координацию» (угадывается влияние Тейхмюллера, здесь буквально прочитывается тейхмюллерово учение о координации сознания).

Наконец, «мерное суждение» причастно интуиции как одному из способов познания, который Некрасов полагает основным.

Мерность в антропологии Некрасова

В антропологии у Некрасова также собственный метод, метод дедуктивно-индуктивного синтеза, и также – на принципе мерности. Причастную трансцендентности сознательную область Некрасов называет «мерно судящим глазом», «мерным суждением»; человеческая воля, по Некрасову, сопряжена с «мыслемерной свободой».

Мерность в социальной философии Некрасова

Некрасов настаивает на возможности проверки математическими приемами событий общественной жизни, из чего логически следует возможность их научного исследования – с помощью теории вероятностей. Один из главных «интересов» данной научной дисциплины, ситуацию неопределенности, Некрасов определяет как мерную, говорит о мерной неопределенности.

Мерность, по мысли Некрасова, обладает собственным инструментарием, «мерулами» – временем, пространством, вероятностями, моральными оценками ожиданий.

Благодаря тому, что Некрасов возводит мерность к единственному источнику, его концепция обретает высокую степень упорядоченности и строгости.

Ситникова А. А.

ДРАГОЦЕННЫЕ МИНЕРАЛЫ ЭКЗОПЛАНЕТ

Ситникова Алёна Андреевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», студентка гуманитарного факультета.

E-mail: sitfox2@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются и описываются экзопланеты, обладающие уникальным минералогическим составом.

Sitnikova A. A.

PRECIOUS MINERALS OF EXOPLANETS

Sitnikova Alyona Andreevna – State University of Aerospace Instrumentation, Student, Faculty of Humanities.

Abstract. The article examines and describes exoplanets with a unique mineralogical composition.

«Космос бесконечен и безначален по времени и протяжению. Это поражает. Настолько же поразительна причина, раз она произвела бесконечное!» [2, с. 98].
К. Э. Циолковский

Космос во все времена славился своей загадочностью и непостижимостью. Далёкие мерцающие звёзды, недостижимые планеты, притягивающие внимание философов и ученых. В эпоху Античности изучение планет было связано с мистикой, и космос представлялся

особым миром, населённым различными духовными существами. Космос даже отождествлялся с разумным живым существом. Со временем у людей появилось больше возможности в изучении космического пространства. Поэтому небесные тела стали объектами пристального научного исследования.

В наши дни ученые изучают не только планеты, относящиеся к Солнцу, но и так называемые экзопланеты. Экзопланеты – небесные тела, находящиеся за пределами Солнечной системы. На сегодняшний день открыто более трех тысяч экзопланет. Некоторые из них столь удивительны и причудливы, что даже не верится, что они могут существовать. Например, в 2011 году Дэвидом Бэннеттом и его коллегами были открыты экзопланеты, не входящие в какие-либо звёздные системы. И, соответственно, не связанными силами гравитации с какими-либо звёздами [1]. Но, возможно, самым интересным открытием является обнаружение небесных объектов с необычным минералогическим составом.

Наука, занимающаяся изучением различных минералов, называется минералогией, а наука, изучающая драгоценные камни, их свойства, структуру и местонахождение, называется геммологией. Оказывается, драгоценные камни можно найти не только на Земле, но и в космосе. Поэтому можно провести некоторую связь между минералогией, геммологией и изучением экзопланет. Ведь одна из таких далёких планет представляет собой настоящий гигантский алмаз.

Экзопланета 55 Cancri e находится на расстоянии в 40 световых годах от Земли в секторе созвездия Рака.

Ученые, опираясь на свои исследования при изучении данной планеты, пришли к умозаключению, что планета 55 Cancri e содержит железо, некоторые силикаты и карбиды. Также был выявлен углеродный состав звезды 55 Cancri, намного превышающий процент содержания кислорода. Данное утверждение означает, что такое положение может быть присуще и планетам звезды [3].

Другая удивительная экзопланета – горячий гигант HAT-P-7b. По иному его также называют горячим Юпитером. Такое название планета получила из-за близкого расположения к звезде. Авторы статьи «Variability in the Atmosphere of the Hot Giant Planet HAT-P-7b» предполагают, что облака на HAT-P-7b состоят из корунда (Al_2O_3) – минерала, входящего в состав основы сапфиров, рубинов и других драгоценных минералов. Данные облака, по мнению авторов, образуются на стыке ночной и дневной сторон планеты, где преобладает достаточно низкая температура, подходящая для формирования кристаллов сапфиров и рубинов [4].

Эти две удивительные экзопланеты – лишь капля в бескрайнем океане космоса. Можно смело сказать: космос настолько велик, что вечность, считающаяся чем-то непостижимо долгим, покажется всего лишь секундой, мелькнувшей и сгоревшей в атмосфере Земли как небольшой кусочек падающего метеора. Пройдет время, и люди откроют еще больше причудливых и необыкновенных небесных тел.

Список литературы:

1. *Бернацкий А. С.* 100 великих тайн вселенной. – М.: Вече, 2016. – 416 с.
2. *Циолковский К. Э.* Монизм вселенной // Космическая философия. Сборник. – М.: ИДЛи, 2004. – С. 27–128.
3. *Armstrong D. J., de Mooij E., Barstow J., Osborn H. P., Blake J., Fereshteh Saniee N.* Variability in the Atmosphere of the Hot Giant Planet HAT-P-7b // *Nature Astronomy*. – 1. – Volume 24. – Art. 0004. DOI: 10.1038/s41550-016-0004.
4. *Madhusudhan N., Lee K. K. M., Mousis O.* A Possible Carbon-Rich Interior in Super-Earth 55 Cancri e // *The Astrophysical Journal Letters*. – 759:L40. – Volume 5. – pp 1–2. DOI: 10.1088/2041-8205/759/2/L40.

Соловьёва Л. Н.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕК: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Соловьёва Людмила Николаевна – Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), кафедра философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Москва, Россия.
E-mail: luniso@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу проблем воздействия информационных технологий на современного человека. Автором показано, что конструктивный потенциал информационных технологий обусловил формирование глобального информационного пространства и нового способа коммуникации – виртуальной; в настоящее время пространством символической коммуникации выступает Интернет. Сделан вывод о деструктивном воздействии виртуальной коммуникации в отношении традиционных атрибутов личности и формировании новых диффузных идентичностей и моделей субъективности.

Soloveva L. N.

INFORMATION TECHNOLOGIES AND MAN: SOME ASPECTS OF INTERACTION

Solovieva Ludmila Nikolaevna – Moscow Aviation Institute (National Research University), Department of Philosophy, Assistant Professor Ph. D. (Philosophy), Assistant Professor, Moscow, Russia.

Abstract. The article is devoted to the philosophical analysis of the problems of the impact of information technology on modern man. The author has shown that the constructive potential of information technologies has led to the formation of a global information space and a new way of communication – virtual; currently, the space of symbolic communication is the Internet. It is concluded that the destructive impact of virtual communication in relation to the traditional attributes of personality and the formation of new diffuse identities and models of subjectivity.

Развитие человечества в начале третьего тысячелетия во многом детерминировано ростом научно-технического потенциала и переходом цивилизации на новую ступень своего развития – информационную. Став объективным процессом, информатизация, обусловила не только внедрение информационных технологий во все сферы человеческой деятельности, но и запустила механизм изменения самого человека, его мировоззрения, системы ценностей, привычного образа жизни и традиционных способов коммуникации, ориентируя индивидуальную и социальную жизнедеятельность на взаимодействие с развивающимися системами искусственного интеллекта. Сегодня невозможно вообразить человека вне разного рода «гаджетов», обеспечивающих мгновенную связь и быстрый доступ к разнообразной информации, а найти сферу деятельности, в которой бы не применялись информационные технологии, практически, невозможно. В этой связи важной темой современных философских дискуссий является проблема человека и его будущего, звучащая в контексте применения передовых информационных технологий.

Спектр воздействия информационных технологий на человека достаточно широк, однако хотелось бы остановить внимание на некоторых аспектах, а именно на виртуализации, поскольку уже сегодня весьма отчетливо проявляется ее влияние на социум, культуру и собственно человека: она полностью заполнила мир производства и потребления, прочно вошла в повседневную жизнь, став неотъемлемой частью досуга и межличностных отношений. Совершенствование компьютеров и программного обеспечения ввело в обиход виртуальную реальность как компьютерную симуляцию реальных вещей. Виртуализация раскрыла широкие возможности для непосредственного взаимодействия с символическими структурами, стала возможной коммуникация с использованием движущихся изображений, порождая новую реальность, виртуальную, – аналог привычной физической реальности. Так, изначально аудиовизуальные средства передачи информации позволяли сделать восприятие, информирование и коммуникацию независимыми от прямого присутствия на месте событий ценой отказа от возможности погрузиться в происходящее, за исключением телефона. В настоящее время символическая

и все более возрастающая возможность распоряжения необозримым пространством и временем, приобретает еще одну опцию: тексты, изображения, музыка и информация, которые прежде лишь сохранялись, пересылались и обрабатывались, теперь могут быть интегрированы в само действие. Сеть Интернет сегодня как единое информационное пространство стала новой средой, альтернативой физической реальности, в рамках которой может тоже осуществляться жизнедеятельность человека. Это повлекло за собой появление и нового способа взаимодействия между индивидами, не предполагающего обязательного физического присутствия, – виртуальную коммуникацию. В пространстве Сети «традиционный разрыв между обработкой данных и коммуникацией сегодня, практически, нивелируется, благодаря современным сетевым технологиям и новым спутниковым средствам связи, информационное пространство становится по-настоящему единым, а коммуникация осуществляется в пределах всего мирового пространства, что было немислим при использовании классических средств коммуникации» [1, с. 117–118].

Виртуальный мир, таким образом, выступает местом социализации и самореализации, а человек – непосредственным активным участником процесса конструирования не только окружающей действительности, но и собственной идентичности, его творческое воображение может постоянно изменять и реконструировать жизненные явления, делая границы между действительным и воображаемым размытыми и подвижными [2, с. 128]. В новой коммуникационной системе утрачивается необходимость таких определяющих констант человеческой личности, как самоидентификация, индивидуальный стиль исполнения социальных ролей, формируется размытая, рассеянная, или изменчивая идентичность. Индивид может самостоятельно конструировать собственную личность, наделяя ее новыми атрибутами и в этом виде вступать в коммуникацию. Виртуальные контакты сводят коммуникантов к набору символов, означающих личность, освобождают тело от своей непосредственной функции. При сужении телесных контактов виртуальные становятся практически бесконечными, возникает «расширенная реальность» и «виртуальная личность» (в терминологии В.А. Лекторского) и формируется культура «реальной виртуальности», развивающаяся в особом «киберпространстве» и «вневременном времени» (по М. Кастельсу).

Итак, на основе вышеизложенного следует констатировать, что опережающее развитие информационных технологий не только расширяет горизонты творческого самосовершенствования личности,

но и таит риски, ставящие под сомнение дальнейшее существование самого человека. Продуцируемое современным информационным технологиям глобальное информационное пространство выступает альтернативной привычной физической реальности, куда перемещается значительная часть повседневной жизнедеятельности человека. Ключевым маркером грядущей информационной цивилизации по праву считается Интернет как виртуальное пространство символической коммуникации, существующее параллельно с материальным миром и реальной коммуникацией. Виртуальная коммуникация, таким образом, постепенно обретает статус самостоятельного социокультурного фактора, задающего новые параметры иного онтологического измерения человека – информационного, обуславливая постепенную утрату традиционных и возникновение новых диффузных идентичностей и моделей субъективности.

Список литературы

1. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос, 2012. – 247 с.
2. Чумаков А.Н., Иоселиани А.Д. Философские проблемы глобализации. –М.: Проспект, 2015. – 172 с.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

Анисимова И. А.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УСПЕХЕ КАК ОСНОВА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Анисимова Ирина Александровна – кандидат социологических наук, заместитель начальника Отдела содействия трудоустройству выпускников и обучающихся, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: arianna1984@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается мотивационная составляющая человеческого потенциала и его соответствие и влияние на инновационную экономику. Материал статьи подготовлен на основе практического и исследовательского опыта работы в службах, содействующих трудоустройству выпускников.

Anisimova I. A.

REPRESENTATIONS ON LIFE AND PROFESSIONAL SUCCESS AS A COMPETITIVENESS BASIS FOR STUDENTS IN THE CONDITIONS OF INNOVATIVE ECONOMY

Anisimova Irina Aleksandrovna – Ph. D. (Sociology), deputy chief, Department of employment assistance for graduates and students, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article reveals the motivational component of human potential and its relevance and impact on the innovative economy. The material of the article was prepared on the basis of practical and research experience in services that promote the employment of graduates.

Рыночные отношения, формирующиеся в нашей стране уже более 25 лет, все больше пронизывают различные аспекты социальных отношений и явлений, в том числе и сферу образования. Структура и качество подготовки кадров в последние годы становятся предметом пристального внимания общественности и объектом постановки государственных задач и разработки специальных программ. Ключевым измерением этих показателей в условиях рынка труда является конкурентоспособность выпускника учебного заведения профессионального образования. В дальнейшем именно характер развития

конкурентоспособности выпускника будет тем механизмом, который влияет и на конкурентоспособность образовательного учреждения на рынке образовательных услуг и на возможность учебного заведения осуществлять свою деятельность.

Под конкурентоспособностью выпускника высшего учебного заведения мы понимаем востребованность специалистов определенного учебного заведения на рынке труда, а также достижение качественных показателей профессионального развития и карьерного роста. Безусловно, эти показатели возможно оценить с помощью работодателей – основных участников рынка труда. Однако для образовательной организации представляет высокий стратегический интерес – изучение структуры профессионально-карьерных ожиданий и структуры представлений о профессиональном и жизненном успехе студентов как основы будущих действий выпускника на рынке труда, так как за период обучения возможны формирование и реализация программ, направленных на повышение уровня конкурентоспособности и расширения профессионально-карьерных ориентаций и притязаний.

Традиционная задача служб, содействующих трудоустройству выпускников, – исследование конъюнктуры рынка труда и востребованности выпускников на нем, а также мотивации поведения и взаимодействия основных его участников. В 2015 году была разработана научно-исследовательская программа «Траектории профессионального развития», которая охватывает различные аспекты конкурентоспособности студента и выпускника учебного заведения и связана с изучением стратегий поведения учащихся на ступенях среднего общего, среднего и высшего профессионального образования, а также социальных групп, оказывающих влияние на их выбор и путь (родителей, преподавателей и работодателей). В рамках реализации данной программы в мае 2016 года Центром карьеры ННГУ под руководством к.соц.н. Анисимовой И.А. завершен I этап социологического исследования «Влияние внеучебной деятельности студентов на успех на рынке труда», который охватил 800 студентов 3,4 курсов бакалавриата и 1 курса магистратуры. Выборка квотная, репрезентативная по курсам, факультетам и специальностям.

Структура представлений о жизненном успехе как узлового мотива поведения на рынке труда сосредоточена у студентов главным образом вокруг стремлений к любимой работе и дружной, сплоченной семье. Немало важными показателями жизненного успеха являются здоровье, удачный брак и самореализация.

Абсолютный приоритет работы в жизненных стратегиях и ценностях студентов традиционно обозначается как ориентации на ка-

рьеру. Однако в случае со студентами ННГУ карьера представляется прежде всего в категориях профессиональной самореализации, наращивания профессионализма. Показателями успешной карьеры для студентов Университета являются интерес к работе, вовлеченность в процесс работы (63%), профессионализм/компетентность (62%), практические навыки и опыт (58%). Во вторую очередь успешная карьера может выражаться комфортным местом работы (43%) и высокой востребованностью как сотрудника (49%).

С точки зрения показателей жизненного и профессионального успеха студенты университета демонстрируют высокий уровень конкурентоспособности и должны в основном вызывать интерес работодателя в связи с ярко выраженными, глубинными установками на профессиональную самоотдачу, самореализацию, профессиональное развитие и рост собственного профессионального авторитета в коллективе.

Примечательной является и модель входа на рынок труда, свойственная студентам университета, и полностью согласующаяся с жизненными ценностями. Стратегия успешного входа в представлениях студентов в основном не зависит от денег, от родительской поддержки и стремления перерабатывать. Успешное трудоустройство связывается студентами с наличием опыта работы (48%), практическими навыками (53%), знанием профессиональной сферы (48%), профессионализма (50%). Важное место занимают личные качества и образование.

Рассматриваемые базовые представления студентов о желаемом будущем и способах его достижения свидетельствует о наличии глубинной мотивации к развитию содержательной, профессиональной составляющей конкурентоспособности выпускника на рынке труда, которые должны поддерживаться и развиваться в вузе, а также грамотно позиционироваться во взаимодействиях с работодателями.

Приведенный ценностный срез при его грамотном дальнейшем развитии в образовательном учреждении во многом утверждает высокий уровень вероятности вклада современного поколения студентов в инновационную экономику, высокотехнологичную экономику и возможность формирования из числа студентов ее элиты и двигателя как с точки зрения ее профессионального содержания, так и с точки зрения ценностно-смыслового наполнения в категориях профессионализма, высокой работоспособности, профессиональной самореализации.

Список литературы:

1. Краева О. Л. Социологический анализ облика студентов в построении системы качества образования в вузе / О.Л. Краева, И.А. Краева (И.А. Анисимова), А.В. Белая // Мат. XVI Всер. Науч.-метод. Конф. – М., Уфа: ИЦПКПС, 2006. – 24с.

2. Анисимова И. А. Структура внеучебного времени студентов в процессе подготовки к рынку труда. / И.А. Анисимова, Г.Л. Воронин // Вестник ННГУ: социальные науки – Н.Новгород: ННГУ, 2017, №4. – С. 81–89.

3. Воронин Г. Л., Анисимова И. А. Социологическая научно-исследовательская программа Центра карьеры Университета Лобачевского в проектировании и реализации деятельности по профессиональной ориентации, трудоустройству и профессионально-карьерной реализации студентов и выпускников // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 315–318.

Антонян К. Г.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Антонян Карина Георгиевна – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Россия.

E-mail: Tursa@list.ru

Аннотация. В современной культуре и образовании наблюдается визуально-медиаальный поворот, который влечет за собой новые способы подачи учебной информации. Отрицательным аспектом данного процесса является своеобразное нивелирование знания, становящегося просто информацией. К положительным аспектам можно отнести визуализацию учебной информации, появление медиадосок и т. п.

Antonyan K. G.

VISUALIZATION OF INFORMATION IN MODERN CULTURE AND EDUCATION

Antonyan Karina Georgievna – Herzen State Pedagogical University of Russia, associate professor, Ph. D. (Theory of Culture), Saint Petersburg, Russia.

Abstract. In modern culture and education, there is a visual-medial turn, which entails new ways of presenting educational information. The negative aspect of this process is a kind of leveling of knowledge, which becomes just information. The positive aspects include the visualization of educational information, the emergence of media platforms, etc.

Визуальный поворот XIX – 1-ой пол. XX веков ознаменовался одновременным и интенсивным медиаальным поворотом, характеризующимся последовательной сменой средств коммуникации. Со 2-ой пол. XX – нач. XXI веков во все большем количестве изобретаются и

внедряются в профессиональный и повседневный обиход гаджеты для персонального использования. Появление новых электронных устройств изменило в свою очередь цель и способы освоения знания и работы с информацией.

Информация и процесс коммуникации в цифровую эпоху все стремительней превращается в картинку, и воспринимается так же. Это касается и текстов, которые воспринимаются посредством электронных устройств, и оформления текста в виде мотиватора/демотиватора, и создание визуальных мемов, состоящих из цитат или/и картинки, и сам принцип «короткой мысли», который, несмотря на формальную схожесть с афоризмом или цитатой, ими не является. Подобное отношение к слову в повседневном Интернет-общении негативно сказывается на культуре чтения. Культура чтения подразумевает неспешное вдумчивое освоение текстов, на которое требуется затратить время. В цифровую эпоху чтение в Интернете представляет собой процесс «пробегающего» по тексту, ни о каком неспешном освоении смысла написанного речи уже не идёт. Современный человек всё в большей степени работает с информацией, а не со знанием, и для успешного существования в Интернет-среде ему требуется навык фильтрации больших информационных потоков с умением вычленить смысловое ядро в обширном информационном поле и конкретном тексте.

В современной культуре и образовании происходит своеобразное нивелирование знания в модернистском его понимании. Знание – это часть самой личности, понятие тесно связано с понятием «компетенции». Знание является неотчуждаемой составляющей личности, овладение им влияет на картину мира и изменение точки зрения индивида. Информация проходит сквозь сознание, никак не меняя внутренний мир личности. В этом плане знание является инкорпорированным состоянием культурного капитала, следуя терминологии П. Брдье, а информация остается внешним для индивида источником.

В современной системе образования с неизбежностью приходится осваиваться с умением ориентироваться в digital-информации как преподавателям, так и обучающимся. Под digital-информацией в данном случае подразумевается способ представления информации в Интернете, при котором полностью игнорируются принципы последовательности и систематичности. В таких условиях алгоритм формирования запроса с целью найти адекватный источник представляется необходимым умением в процессе получения образования.

Появление и использование электронных учебников и баз данных, созданных специалистами по различным дисциплинам, – один

из шагов в процессе контроля научно-образовательного контента. Структура подобного рода цифровых изданий представляет собой, как правило, гипертекст, благодаря чему информация рассчитана не на линейный способ восприятия текста. Не выходя из пространства осваиваемого материала обучающийся может уточнить терминологию или получить справку по персоналии, прослушать музыкальный фрагмент или увидеть наглядно изучаемое художественное произведение и т. д. Изучение дисциплины становится, таким образом, все более интерактивным.

В современной системе образования визуализация учебной информации материала урока или лекции занимает преобладающее место. Презентациями оформляется в том числе и текстовая информация, которую обучающиеся воспринимают не на слух, как было в прошлом, а через глаз, с экрана или медиаскрипки. У подобного способа подачи учебного материала есть как свои безусловные плюсы, так и свои минусы. Среди плюсов можно назвать наглядность, возможность, не отвлекаясь, точно передать обучающимся правильное написание фамилии персоналии или специфического термина, выстроить во всей полноте связи между феноменами и явлениями. Целью подобного способа является активизация учебно-познавательной деятельности обучающихся. Однако процесс обучения рискует таким образом превратиться в развлечение, где важным становится удержание внимания обучающихся с помощью внешних визуальных эффектов. Весь комплекс создания аудио-визуального способа подачи материала требует учета всех факторов усвоения такого рода подачи знаний, включая психологический. Исследования показывают, что визуальный компонент увеличивает усваиваемость знания, однако, в современной среде, когда наблюдается засилье визуальной составляющей, пробудить любопытство с его помощью становится гораздо сложнее. К тому же аудиовизуальный компонент зачастую отвлекает от сосредоточения на познавательной проблеме. Именно персоне преподавателя является той необходимой частью современного учебного процесса, которая способна мотивировать обучающегося к получению знаний. Если в системе образования прошлого аудиовизуальный компонент был редкостью, то сегодня, в условиях повышенной концентрации этого вида подачи информации, личность преподавателя, его уникальный стиль и образ мысли становится важным, если не определяющим, фактором «активизации учебно-познавательной деятельности».

Таким образом, можно констатировать выраженный визуально-медиаальный поворот в современной культуре и образовании, который

влечет за собой новые способы подачи учебной информации. Однако не всегда технологические изыски должны восприниматься как абсолютное благо. В условиях повышенного аудиовизуального раздражителя возможно, вспоминая хрестоматийные кадры с разрезанием глаза в фильме «Андалузский пёс» Л. Бунюэля и С. Дали, появляется необходимость приглушить этот «визуальный шум» с тем, чтобы хотя бы на уровне системы высшего образования появилась возможность вернуться к смыслу и осмысленному восприятию знания.

Блохин В. Н.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Блохин Виктор Николаевич – Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, старший преподаватель, Горки, Беларусь.
E-mail: vik-1987@bk.ru

Аннотация. В работе описываются особенности, методы и преимущества дистанционного образования.

Blokhin V. N.

INNOVATIVE APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION

Blokhin Viktor Nikolaevich – Belarusian State Academy of Agriculture, Assistant Professor, Horaki, Belarus.

Abstract. The paper describes the features, methods and advantages of distance education.

Современная педагогика пытается учитывать происходящие изменения, удовлетворять новые запросы и потребности учащихся. Особое значение приобретает использование в педагогическом процессе компьютерно-коммуникационных технологий. Достижения научно-технической революции всё больше находят применения в сфере высшего образования. Конкурентоспособная высшая школа в современных условиях является одним из важнейших условий перехода социума к устойчивому развитию. Новые технологии предоставляют возможности использовать актуальные методики преподавания, появляется всё больше междисциплинарных предметов, что связано с интернационализацией, тенденцией к синтезу и инновационностью – характерными чертами глобализации.

К числу наиболее инновационных методик в сфере высшего образования можно отнести возможность применения дистанционных форм обучения. Большинство вузов внедряют и расширяют возможности дистанционного образования. Некоторые учебные заведения уже полностью перешли на такую методику работы. В современных условиях дистанционное образование можно рассматривать как альтернативную форму традиционному образованию и как дополнение к традиционным методам преподавания в вузе.

Американский учёный Б. Холмберг утверждал, что дистанционное образование является скорее не формой обучения, а специфическим образом мышления, т.к. университеты, развивающие данное направление, предоставляют учащимся возможность выбора времени, научных дисциплин, педагогических методик.

К бесспорным преимуществам дистанционного образования можно отнести: отсутствие необходимости в физическом присутствии в учебной аудитории, существует возможность комфортного регулирования личного времени и объёмов изучения научных дисциплин.

Дистанционные методы образования включают следующие уникальные возможности: использование электронной почты; проведение вебинаров; Skype-сессии; электронная библиотека; мультимедийная система (презентации, фото- и видеоматериалы); возможность использования электронных архивов; дистанционное участие в международных конференциях и иных научно-практических мероприятиях; развитие связей с партнерами из региональных и зарубежных высших учебных заведений, научных лабораторий, бизнес-центров и т. д.; возможность получения консультаций преподавателя в режиме on-line; организация сдачи зачетов и экзаменов через сеть Интернет [2, с. 149].

В условиях глобализации и формирования глобального гражданского общества, у каждого человека должна быть возможность претендовать на получение высшего образования. Препятствием для реализации образовательных прав не должны быть такие факторы как расстояния, относительно низкий доход, состояние здоровья абитуриента, неразвитая инженерная и транспортная инфраструктура. Благодаря современным компьютерно-коммуникационным технологиям и специальным образовательным программам не требуется постоянное физическое присутствие студента в вузе. Получение образования играет важную роль не только в трудоустройстве молодежи, но и повышает уверенность в своих силах [1, с. 38].

Значительную популярность по всему миру набирают виртуальные образовательные платформы типа Coursera, которые позволяют выбрать для бесплатного и платного изучения многочисленные

курсы, особой популярностью пользуются междисциплинарные циклы лекций. В целях самообразования, любой желающий, имея доступ в интернет, может получить информацию и доступ к методически качественно разработанным курсам по огромному количеству научных направлений [3, с. 28].

Таким образом, дистанционное образование – это важная инновационная возможность, позволяющая улучшить, разнообразить и сделать более доступным процесс получения высшего образования. Внедрение дистанционных форм образования способствует повышению общего социокультурного уровня населения, обеспечивает доступ к образованию наименее обеспеченным и социально незащищенным группам молодежи.

Библиографический список:

1. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация – М: Из-во МЭСИ, 1999. – 166 с.
2. Мясникова М.С. Инновации в образовании: дистанционное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 149–151.
3. Основы дистанционного обучения. Дистанционный курс / В.Н. Кухаренко – Харьков: Торсинг, 1999. – 41 с.

Болотова О. В.

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА ОСНОВЕ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ**

Болотова Ольга Владимировна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова», кафедра Менеджмент организации, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: bolotovaola@yandex.ru

Аннотация. Согласно концепции универсальных учебных действий для формирования конкурентоспособных специалистов в высшей школе современные преподаватели вузов должны трансформировать технологии и методы подготовки профессионалов в соответствии с запросами времени, больше использовать информационные технологии и интерактивные методы обучения (дискуссия, дебаты, брейнсторм, мозговая атака, деловые и ролевые игры, анализ кон-

кретных ситуаций, ситуационный анализ). Это позволит развить у студента именно те компетенции, которые позволят ему ориентироваться в информационном пространстве, вооружат его умением учиться в течение всей жизни.

Bolotova O. V.

FORMING COMPETITIVE SPECIALISTS IN HIGH SCHOOL ON THE BASIS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MODERN STUDENTS

Bolotova Olga Vladimirovna – Ph. D. (Psychology), Associate Professor,
Department of Organisation management, Baltic State Technical University
“Voenmeh” named after D. F. Ustinov.

Abstract. According to the concept of universal learning activities, modern university teachers must transform technologies and methods of training professionals in accordance with the demands of the time, make more use of information technologies and interactive teaching methods (discussion, debate, brainstorm, brainstorming, business and role games) to form competitive specialists in higher education, analysis of specific situations, situational analysis). This will allow the student to develop precisely those competencies that will allow him to navigate in the information space, arm him with the ability to learn throughout his life.

Согласно концепции информационного общества, современное производство и развитие науки всё в большей мере зависит от профессиональных компетенций и творческого потенциала человека.

На развитие каких качеств и компетенций должно быть направлено современное высшее образование? Как уже сегодня подготовить профессионалов, которые будут востребованы через 5–20 лет? В будущем, с развитием информационных технологий, конкурентоспособный профессионал должен обладать следующими качествами:

Умение работать с базами данных, CRM-системами.

Способность удерживать большой объем освоенной информации.

Способность генерировать новое знание.

Профессиональная автономность и независимость наряду с умением работать в команде для достижения общей стратегической цели организации.

Современные студенты обладает следующими социально-психологическими характеристиками [см.: 1]:

1. Очень хорошо ориентируются и быстро овладевают новым программным обеспечением, т.к. родились и выросли в эпоху бурного развития информационных технологий

2. Нуждаются в постоянном внимании окружающих, находятся в постоянном информационном поле социальных сетей. Легче устанавливают контакты, расширяется география общения, снимаются языковые барьеры(переводчики онлайн, знание языков).

3. Изучают лишь то, что имеет практическую значимость и личную ценность.

4. Быстро переключаются и, как следствие, обладают рассеянностью внимания, как защитной реакцией на необходимость обрабатывать огромное количество входящей информации.

6. Ценят активных педагогов-практиков, которые являются увлеченными профессионалами.

7. Не приемлют диктатуру и авторитарность. Свобода личности и уважение ее прав – очень важное условие обучения и вообще жизни современного юношества.

По нашему мнению, в современном обучении студентов вузов необходимо опираться на концепцию универсальных учебных действий (УУД), которая помогает сформировать как раз те ключевые компетенции, которые будут необходимы специалистам в будущем.

Согласно концепции УУД, существует пять больших групп универсальных учебных действий: познавательные учебные действия, коммуникативные действия, регулятивные универсальные учебные, личностные универсальные учебные действия, знаково-символические действия. Выбирая педагогические технологии для обучения современных студентов, необходимо не только опираться на концепцию УУД, но и, учитывая социально-психологические особенности их личности [см.: 2].

Уже сегодня для формирования конкурентоспособных специалистов в высшей школе современные преподаватели вузов должны трансформировать технологии и методы подготовки профессионалов в соответствии с запросами времени, больше использовать информационные технологии и интерактивные методы обучения (дискуссия, дебаты, брейнсторм, мозговая атака, деловые и ролевые игры, анализ конкретных ситуаций, ситуационный анализ), что позволит развить у студентов именно те компетенции, которые позволят ему ориентироваться в информационном пространстве, вооружают его умением учиться в течение всей жизни.

Список литературы:

1. Карбанова Ольга. Универсальные учебные действия // Постнаука. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/84155> (дата обращения: 19.10.2018).

2. «Мы нормальные, просто другие». Манифест подростка. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://mel.fm/blog/anastasia-merkulova/2683-my-normalnyye-prosto-drugiye-manifest-podrostka> (дата обращения: 19.10.2018).

Боровинская Д. Н.

КРЕАТИВНОСТЬ И ЭКОНОМИКА: ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Боровинская Дарья Николаевна – бюджетное учреждение высшего образования «Сургутский государственный педагогический университет», кафедра социально-гуманитарного образования, доцент, кандидат философских наук, доцент, Сургут, Россия.
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается взаимосвязь креативности и экономического развития и факторы, влияющие на экономическое развитие: технология, талант, толерантность.

Borovinskaya D. N.

CREATIVITY AND ECONOMICS: THE FOUNDATIONS OF THE WESTERN MODEL OF EDUCATION

Borovinskaya Daria Nikolaevna – Surgut State Pedagogical University, Department of social and humanitarian education, associate professor, Ph. D. (philosophy), Surgut, Russia.

Abstract. The paper examines the relationship between creativity and economic development and the factors affecting economic development: technology, talent, tolerance.

Креативность как актуальная характеристика современности всё чаще соотносится с экономическим сознанием человека, его хозяйственной деятельностью. «Формирование современного представления о креативности – это процесс, обусловленный сущностным характером структурных трансформаций в обществе, проистекающих из меняющейся природы экономики и социальной сферы. Стремление к получению прибыли, удовлетворению потребностей и интересов провоцирует рациональное, осмысленное поведение людей в пользу экономически выгодного положения. Это, в свою очередь, обуславливает развитие и доминирование экономической составляющей феномена понятия «креативность» [1, с. 68].

Тесная взаимосвязь экономики и креативности подробно раскрывается преимущественно зарубежными авторами по ряду направлений. Так, Р. Солоу [10] отмечает определяющую роль технологий в экономическом развитии общества. Тогда как Э. Ульман [11] в своих работах по региональному развитию особую роль отводит человеческому капиталу. Роль городов и регионов в области передачи и распространения знаний подчеркивает Дж. Джейкобс [9]. Масштаб и

разнообразие разрастающихся городов обуславливают взаимосвязь между экономическими субъектами, что приводит к генерации новых идей и инноваций. Изучая роль креативности в экономическом развитии муниципальных районов, А. Андерссон [3] отмечает важность знаний, культуры, коммуникаций и креативности в процветании региона. В более поздних исследованиях Р. Барро [4] и Э. Глейзер подтверждают связь между человеческим капиталом и экономическим ростом на национальном уровне.

Примером взаимосвязи креативности и экономического развития могут служить работы известного американского социолога Р. Флориды [5,6]. В своём исследовании он использует структурные уравнения и аналитические модели, позволяющие более полно раскрыть данный вопрос, а также выделить и охарактеризовать основные факторы, влияющие на концентрацию креативного класса и человеческого капитала на региональном уровне. Это так называемые «3 Т» экономического развития» факторы: технология, талант и толерантность. По мнению многих экономистов, в виду того, что талант определяет экономический рост, важно понять, что обуславливает его географию.

В зарубежной литературе представлены три точки зрения на это. Первый подход, предложенный Э. Глейзером [8] и его коллегами, заключается в том, что человеческий капитал формируется в регионах за счёт исходных, уже имеющихся преимуществ. Сторонники данного подхода полагают, что именно университеты, исполняя основную функцию в сферах производства человеческого капитала и его распределения, играют ключевую роль в наборе исходных преимуществ.

Безусловно, университеты являются ядром креативности, так как, с точки зрения Р. Флориды, выступают центрами передовых технологий, обладают неоспоримым свойством притягивать талантливых людей, а также способствуют созданию прогрессивного, открытого и благоприятного человеческого климата, способствующего привлекать членов креативного класса. Однако только лишь одной высшей образовательной школе не по силам создать набор таких преимуществ. «Окружающее сообщество должно обладать способностью усваивать и использовать инновации, генерируемые университетом, а также способствовать обеспечению удобств и качества места, желательных для представителей креативного класса» [2, с. 319–320]. Не следует забывать и о высокой мобильности квалифицированных и образованных людей – как в отдельно взятой стране, так и за её пределами.

В рамках второго подхода утверждается, что именно разнообразие услуг способствует привлечению и удержанию талантливых лю-

дей. Тогда как представители третьего подхода полагают, что лояльность и открытость влияют на уровень и географическое распределение человеческого капитала. По мнению американского экономиста М. Ноланда, терпимое отношение к сексуальным меньшинствам, например, способствует положительному развитию экономической активности.

«Креативность стала движущей силой экономического роста. Возможность конкурировать и преуспевать в условиях глобальной экономики выходит за рамки торговли товарами и услугами, потоков капиталов и инвестиций. Вместо этого она всё больше превращается в возможность стран привлекать, удерживать креативных людей, а также способствовать их развитию» [7, р. 5].

Сегодняшние трансформации, в отличие от предыдущих периодов развития общества, заключаются в акцентированном сдвиге к экономической и социальной системе, основанной на креативности, широком потоке информации и активной деятельности человека. И исходя из этих изменений, выстраивается и современная западная модель образования, активно реализуемая на современном этапе развития общества.

Список литературы:

1. *Боровинская Д.Н., Захарова Л.Н.* Концептуальное представление о креативности: материалистический взгляд // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 10. – С. 62–69.
2. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. – М, 2005. – 421 с.
3. *Andersson A. E.* Creativity and Regional Development. / A. E. Andersson // Papers of the Regional Science Association. – 1985. – V. 56. – № 1, pp. 5–20.
4. *Barro R. J.* 1991. Economic Growth in a Cross Section of Countries / R. J. Barro // Quarterly Journal of Economics. – 1991. – № 106(2), pp. 407–443.
5. *Florida R.* The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life, 2005, 430 p.
6. *Florida R., Mellander C.* The Creative Class or Human Capital? Explaining Regional Development in Sweden / R. Florida, C. Mellander. – Toronto.: The Martin Prosperity Institute at The Joseph L. Rotman School of Management, University of Toronto, 2006, 39 p.
7. *Florida R., Tinagli I.* Europe in the creative age / R. Florida, I. Tinagli. – Pittsburgh.: Carnegie Mellon Software industry center funding provided by the Alfred P. Sloan foundation, co-published in Europe with Demos, 2004, 48 p.
8. *Glaeser E. L., Kolkko J., Saiz A.* 2001. Consumer City. / E.L. Glaeser [and others] // Journal of Economic Geography. – 2001. – № 1, pp. 27–50.
9. *Jacobs J.* 1961. The Death and Life of Great American Cities / J. Jacobs. – New York: Random House, 1961. – 458 p.

10. *Solow R. A.* Contribution to the Theory of Economic Growth / R. A. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – № 70, pp. 65–94.

11. *Ullman E. L.* Regional development and the geography of concentration / E. L. Ullman // Papers and proceedings of the Regional Science Association. – 1958. – № 4, pp. 179–198.

Воробьева М. В.

МЕТОДИКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Воробьева Мария Владимировна – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Аннотация. Цель доклада: описать внедрение методик письма и аналитического чтения из системы либерального образования в российском региональном университете (на примере дисциплины «Философия»). Задачи доклада: охарактеризовать используемые методики из системы либерального образования, привести примеры их сочетания в рамках практических занятий, показать их воздействие на студенческую аудиторию, продемонстрировать возможности, которые даёт их внедрение, а также ограничения на пути внедрения.

Vorobeva M. V.

METHODS OF LIBERAL EDUCATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS

Vorobeva Mariya Vladimirovna – Ph. D. (Theory of Culture), associate professor, Department of History and Philosophy, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Abstract. The purpose of the report: to describe the introduction of writing techniques and analytical reading from the system of liberal education in the Russian regional university (on the example of the discipline “Philosophy”). Objectives of the report: to characterize the methods used from the liberal education system, to give examples of their combination in the framework of practical exercises, to show their impact on the student audience, to demonstrate the opportunities offered by their implementation, as well as restrictions on the way of implementation.

Либеральное образование является одной из тех систем, подходы и методы которой отличаются от методов и подходов, принятых в системе российского высшего образования. Не столь давно появившееся в России, либеральное образование реализуется лишь несколькими столичными высшими учебными заведениями – в качестве

примера приведём РАНХиГС и СПбГУ (факультет свободных искусств и наук); кроме того, чуть более десяти ВУЗов нашей страны являются держателями стандарта «Искусства и гуманитарные науки», часть дисциплин которого может преподаваться с использованием методик либерального образования. Однако это не значит, что для других российских высших учебных заведений, не придерживающихся системы либерального образования, столичных и региональных, закрыт путь для внедрения если не комплексного подхода либерального образования, то его методик в кластере или по отдельности.

Опытом внедрения в преподавание философии для непрофильных направлений кластера таких методик, объединённых общим названием «Письмо и аналитическое чтение», мы хотели бы поделиться в докладе. Данные методики представляют собой связанные между собой способы работы с текстом, письменного изложения и аргументации своих мыслей. Предназначение методик аналитического чтения в том, чтобы научить студентов критически прочитывать тексты, выделять их структуру, логику, а также сбои в логике и нарушения структуры, используемые автором выразительные средства и, конечно же, уметь понять смысл текстов, выделять главное и второстепенное, отчётливо различать детали. Методики письма в своей совокупности нацелены на создание навыков изложения в письме собственных позиций, их обоснования, умения писать об изученных текстах и содержащихся в них проблемах. Эти методики позволяют студентам свести близкое знакомство с философскими текстами, тщательно прочитывая последние при помощи нескольких методик, снять страх перед самостоятельным письмом, а также обучиться писать на самые разные темы, что, безусловно, должно расширять мировоззренческий горизонт. В целом использование методик письма и аналитического чтения позволяет весьма эффективно реализовывать компетентностный подход, который предписывает соблюдать современные образовательные стандарты (особенно в части поиска, анализа и преобразования информации).

Однако при всех достоинствах методик письма и аналитического чтения внедрение в образовательный процесс проходит не всегда гладко, сопровождаясь рядом затруднений, от нормативных и организационных до мировоззренческих. В докладе планируется подробно рассказать, какие затруднения способны встретиться преподавателю российского высшего учебного заведения, пожелавшему использовать методики либерального образования в своей педагогической практике. Кроме того, мы ставим себе задачу рассказать, как именно действуют данные методики не в теории, но реальной

студенческой аудитории – что более успешно, что менее, где методики работают «вхолостую», где наиболее эффективны, какую реакцию студентов встречают.

Ганчар Н. П., Ганчар А. И.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ QR-КОДИРОВАНИЯ В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ТРЕНАЖЁРЕ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. УЧИМСЯ ЧИТАТЬ»

Ганчар Наталия Петровна – учитель английского языка, Гимназия № 9 им. Ф. П. Кириченко, Гродно, Беларусь.

Ганчар Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь.
E-mail: gancharandre1@yandex.ru

Аннотация. В докладе демонстрируется тренажёр для обучения школьников английскому языку.

Ganchar N. P., Ganchar A. I.

APPLICATION OF TECHNOLOGY OF QR-CODING IN EDUCATIONAL-METHODICAL SIMULATOR “ENGLISH LANGUAGE. LEARNING TO READ»

Ganchar Nataliya Petrovna – teacher of English, Grammar School № 9 named after F. P. Kirichenko, Grodno, Belarus.

Ganchar Andrey Ivanovich – Grodno State Agrarian University, Ph. D. (History), associate professor, Grodno, Belarus.

Abstract. The report demonstrates a simulator for teaching English to schoolchildren.

QR-код (в переводе с английского «QuickResponse» – быстрый ответ) – матричный код (двумерный штрих-код) шифрования некоторого объема информации в графический объект, разработанный и представленный японской компанией «Denso-Wave» в 1994 г. Максимальное количество символов, которые помещаются в один QR-код: цифры – 7089, цифры и буквы (включая кириллицу) – 4296, двоичный код – 2953 байт, иероглифы – 1817 [1].

Положительные стороны QR-кода: данный код относится к открытым технологиям, т. е. технологиям, доступным каждому, потому он и получил быстрое распространение, особенно в среде маркетинга; по сравнению с обычным штрихкодом QR-код вмещает в себя намного

больше информации и более устойчив к повреждениям графического рисунка (например, часть графического рисунка можно закрасить или вовсе удалить, код останется читаемым).

Недостатки QR-кода: при использовании QR-кода необходимо быть уверенным, что адресат сможет его прочесть; для чтения такого кода необходимы гаджеты, умеющие распознавать изображение QR-кода и расшифровывать его; вмещает в себя относительно мало информации, например, закодировать целую книгу в один стандартный QR-код не представляется возможным; QR-код является общедоступной технологией, следовательно, нельзя хранить важную информацию в виде QR-кода, так как код не предоставляет соответствующий уровень защиты информации [2].

Успех в изучении английского языка во многом зависит от умения читать. Это значит, надо научиться правильно произносить звуки, уметь правильно прочитать буквосочетание, а в целом – научиться читать слова. Чтобы научиться читать по-английски, надо внимательно изучить эту книгу. Она состоит из трех частей. В первой части обучаемые знакомятся с алфавитом и правилами чтения букв и буквосочетаний, учатся бегло читать предложения и стихотворения. Во второй части полученные знания проверяются на практике: чтение популярной сказки. Третья часть книги – словарь с транскрипцией и переводом слов, важных для понимания прочитанного.

Рекомендуется прорабатывать каждый блок в следующем порядке:

1) установите на мобильное устройство (смартфон, планшет) посредством GooglePlayMarket или AppleStore наиболее распространенные программы для сканирования и распознавания QR-кодов, как-то: QR DroidPrivate™, QuickMark, QR CodeReader, Scan QR, KaywaReader (рекомендуется также установить программу YouTube);

2) запустите программу для сканирования кода;

3) наведите объектив камеры на код;

4) получите информацию!

QR-коды являются ссылками на небольшие видеосюжеты с хостинга YouTube, считываются устройством в режиме онлайн (устройство для считывания QR-кодов должно иметь выход в Интернет). Они используются для презентации буквы. Эта технология даёт возможность услышать правильное произношение английской буквы носителем языка в различных речевых ситуациях. QR-коды призваны разнообразить процесс обучения, сделав его увлекательно-познавательным. Озвученный автором материал можно скачать на сайте издательства, он также доступен по QR-коду [3, с. 2].

Результаты применения данного тренажера просто потрясающие. Ребята младшего школьного возраста, увлеченные технологией, примененной в тренажере, легко осваивают правила чтения в английском языке, обогащают словарный запас, становятся более коммуникативными, с нетерпением ожидают следующего урока.

Список литературы:

1. Что такое QR-код? // ЯQR System [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://qr.com.ua/qr_technology. – Дата доступа : 04.01.2018.
2. Ковалёв А. И. QR-коды, их свойства и применение // Молодой ученый. – 2016. – №10. – С. 56–59. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/114/29398>. – Дата доступа : 03.01.2018.
3. Ганчар Н.П. Английский язык. Учимся читать : учебно-методический тренажёр (Мобильные технологии в образовании): Попурри, 2018. – 72 с.

Дрозд А. Л.

**МИР КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА**

Дрозд Алла Леонидовна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова», доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: drozd-ibci@yandex.ru

Аннотация. Стремительный рост информационного потока активизирует защитную реакцию ребенка, и у него неосознанно начинает появляться желание отгородиться от внешнего информационного воздействия. Поэтому с раннего возраста необходимо воспитывать у ребенка отношение к компьютеру как к инструменту. Выход следует искать в формировании развитой, зрелой личности, которая сможет спокойно относиться к новой реальности, ориентируясь на принципы традиционной морали.

Drozda A. L.

**THE WORLD OF COPYUTER GAMES AND ITS INFLUENCE
ON THE FORMATION OF A CHILD'S PERSONALITY**

Drozda Alla Leonidovna – Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D. F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The rapid growth of the information flow activates the child's defensive reaction, and he unknowingly begins to have a desire to isolate himself from external

information influence. Therefore, from an early age, it is necessary to educate the child's attitude toward the computer as an instrument. The way out is to be found in the formation of a developed, mature personality who can calmly relate to a new reality, being guided by the principles of traditional morality.

В мире современных реалий новые информационные технологии выступают не только в качестве средств передачи, обработки и хранения информации, а играют культуuroобразующую роль, поскольку на их основе создается особая среда со своим специфическим содержанием и нормами социального взаимодействия и общения. Постоянно меняющийся мир обрывает многие корни, с одной стороны, стягивая всех индивидов в единое человечество, а с другой – изолируя, атомизируя людей. [2, с. 31–34].

И как чувствуют себя дети в этом сложном мире? Стремительный рост информационного потока активизирует защитную реакцию ребенка, и у него неосознанно начинает появляться желание отгородиться от внешнего информационного воздействия. Пожалуй, самым интересным и простым выходом из этой ситуации для любого ребенка является процесс компьютерной игры.

Что же заставляет детей просиживать перед мониторами часы напролет? Ответ простой – способность создавать альтернативную реальность с иными образами и атрибутами вещей, возможность погрузиться в ткань иного мира. В чем суть всех современных видеоигр – от простейших до самых завлекательных и сложных? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Она заключается в создании для играющего ребенка искусственного информационного пространства – от несложных операций укладки кубиков до почти натуральных вылетов на боевых машинах, когда пробуждается присущее каждому ребенку естественное желание обогнать, поразить, победить. Игра, как правило, начинается в медленном темпе, затем переходит в ускоряющийся режим, который доходит до такого свободно выбранного темпа, когда ребенок полностью отключается от внешних информационных потоков. Монотонные движения и ритмы усыпляют любого человека, не зависимо от возраста, позволяют легко воздействовать на него, гипнотизировать его, парализовать его волю и подспудно вдальбивать в его сознание любую информацию. Отгораживаясь таким образом от реальных информационных потоков жизни, оказавшись в виртуальном пространстве, ребенок начинает пренебрегать реальным общением, жить своими интересами в выдуманном мире, где ему хорошо и удобно только одному.

Также учеными уже установлено, что во время частых компьютерных игр в организме людей вырабатывается гормон «счастья». Каза-

лось бы, что ничего пагубного здесь нет. Но дело в том, что у человека возникает зависимость от этого гормона, по своей сущности близкая к табачной или наркотической. И постепенно ребенок, в частности, уже просто не может без посторонней помощи справиться с этой привычкой, которая полностью захватывает его существование.

В той или иной мере всем понятна опасность и страшная губительная сила ядерного оружия, поражающего тело, но остается пока незамеченным другое оружие также массового поражения, которое поражает души наших детей, делая их одинокими и беззащитными в придуманном им виртуальном мире. Дети – наше будущее. Будущее нашего общества. И это не просто красивые лозунги, это действительность. Известно, что нож в руках хирурга – добро, а в руках бандита – зло. *Полезно помнить, что информационные технологии только при разумном их использовании могут непременно способствовать развитию личности и общества.* Следует ожидать, что наиболее вероятное использование компьютерных систем будет не игровым, а научным и учебным, способствующим упрощению и облегчению сложного процесса познания действительности.

Выход из этой непростой ситуации следует искать в формировании развитой, зрелой личности, которая сможет спокойно относиться к новой реальности. Ориентиром в лабиринте должны служить принципы традиционной морали. С раннего возраста необходимо воспитывать у ребенка отношение к компьютеру как к инструменту, подчиненному человеческому сознанию, а не наоборот [1, с. 98–101].

Список литературы:

1. Котова Е. Контакт всегда открыт // Беларуская думка. – № 2. – 2001.
2. Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003 – 744 с.

Королькова А. А.

РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Королькова Анна Александровна – Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин, Ленинградская область, Гатчина, Россия.

E-mail: korolkova-anya@yandex.ru

Аннотация. В данной статье обсуждается вопрос: какой образ человека формируется современным социумом и какова роль инновационных техноло-

гий в этом процессе? Исследование данного вопроса привело автора к созданию трехмерной концепции, выявляющей три уровня в рассмотрении проблемы образования: философский, социологический, педагогический.

Korolkova A. A.

THE ROLE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN A CONTEMPORARY MODEL OF EDUCATION

Korolkova Anna Aleksandrovna – State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, Ph. D. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Humanities and Social Science, Leningrad Oblast, Gatchina, Russia.

Abstract. The key question being discussed in the present article is the following: what image of man is formed by a contemporary society and what role play the innovative technologies in this process? The investigation of this question resulted in a third-dimensional conception including three levels of analyzing the problem of education: philosophical, sociological and pedagogical.

Вопрос, вызвавший к жизни данное исследование, звучит так: какой образ человека формируется современным обществом и какую роль в этом процессе играют инновационные технологии? Осмысляя этот вопрос, автор собрал обширный эмпирический и теоретический материал, который потребовал систематизации. В итоге были выделены три главных уровня в рассмотрении проблемы образования: философский, социологический и педагогический. Философские основания образования раскрываются с опорой на труды Макса Шелера, социологический фундамент представлен работой Джорджа Ритцера «Макдональдизация общества 5», а педагогические аспекты образовательного дискурса выявляются посредством аналитического обзора статей, опубликованных в журнале «Инновации в образовании». Такая трехмерная концепция возникла не случайно – в роли связующего звена выступает идея человека. Философия формирует эйдос человека, педагогика его воплощает, а социология выявляет технологии манипуляции, деформирующие целостный образ человека.

Кризис в понимании сущности человека, характеризующий духовную ситуацию нашего времени, вызывает ряд новых вопросов. Способны ли инновационные технологии в сфере образования сформировать целостного человека? Насколько интерактивные методы обучения эффективны в раскрытии творческого потенциала обучающегося?

В качестве путеводной была выбрана следующая идея немецкого философа Макса Шелера: «Образование – не образование, если оно не всестороннее образование». Согласно Шелеру, в современной западноевропейской культуре доминирует концепция, направленная на созда-

ние человека-профессионала. Идея профессии господствует над идеей образования. Однако человеку требуется не только научно-техническое знание, но и философское, метафизическое. Идее человека-специалиста Шелер противопоставляет идею всечеловека или человека любящего. Для воплощения этой идеи необходимо владеть тремя уровнями знаний: научным, философским и религиозным. Сведение трех уровней к первому грозит потерей нравственных ориентиров и угасанием творческого духа. Уязвимость научного знания, по мысли Шелера, состоит в доминировании количественной оценки научных результатов. Науку интересует только то, что можно вычислить, предсказать или использовать в качестве технического средства. Но как можно квантифицировать качество идеи, теории или научного открытия?

Американский социолог Джордж Ритцер полагает, что принцип калькуляции, заразивший всю образовательную систему, изначально возник в сфере ресторанов быстрого обслуживания. По аналогии с «Макдональдсом» автор называет высшие учебные заведения «Мак-университетами». Согласно Ритцеру, все инновации в академической сфере направлены на ускорение образовательного процесса. Поэтому так популярны тесты с множественным выбором, ведь они позволяют оценивать студенческие знания буквально за секунды. Ученый всерьез озабочен тем, насколько стремительно возрастает во всей культуре интерес к количеству, а не к качеству. Но самую главную опасность инновационных технологий Ритцер видит в дегуманизации, приводящей к исчезновению «живого учителя» и доверительных отношений между учителем и учеником.

Проблема дегуманизации активно обсуждается и отечественными учеными, в частности на страницах журнала «Инновации в образовании». Наши исследователи пишут о том, что культивирование активности ученика не должно оборачиваться элиминацией учителя из образовательного диалога. Безусловная ценность игровых методов состоит в развитии не только понятийного, но и образного мышления, однако не следует абсолютизировать интерактивные методики в целом. Педагог должен стремиться найти ту индивидуальную пропорцию свободы и принуждения, которая поможет ученику раскрыть свои творческие способности.

Список литературы:

1. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.
2. *Шелер М.* Университет и народный университет // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы. – СПб.: Алетейя, 2011. – С.478–526.

Коханова Л. А., Черешнева Ю. Е.

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

Коханова Людмила Александровна – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики, доктор филологических наук, профессор, Москва, Россия.

E-mail: L_Kokhanova@mail.ru

Черешнева Юлия Евгеньевна – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики, кандидат филологических наук, доцент, Москва, Россия.

E-mail: ulia@chereshneva.com

Аннотация. В работе обращается внимание на важные аспекты профессиональной деятельности современного журналиста: особенности общения в сети, модерирование сообщений, представление информации в цифровом формате и др.

Kokhanova L. A., Chereshneva Yu. E.

DIGITAL EDUCATION AS A DEMAND OF TIME

Kokhanova Lyudmila Aleksandrovna – Doctor of Philology, professor, Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Chereshneva Yuliya Evgenevna – Ph. D. (Philology), associate professor, Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Abstract. The paper draws attention to important aspects of the professional activities of a modern journalist: features of communication in the network, moderation of messages, presentation of information in digital format, etc.

Цифровые технологии существенно изменили все сферы деятельности современного человека. Но, пожалуй, наиболее кардинальные трансформации претерпела отечественная система образования, перед которой теперь не стоит задача репродуктивной передачи знаний, умений и навыков от педагога обучающемуся молодому человеку. Причем это в равной степени касается как школьного учителя и ученика, так и профессора и студента.

Сегодня тем, кто обучает, важно научить подрастающую смену самостоятельно определять, какой объем знаний ей нужен и каким образом каждому из них сформулировать алгоритм решения поставленных перед ним задач. К тому же каждому надо научиться контролировать весь процесс образования и даже самостоятельно оценивать свои успехи. Это означает, что техногенные формы непрерывного образования, как, например, дистанционное образования становятся все более востребованным.

Это напрямую относится и к журналистике, которая как сфера деятельности одной из первых перешла на цифру. Более того, тради-

ционные средства массовой информации все активнее осваивают сетевое пространство, создавая онлайн-версии печатных газет и журналов. Параллельно развиваются социальные сети, блогосфера, вовлекая в информационно-коммуникативный процесс все больше любительскую аудиторию, которой тоже нужны навыки работы в сети, то есть цифровое образование, в большей степени получаемое дистанционным образом.

Собственно так и происходит на данный момент. За счет того, что молодое поколение или поколение Z уже выросло в эпоху Интернета, и для него это реальная среда обитания, это направление в образовании отдано им же на откуп. Оказывается, сегодня этого явно недостаточно. Необходимо учить работе в сети как профессиональных журналистов, так и тех любителей, которые ведут свои блоги, аккаунты, в социальных сетях. Некоторые уже создали свои авторские каналы, как в Telegram и на YouTube. Именно им требуются программы непрерывного образования, ориентированные на конкретные практические задачи.

Это подтвердило пилотное исследование «Цифровое образование как конкурентное преимущество будущих журналистов», которое было проведено авторами данной статьи. В опросе принимало участие 148 студентов факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Локальность исследования позволила сфокусировать внимание на двух, но, по мнению специалистов, достаточно важных навыках и умениях. Речь идет, прежде всего, о материальном уровне, и это первый аспект исследования, то есть об уровне владения новыми информационными технологиями. При этом следует учитывать, что постоянно появляются информационные платформы, которые требуют от журналистов новых знаний и умений.

Второй аспект – это функциональный уровень, то есть когда цифровое образование рассматривается как осуществление институциональных культурных практик с помощью цифровых технологий. В частности исследовались коммуникативные способности будущих журналистов, которые в большей степени проявляются при общении в сети.

При этом мы исходили из того, что цифровое образование на материальном уровне – это в первую очередь понимание современных информационных технологий, их функционала, а также возможность грамотно использовать их в работе или в быту.

Поэтому задаваемые вопросы ставили своей целью понять, как студенты относятся к таким инструментам, как работа с базами

данных, машинное обучение, компьютерное моделирование, статистический анализ, работами с графическими редакторами и т.п. Это объясняется тем, что журналист, прежде всего, должен уметь искать нужную информацию, ее фиксировать, отбирать в зависимости от поставленной цели и анализировать.

В журналистике, как и в других сферах деятельности, появляются профессии, которые напрямую связаны с цифрой. В редакциях появляются специалисты по работе с Сетью или SMM-менеджеры. Они в определенной степени должны обладать навыками big-data системного аналитика, уметь разговаривать с пользователями конкретно на их языке и т. д.

По итогам опроса 74% студентов уже работают штатно или внештатно на этих должностях. Более того, с этими видами деятельности в большей степени связывают свое будущее (67%). Но большинство респондентов в то же время пишут о том, что они не знают порой, «как строить общение с пользователями в разных сетях, когда они разные: и пользователи, и сети»; «как подавать ту или иную информацию, чтобы вовремя остановиться и не перегнуть палку дозволенного для публикации»; «как понимать информационную безопасность для редакции, для себя лично и для того, с кем общаешься в сети». Этому они готовы учиться.

Поэтому, что касается коммуникативных навыков, то проведенные нами опросы студентов подтвердили некоторые опасения, касающиеся сложности общения в сети. Полученные нами данные говорят о том, что всего 23% студентов, сталкиваясь с сетевыми рисками, не испытывают при этом трудностей. Почти столько же респондентов (28%) знают, к кому обращаться, когда «напоролись на хамство», «получили агрессивный ответ», «попали в конфликтную ситуацию» и т. д. Но это явно не очень высокие показатели.

Очевидно, что и коммуникативная составляющая, как и знание информационных технологий должны стать основными разделами в учебных программах, ориентированных на непрерывное, в большей степени дистанционное образование. Конечно, они должны варьироваться с учетом тех конкретных задач, которые ставит практика. Ясно, что журналисту не надо разрабатывать программное обеспечение, но при подготовке лонгрида – текста нового формата – он должен уметь грамотно сформулировать задачу, чтобы ее понял программист. Таких ситуаций много, и на них указывали студенты, уже столкнувшись с подобными коллизиями.

Подводя итоги, следует отметить, что для будущего журналиста цифровое образование – это фундаментальность, которая в чи-

сле других определяет основные компетенции, которыми должны обладать как выпускники вуза, так и сотрудники редакций. Оно в должной степени дает им конкурентные преимущества по сравнению с теми, кто не владеет системным знанием. Что касается любителей, которые активно присутствуют в сети, то цифровое образование им тоже не помешает, так как в создании атмосферы доброжелательства в виртуальном пространстве принимают участие как профессионалы, так и любители. Для этого необходимо лишь одно – непрерывно самостоятельно обучаться новому, используя при этом качественные учебные программы, разработанные профессионалами. Именно таким образом они смогут соответствовать запросам времени.

Малькова М. В.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ С. И. ГЕССЕНА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Малькова Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: malkovaguap@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается философско-педагогическая концепция С. И. Гессена с точки зрения принципа целостности воспитания.

Malkova M. V.

PHILOSOPHICAL IDEAS OF S. I. HESSEN CONFORMABLY TO THE HUMANISTIC PARADIGM OF MODERN EDUCATION

Malkova Marina Vladimirovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Assistant Professor, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article discusses the philosophical-pedagogical concept of S. I. Hessen from the point of view of the principle of the integrity of education.

Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) – русский философ и педагог, известен в мировой педагогике как теоретик и практик образования, как сторонник философской педагогики.

Осуществил философский подход к педагогике, поставив в ее центр ценностное отношение к образованию, которое рассматривал

как непрерывное восхождение к высотам культуры, личности, ее индивидуальности. Считал педагогику теоретической наукой о должном, рассматривая ее как прикладную философию.

Поворот к гуманистической направленности отечественной педагогики неизбежно ведет к поиску фундаментальных оснований новой педагогической парадигмы. Теоретическое осмысление принципа целостности воспитания в педагогическом и методическом наследии С.И.Гессена дает возможность решения аксиологических, антропологических, эпистемологических проблем современной теории и практики образования, теории и методики обучения [2].

С. И. Гессеном поставлены и оригинально решены многие важнейшие проблемы педагогики, такие как: философия и педагогика (педагогика как прикладная философия), образование и культура (теория нравственного и научного образования), образование и общество (теория национального образования), образование и природа (теория физического воспитания) и т. д. В целом, выделяя четыре типа педагогических теорий (натурализм, социологизм, культурологизм, теологизм), С. И. Гессен причислял себя к педагогам культуры, а культура для него была тождеством гуманизма [3].

Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена рассматривает образовательный процесс как процесс духовного созревания личности, развитие в человеке свободы и приобщения его к культурным ценностям.

С первых страниц «Основ педагогики» С. И. Гессен формулирует авторскую концепцию педагогики как прикладной философии с четко очерченной системой координат, основанной на взаимосвязи и взаимообусловленности таких понятий, как «педагогика», «культура», «образование». Стройность этой концепции придает внутренний смысл, определяющийся автором через категорию деятельности. Гессен характеризует педагогику как практическую науку об искусстве деятельности. Культура, в понимании автора, «есть деятельность, направленная на осуществление безусловных целей-заданий», а образование – это культура индивида, отражающая персональную деятельность субъекта по реализации неисчерпаемого задания собственного развития, «которое не может быть никогда завершено» [1].

В труде «Основы педагогики» он доказывает, что «самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое жизненное значение, что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы» [1].

Русский мыслитель понимает образование как раскрытие и оформление «внутреннего человека», духовное созревание личности, формирование им собственного «Я» на основе законов морали. Педагогическая система Гессена – личностно-ориентированная, т. е. личность, ее индивидуальность и неповторимость рассматриваются в межличностных и коллективных взаимодействиях, в широком социальном и историческом контексте.

Человек, по утверждению С. И. Гессена, – цельное существо. Подобно тому, как нравственное воспитание есть воспитание всего человека, а не только его воли, так и научное образование представляет собой воспитание человека в целом, а не одной только умственной способности. «Этот путь требует упорного напряжения воли, порыва фантазии, энтузиазма, он предполагает даже определенные навыки тела – одним словом весь человек в целом, а не только один его, в отдельности никогда впрочем, даже не существующий, ум должен быть материалом научного образования»[1], – пишет ученый.

Таким образом, личность и общественность выступают как две стороны единого образовательного процесса как процесса духовного совершенствования человечества.

Список литературы:

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию/Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
2. Кругликова Г.Г. 2012. «Философия образования» С.И. Гессена. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3785.

Чекменёва Т. Г.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Чекменёва Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета, Воронеж, Россия.
E-mail: politehist@mail.ru

Аннотация. В докладе описывается «Кибердружина», созданная в Воронежском государственном техническом университете, призванная заниматься мониторингом регионального интернет-пространства в условиях нарастающего информационного хаоса.

Chekmeneva T. G.

**PROBLEMS OF STUDENTS' INFORMATION SECURITY GUARDING
IN THE EDUCATIONAL PROCESS: EXPERIENCE
OF THE VORONEZH AREA**

Chekmeneva Tatiana Gennadievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History of the Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

Abstract. The report describes “CyberDrugIn”, created at the Voronezh State Technical University, designed to monitor the regional Internet space in the face of increasing informational chaos.

Одна из наиболее острых проблем современного образования – борьба с нарастающим информационным хаосом. С расширением сферы действий и интенсивности научно-технического прогресса очень быстро растет количество связей и между людьми и особенно между различными областями знаний. Но количество информации, которое при этом обрушивается на человека, растет многократно быстрее. В результате необходимая (а не только полезная) информация тонет в хаосе «шумов», и при современных методах отбора информации, то есть при существующей системе образования, бывает практически невозможно выявить нужный сигнал, тем более его интерпретировать.

Уже сегодня очевидно, что активное использование информации и информационных технологий практически во всех областях жизнедеятельности человека может привести к возникновению в информационной сфере потенциальных угроз, которые выражаются в нарушении целостности, конфиденциальности, полноты и доступности информации. Соответственно нарастают требования к обеспечению безопасности в сфере информационных отношений, что уже привело к формированию самостоятельного направления – «информационной безопасности», которое включает различные аспекты: правовые, технические, психологические и др. Информационную безопасность можно трактовать как состояние защищенности информационной среды, обеспечивающей жизненно важные интересы человека (витальные, физические, психологические, интеллектуальные, духовные и другие) от внешних и внутренних угроз.

Российские аналитики считают, что в XXI веке нас поджидает информационная катастрофа. Бурные темпы информатизации общества всё более обостряют психологические проблемы установления гармонии в отношениях человека и общества с информационной средой. Развитие новых информационных технологий неразрывно

связано с возникновением новых угроз безопасности пользователей – как субъектов различных видов деятельности [1]. Утрачивает смысл аксиома, что увеличение информации обеспечивает прирост знаний. Иногда за обилием информации скрывается регресс, возврат к менее информированному состоянию, к невежеству. Качественные образовательные программы занимают узкую нишу в телевидении. Интернет открывает доступ к высококачественной информации, но она тонет в значительном количестве информации с сомнительной ценностью. Здесь заложена опасность, способная не только насытить человечество некачественной информацией, но и сделать этот процесс бессмысленным, даже невозможным из-за обилия сведений, обрушивающихся на человека. Обилие информации приводит к тому, что человек не способен ее переварить, осмыслить, особенно при отсутствии соответствующего интеллектуального воспитания, образования и мировоззренческих знаний. Поток информации в обществе создает образ мысли, который больше похож на фрагментарное, ассоциативное и поэтическое мышление, характерное для дописьменных цивилизаций, чем на линейное логическое мышление, типичное для индустриального общества. Вместо того чтобы выстраивать знания в шеренгу, чёткую логическую последовательность, информационное общество предлагает каскады знаков, которые более или менее случайно связаны между собой. Это возрождает мифологическое восприятие действительности. «Мы живём мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко», – считает Г.М. Маклюэн [2, с. 31]. Чтобы избежать фрагментарного восприятия сообщений, специалисты предлагают пользоваться источниками с более медленной скоростью подачи, затормаживать ее, к чему многие, особенно молодежь, уже не склонны. В образовании противодействие фрагментарности предполагает утверждение взаимосвязи в сфере знания, где прежде отдельные предметы образовательной программы были обособлены друг от друга. В любом ускорении информации меняются все формы личной и политической взаимозависимости. «Письменное сообщество всегда будет выступать за дискурсивное или точко-зренческое использование прессы, радио и кино... Коммерческая стратегия развлечения автоматически гарантирует любому средству коммуникации максимальную скорость и силу воздействия как на психологическую, так и на социальную жизнь... В качестве гражданской защиты от побочных следствий средств коммуникации будет признано образование, – отмечает Г.М. Маклюэн [2, с. 348–349].

В Воронежском опорном университете (ВГУ) работает «Кибердружина» из 17 человек. Ее создали по распоряжению ректора ВГУ

Сергея Колодяжного на базе систем информационной безопасности под руководством профессора Александра Остапенко. «Кибердружина» занимается мониторингом регионального интернет-пространства, создает реестр деструктивных контентов и пытается автоматизировать эти процессы. Цель проекта – повышение информационной защищенности жителей Воронежской области за счет мониторинга и противодействия деструктивному контенту в интернете.

Глобальная коммуникация позволяет злоумышленникам управлять массовым сознанием с помощью деструктивного контента. Аренной ожесточенного информационного противоборства становятся социальные сети. В интернете действуют десятки интернет-сообществ, где жители обсуждают темы, насущные для своих регионов. Поэтому, по мнению представителей ВГТУ, сейчас остро необходим инструментарий, который оперативно реагирует на контент-атаки в регионах. Проект ориентирован, прежде всего, на школьную и студенческую молодежь региона – население, наиболее чувствительное к деструктивным контент-атакам. Партнеры проекта – региональный учебно-научный центр по проблемам информационной безопасности, Воронежский научно-образовательный центр управления информационными рисками, территориальные органы федеральных ведомств; рабочую группу также создал департамент образования, науки и молодежной политики Воронежской области.

В заключении следует отметить, что информационная среда может как позитивно, так и негативно воздействовать на студенческую молодежь. Чем выше уровень и качество информатизации общества, тем интенсивнее должна быть работа по нейтрализации отрицательных факторов, усилению информационной безопасности.

Список литературы:

1. Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. – № 3. – С.47–51.
2. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: «Гиперборей», «Кучково поле», 2007. – 464 с.

Часть выступлений не приведена в Тезисах и может быть опубликована в виде статей в сетевом журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» в номерах 3–4 за 2018 год и в первых номерах за 2019 год.

СОДЕРЖАНИЕ

О конференции.....	3
Состав оргкомитета Шестой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества».....	4
Состав редакционной коллегии тезисов Шестой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества».....	5

ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Орлов С. В.</i> ТРАДИЦИИ К. МАРКСА И В. И. ВЕРНАДСКОГО В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	6
<i>Адуло Т. И.</i> РЕШЕНА ЛИ ПРОБЛЕМА «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ»?.....	10
<i>Варини Е.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ СИЛЫ: ТЕОРИЯ КОСМИЧЕСКОГО МОСТА К ДИАЛЕКТИЧЕСКИ-СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ.....	14
<i>Гончаров Н. В.</i> ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ».....	23
<i>Инкижекова М. С.</i> ЦИФРОВОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ – ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	26
<i>Инкижекова М. С., Матвеев А. С.</i> О КОНТЕКСТЕ В КОНТЕКСТАХ.....	31
<i>Караваев Э. Ф., Никитин В. Е.</i> ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ.....	34
<i>Карнаух В. К.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ.....	37
<i>Кислый А. Е.</i> МАРКСИЗМ, ПОСТМАРКСИЗМ И АРХЕОЛОГИЯ.....	40
<i>Колычев П. М.</i> РЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА ИНФОРМАЦИИ.....	43
<i>Кудашов В. И.</i> ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	48
<i>Лященко М. Н.</i> АНАЛИЗ ОДИНОЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ К. МАРКСА.....	50
<i>Оконская Н. К.</i> ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	54
<i>Прибытков А. А.</i> ИДЕИ КАРЛА МАРКСА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	58
<i>Протопопов И. А.</i> ПРИНЦИП ОТРИЦАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЛЕНИНА: К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕГЕЛЕВСКОГО ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА.....	60

<i>Салохин Н. П.</i> ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВКЛАД К. МАРКСА В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	64
<i>Семёнов С. Н.</i> «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» – АНТИТВОРЧЕСКАЯ СРЕДА?	67

ЭСТЕЗИС И ЛОГОС В ГОРИЗОНТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Лосев К. В.</i> ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ: КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕИЗБЫТКА ИЛИ КРИЗИС «РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ»?.....	71
<i>Беляев И. А.</i> ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ИДЕАЛОВ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	74
<i>Лепетухин Н. В.</i> ФЕНОМЕН В.С. ВЫСОЦКОГО В ЭПОХУ «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА».....	76
<i>Малик Ю. С.</i> ЭСТЕТИЗАЦИЯ МИФА И ЛОГОСА.....	79
<i>Носов Н. В.</i> ЭСТЕТИКА ЧТЕНИЯ И «ОСМЫСЛЕНИЕ» МИРА.....	81
<i>Соскин В. А.</i> ИСТИНА И ЯЗЫК. ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО	85
<i>Столетов А. И.</i> ЭСТЕЗИС И ЛОГОС ПОЭТА ИОСИФА БРОДСКОГО	90

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Исаев Б. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	93
<i>Аллаберганов Б. И.</i> МАНИПУЛЯЦИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	97
<i>Ефанов А. А.</i> МЕДИАМЕМИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2018 ГОДА)	99
<i>Игнатъева И. Ф.</i> ТРЕНДЫ ГЕОЭКОНОМИКИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭРУ	102
<i>Костогрызлов П. И.</i> ТРАДИЦИОННЫЕ АКТОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБЩИНЫ?.....	107
<i>Лукин В. Н. Мусиенко Т. В.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	108
<i>Михайлов В. В.</i> ТЮРКСКИЙ МИР И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТЮРКАХ?.....	112
<i>Садов К. С.</i> ТЕХНОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМА- ЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ВЗАИМООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭКОСИСТЕМЫ?.....	115

<i>Сирота Н. М., Хомелева Р. А.</i> РОССИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ (КОНЕЦ 2010-х г.).....	119
<i>Соловьев С. И.</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	122
<i>Тимощук А. С.</i> ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	127
<i>Тяпин И. Н.</i> ФИЛОСОФИЯ И СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В «ИНФОРМАЦИОННУЮ» ЭПОХУ	129
<i>Федоров Р. В.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	133

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Смирнова Т. М.</i> ИСТОРИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА.....	138
<i>Выжлецова Н. В.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	139
<i>Агапудов Д. В.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	143
<i>Белуsoва М. М.</i> МЕТРОПОЛИТЕН В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	146
<i>Васильева В. Н., Лобченко Л. Н.</i> РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ.....	149
<i>Вержибок Г. В.</i> СРАВНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАЗНОПОКОЛЕННЫХ ГРУППАХ.....	152
<i>Гусейнова З. М.</i> П.И. ЧАЙКОВСКИЙ И Н.А. РИМСКИЙ–КОРСАКОВ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРЕПИСКИ	155
<i>Захарова Л. Н.</i> ИСКУССТВО В ЭПОХУ ЕГО «КОМПЬЮТЕРНОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ».....	156
<i>Казунина А. С.</i> ИЗУЧЕНИЕ НОТНЫХ РУКОПИСЕЙ КОМПОЗИТОРА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТВОРЧЕСКОГО АРХИВА А. К. ЛЯДОВА).....	159
<i>Канашевич-Адыгезалова Д. А.</i> К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ.....	161
<i>Карасёва У. А.</i> ЛЮБОВЬ В ПОСТ-ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: ЭКЗИСТЕНЦИЯ ПРОТИВ СИМУЛЯЦИИ.....	165
<i>Качурина П. А. Грудцын Н. А.</i> КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В «УМНОМ» ГОРОДЕ.....	168

<i>Кудря Л. В.</i> СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ЭСТЕТИКИ И СОЦИАЛЬНО ВОВЛЕЧЁННОЕ ИСКУССТВО	172
<i>Кузнецова Е. В.</i> ФЕНОМЕН ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	176
<i>Львов А. В.</i> ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ: «ПОНИМАНИЕ МЕДИА» М. МАКЛЮЭНОМ.....	178
<i>Никитин А. В., Решетникова Н. Н.</i> КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В РЕАЛЬНО-ВИРТУАЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ	181
<i>Пекарникова М. М.</i> ФЕНОМЕН САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	183
<i>Понькина А. М.</i> МУЗЫКА ДЛЯ САКСОФОНА ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	186
<i>Степанова Е. В.</i> ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРЕССА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О КАМЕРНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ	188

НАУКА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЧЕЛОВЕК, ИНФОРМАЦИЯ, КОСМОС

<i>Коробкова С. Н.</i> РОЛЬ ЭТИКЕТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	190
<i>Коломийцев С. Ю.</i> ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ НА УСТРОЙСТВО ВСЕЛЕННОЙ В МИРОВОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА И ФРАКТАЛЬНЫЙ ПОДХОД	192
<i>Битюцкая А. А.</i> РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ КОСМИЗМ	197
<i>Бурова М. Л.</i> ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. В. ИЛЬЕНКОВА.....	201
<i>Выжлецов П. Г.</i> К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»	207
<i>Гришина Т. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУСЛЕ ПРЕДВИДЕНИЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ.....	209
<i>Добротворский А. С., Хрестина М. П.</i> ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ И DATA-MINING ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ.....	211
<i>Душабаев З. Р.</i> ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ.....	213
<i>Королькова Е. А.</i> АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ж.-Ж. РУССО	217

<i>Кравченко В. И.</i> ЧЕЛОВЕК ПО ПОЧЕРКУ: ФИЛОСОФСКО-ГРАФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	219
<i>Кудрин В. Д.</i> ПОСТЧЕЛОВЕК КАК ФЕНОМЕН КЛОНА.....	223
<i>Меньшикова Л. В., Левченко Е. В.</i> РОЛЬ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ В РАЗВИТИИ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.....	225
<i>Миловзорова М. Н.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОКРАТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ В РУССКОЙ НАУКЕ.....	228
<i>Плотникова В. А.</i> КОЭВОЛЮЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХИЧЕСКОГО В ТРУДАХ В. М. БЕХТЕРЕВА	232
<i>Сатухин В. И.</i> «МЕРНОСТЬ» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ В ФИЛОСОФИИ ПАВЛА НЕКРАСОВА.....	235
<i>Ситникова А. А.</i> ДРАГОЦЕННЫЕ МИНЕРАЛЫ ЭКЗОПЛАНЕТ	237
<i>Соловьёва Л. Н.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕК: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	239

**СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА**

<i>Анисимова И. А.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УСПЕХЕ КАК ОСНОВА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	243
<i>Антонян К. Г.</i> ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗОВАНИИ	246
<i>Блохин В. Н.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	249
<i>Болотова О. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ	251
<i>Боровинская Д. Н.</i> КРЕАТИВНОСТЬ И ЭКОНОМИКА: ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	254
<i>Воробьёва М. В.</i> МЕТОДИКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ.....	257
<i>Ганчар Н. П., Ганчар А. И.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ QR-КОДИРОВАНИЯ В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ТРЕНАЖЁРЕ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. УЧИМСЯ ЧИТАТЬ».....	259
<i>Дрозд А. Л.</i> МИР КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА	261
<i>Королькова А. А.</i> РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ	263

<i>Коханова Л. А., Черешнева Ю. Е.</i> ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ.....	266
<i>Малькова М. В.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ С. И. ГЕССЕНА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	269
<i>Чекменёва Т. Г.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	271